

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 21 (121)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2008

ISSN 1990-8466

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ»

Выпуск 11

ПОСВЯЩАЕТСЯ
65- ЛЕТИЮ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук **В.С. Балакин** (*отв. редактор*), д-р филос. наук **Ф.М. Землянский**,
д-р искусствоведения **Н.В. Парфентьева**, канд. ист. наук **С.А. Кривоногова**
(*отв. секретарь*), канд. филос. наук **Е.В. Миронов**, д-р ист. наук, д-р
искусствоведения **Н.П. Парфентьев**, канд. филос. наук **В.Е. Хвоцев**

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	4
От редакционной коллегии	5

ИСТОРИЯ

БАЛАКИН В.С. Человеческий капитал — решающий фактор движения к экономике, основанной на знаниях (историко-экономический аспект)	7
ЖУРАВЛЕВА В.А. Города и городские поселения Урала по переписям населения 1920—1930-х годов	14
СИБИРЯКОВ И.В. ЮУрГУ: основные вехи истории	21
ЧЕРЕПАНОВА Р.С. Просвещенный абсолютизм в России: культурный концепт и политические стратегии	31

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

КОЛОБАЕВА Т.В. Характерные планировочные решения церквей и мечетей Оренбургской губернии в первой половине XIX века	38
ПАРФЕНТЬЕВ Н.П., ПАРФЕНТЬЕВА Н.В. Авторство в произведениях мастера-распевщика строгановской школы Ивана (Исайи) Лукошкова (ум. ок. 1621 г.).....	43
ПАРФЕНТЬЕВА Н.В. Образно-смысловое содержание певческого цикла «Тропари иорданские» московского мастера Федора-Крестьянина (ум. ок. 1607)	54
ПИСЦОВА И.Н. Неизвестное панно Фрих-Хара	71
ПОНОМАРЕНКО Е.В. Архитектура мусульманских и ламаистских культовых сооружений Южного Урала в XVIII — первой половине XIX века	74
ШАДРИНА Е.А. Музыкальный театр Южного Урала 1920—1930-х гг.: эпоха художественного эксперимента	79

СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЖМАЙЛО А.И. Социальный риск как показатель социетальной трансформации современного общества	83
КОКОРИНА С.В. Своеобразие этнокультурного взаимодействия хакасов и русских переселенцев	89
РЫЖОВА С.В. Культурологическое значение вклада Д. Лихачева в гуманитарные науки	94
ФИЛЮКОВ И.А. Социологические аспекты определения и оценки категории «качество жизни»	99

ПОЛИТОЛОГИЯ

ДЬЯКОВА Е.Г. Конструирование проблемы «информационного неравенства»: от государства к обществу	104
ТРАХТЕНБЕРГ А.Д. Интернет как идеология: альтернативная социальность и альтернативная реальность (об осмыслении информационной революции в современной левой мысли).....	111

ФИЛОСОФИЯ

АНДРЕЕВ А.А. Философские аспекты синергетики	118
БЕСПЕЧАНСКИЙ Ю.В. Влияние М. Хайдеггера на позднее философское творчество С.Л. Франка. Концепция Dasein М. Хайдеггера и ее значение для современной философской мысли	122
КОВТУН О.А. Вещь как мера персональной идентичности	129
МИРОНОВ Е.В. Либерально-консервативная социально-политическая концепция Б.Н. Чичерина	133
СОЛОМКО Д.В. Философские основания исследования театрального действия	140
ЦВЕТКОВА В.Д. Типы культуры самореализации личности	145

CONTENTS

HISTORY

BALAKIN V.S. The human capital — a determinative of movement to the knowledge-based economy	7
ZHURAVLEVA V.A. Urals urban population according to the censuses of the 1920—1930-s	14
SIBIRJAKOV I.V. South-Ural State University: the basic marks of history	21
CHEREPANOVA R.S. Enlightened Absolutism in Russia: Official Political Strategies and their Cultural Concepts	31

ART

KOLOBAEVA T.V. Typical floor-plan decisions of churches and mosques of Orenburg region in first half of six century	38
PARFENTIEV N.P., PARFENTIEVA N.V. Authorship in works of Stroganov school master-raspevschik (chanter) Ivan (Isaya) Lukoshkov (died in approximately in 1621)	43
PARFENTIEVA N.V. Decoding of hooked notation (“krukovaya”) record and analysis of figurative-semantic content of the cycle «Troparions Jordanian» of Moscow master Feodor Krestijanin (died in approximately in 1607)	54
PISTSOVA I.N. Unknown picture by Frikh-Har	71
PONOMARENKO E.V. Architecture of muslim and lamaistic buildings for public worship of South Ural in XVIII – first half of XIX century	74
SHADRINA E.A. Musical theatre of South Ural in 1920—1930s: epoch of art experiment	79

SOCIOLOGY AND CULTURAL STUDIES

ZHMAYLO A.I. Social risk is a indicator of the modern society transformation	83
KOKORINA S.V. Pecularity of the ethnocultural interaction of the khakass and the russian migrants	89
RYZHOVA S.V. Cultural significance of D. Lihachov’s contribution in humanities	94
FILJUKOV I.A. Sociological aspects of definition and estimation of the category «quality of life»	99

POLYTICAL STUDIES

DYAKOVA E.G. Constructing of “information inequality” problem: from state to civil society	104
TRAKHTENBERG A.D. Internet as ideology: alternative community and alternative reality (interpretation of information revolution in modern Left views)	111

PHYLOSOPHY

ANDREEV A.A. Philosophic aspects of synergetics	118
BESPECHANSKY Yu.V. Influence of M. Heidegger on late philosophical creation works of S.L. Frank. M. Heidegger’s “Dasein” conception and its importance for the modern philosophical concept	122

KOVTUN O.A. Thing as Measure of Personal Identity	129
MIRONOV E.V. Liberal-conservative sociopolitical concept by Chicherin B.N.	133
SOLOMKO D.V. Philosophical grounds for research of theatrical action	140
TSVETKOVA V.D. Types of culture of personal self-actualization	145

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АССР — Автономная советская социалистическая республика.
ВЦИК — Всероссийский Центральный исполнительный комитет.
ЗАО — Златоустовский архивный отдел.
СЗ СССР — Свод законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР.
СУ РСФСР — Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР.
СНК РСФСР — Совет Народных Комиссаров РСФСР.
ЦСУ — Центральное статистическое управление.
ЦИК СССР — Центральный исполнительный комитет СССР.
ЦУНХУ — Центральное управление народно-хозяйственного учета Госплана СССР.
ЦДОСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается очередной выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета», в котором в рамках серии «Социально-гуманитарные науки» объединен ряд статей, подготовленных к публикации учеными университета и вузов России. Редакционная коллегия сочла целесообразным сохранить пять разделов журнала: «История», «Искусствоведение», «Социология и культурология», «Политология», «Философия».

Раздел «История» представлен статьями, тематика которых охватывает временной интервал от XIX до XXI века. Статья И.В. Сибирякова, посвящена 65-летию Южно-Уральского государственного университета и раскрывает содержание основных этапов его развития. Р.С. Черепанова исследует причины повторяемости в России вплоть до середины XIX века элементов просвещенного абсолютизма. В статье В.А. Журавлевой анализируется динамика городских поселений Урала в 1920—1930-е годы. В.С. Балакин продолжил изучение проблемы взаимодействия человеческого капитала, экономики и общества.

Актуальные вопросы анализа авторских музыкальных произведений распевицы Строгановской школы Ивана Лукошкова рассмотрены на страницах работы Н.П. Парфентьева и Н.В. Парфентьевой. В статье Н.В. Парфентьевой расшифровываются крюковая запись и анализируется образно-смысловое содержание цикла «Тропари иорданские» московского мастера Федора Крестьянина. И.Н. Писцова предприняла попытку провести атрибуцию, а также определить место монументального керамического панно в контексте творчества художника Исидора Григорьевича Фрих-Хара. Т.В. Коломбаева исследует характерные планировочные решения церквей и мечетей Оренбургской губернии в первой половине XIX века. Тематически к этому исследованию примыкает работа Е.В. Пономаренко о культовой архитектуре мусульманской и ламаистской групп населения Южного Урала. Е.А. Шадрина рассматривает музыкально-театральные формы воздействия на зрителя в 1920—1930-е годы.

Социологические аспекты определения уровня «качества жизни» и сущность «социальных рисков» исследуются в статьях И.А. Филюкова и А.И. Жмайло. Актуальные вопросы этнокультурного взаимодействия хакасов и русских нашли отражение в работе С.В. Кокориной. Культурологическое значение вклада Д.С. Лихачева в гуманитарные науки стало предметом изучения С.В. Рыжовой.

В статьях Е.Г. Дьякова и А.Д. Трахтенберга анализируются проблемы «информационного неравенства» и информационной революции в современной левой мысли.

Раздел «Философия» содержит разработку философских аспектов синергетики (А.А. Андреев) и вещи как онтологической границы между Я и миром (О.А. Ковтун), философских оснований театрального действия (Д.В. Соломко) и культуры самореализации личности (В.Д. Цветкова). Другие участники рубрики обратились к анализу влияния М. Хайдеггера на позднее творчество С.Л. Франка (Ю.В. Беспечанский), философских оснований либерально-консервативной и социально-политической концепции Б.Н. Чичерина (Е.В. Миронов).

История

УДК 14
ББК 4481.00

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ — РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР ДВИЖЕНИЯ К ЭКОНОМИКЕ, ОСНОВАННОЙ НА ЗНАНИЯХ (историко-экономический аспект)

В.С. Балакин

THE HUMAN CAPITAL — A DETERMINATIVE OF MOVEMENT TO THE KNOWLEDGE-BASED ECONOMY

V.S. Balakin

Анализируются проблемы взаимодействия человеческого капитала, хозяйства и общества. В центре исследования — динамика знания как условие общественного прогресса. Рассматриваются экономические, социальные и культурные условия формирования человеческого капитала в Челябинской области, интеллектуальный потенциал региона, региональное распределение кадров по сферам деятельности, отраслям. Исследуется формальное и неформальное в характеристиках научных кадров.

Ключевые слова: человеческий капитал, индекс развития человеческого потенциала, интеллектуальный капитал, экономика знаний.

In the article problems of interaction of the human capital, economic relations and society are analyzed. Dynamics of knowledge as a condition of public progress is in the centre of research. Economic, social and cultural conditions of human capital formation in the Chelyabinsk region, intellectual potential of the region and regional staff distributions according to fields of activity are considered. Formal and informal in characteristics of the scientific staff are investigated.

Keywords: the human capital, an index of development of human potential, the intellectual capital, economy of knowledge.

Сегодня прогресс цивилизации начинает определяться интеллектуально-образовательной мощью человека. Человеческий капитал в силу своей неисчерпаемости становятся основным национальным богатством. С точки зрения развития, знание выступает как условие общественного прогресса, как предпосылка общественной саморефлексии, которая в свою очередь определяет уровень социальной системы.

В начале XXI в. лидеры экономического развития активно пытаются формировать новую парадигму научно-технического развития. Основные приоритеты стали перемещаться в область информации и науки. Глобальное соперничество переходит в область науки, культуры и образования. Слагаемыми этой парадигмы выступают: возрастающая взаимозависимость рынков капитала и новых технологий, усиление социальной ориентации новых технологий, глобальный характер создания и использования новых знаний, технологий, продуктов и услуг. Общество, основанное на знаниях (Knowledge society) стремительно завоевывает мир. Бурное развитие

информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) как мощных инструментов для работы с информацией и знаниями существенно ускоряет такие изменения.

Для России переход от сырьевой экономики к производящей — насущная актуальная проблема. Поэтому «экономика знаний» — идеальная цель, к которой могло бы двигаться наше государство в данных условиях. Отличительной чертой «экономики знаний» является ускоренное развитие нематериальной сферы и нематериальной среды хозяйственной деятельности. Производство, распределение и использование знаний составляют основу новой экономики, а ее инфраструктурой становится Internet. В этом заключается смена парадигмы экономического развития, которая существенно уменьшает материально-ресурсные и пространственные пределы границ темпов роста.

Рамки статьи не позволяют рассмотреть все проблемы взаимодействия человеческого капитала, экономики и общества. Наша цель — анализ экономических, социальных и культурных ус-

ловий формирования человеческого капитала и человеческого потенциала в Челябинской области, региональное распределения кадров по сферам деятельности, отраслям, исследование формального и неформального в характеристиках кадров, изучение динамики численности различных квалификационных групп кадров Урала.

В экономических и социальных науках категория «экономика знаний» имеет не одно значение. Этот термин зародился в начале 1960-х гг. во времена исследований, проводившихся Ф. Махлупом. В дальнейшем под «экономикой знаний», или «экономикой, основанной на знаниях», стали понимать такой тип экономики, в котором знания играют решающую роль. В междисциплинарных исследованиях, термин «экономика знаний» применяется для обозначения общества будущего, к которому сейчас идет цивилизация развитых стран. В этом контексте данный термин употребляется в основном как нечто идеальное, к чему следует стремиться, чтобы увеличить темпы роста ВВП государства, а, порой, и мирового сообщества в целом. Например, в рамках UNDP (The United Nations Development Programme) был подготовлен Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 г. Центральной темой подзаголовка стало название «На пути к обществу, основанному на знаниях». У термина «экономика знаний» существуют и альтернативы. Научеведы и социологи используют термины «инновационная экономика», «информационное общество» (А.М. Кулькин). В рамках отношений современности-будущего как альтернативу термину «экономика знаний» используется понятие «креативная экономика» (О.Н. Мельников). Из российских ученых проблему перехода к экономике знаний, управления знаниями и интеллектуальным потенциалом активно разрабатывают С.Н. Бобылев, О.М. Вихарева, А.А. Дынкин, В.В.Иванов, С.М. Климов, А.Д.Косьмин, В.Л. Марков, Б.З. Мильнер, А.И. Ракитов и др.¹

В статье «экономика знаний» понимается как наукоемкая и высокотехнологичная экономика, где основной упор делается на знания, технологии, инновации, и потому в центре такой экономики оказывается то, что специалисты называют «интеллектуальным и человеческим капиталом». Интеллектуальные ресурсы являются той частью интеллектуального капитала, которая непосредственно относится к человеку. Это знания, практические навыки, творческие и мыслительные способности людей, их моральные ценности, культура труда. Интеллектуальный капитал включает также организационный капитал (процедуры и системы управления, программное обеспечение, оргструктура, патенты, бренды, корпоративная культура) и клиентский капитал

(связи с клиентами, информация о клиентах, история взаимоотношений с клиентами). Знания сами по себе не трансформируют экономику. Также нет и гарантии того, что определенное инвестирование в научные проекты принесет высокую отдачу. Урок прошлого (Бразилия, Индия, бывший СССР) заключается в необходимости формирования национальной инновационной системы. В отечественной инновационной системе сегодня отсутствует ее центральное звено — крупные фирмы, способные брать на себя финансовые и технологические риски. Смогут ли этим звеном стать Госкорпорации, покажет время.

В советской социальной науке также исследовались проблемы «трудового потенциала» и «рабочей силы», значительно реже — «человеческих ресурсов». С 1960-х гг. западные экономисты исследуют не трудовой потенциал, а «человеческий капитал». Как раздел экономического анализа теория человеческого капитала появилась благодаря двум нобелевским лауреатам (1979 г.) Теодору Шульцу и Генриху Беккеру. Последний создал его модель и издал книгу «Человеческий капитал». В современной литературе, как правило, используют следующее определение человеческого капитала: Человеческий капитал — совокупность врожденных способностей, запаса здоровья и приобретенных знаний, опыта, квалификации, эффективное использование которых в качестве основного элемента общественного производства становится решающим фактором экономического роста страны. Развитие этой теории привело к признанию сначала в экономической науке, а позднее и на практике того факта, что национальное богатство создается как вещественной, так и невещественной формами капитала, и человеческий капитал стал учитываться как важнейшая составляющая национального богатства.

Термин «человеческий потенциал» трактуется как совокупность возможностей отдельных лиц, общества, государства в области использования людских ресурсов, которые могут быть приведены в действие для решения определенных задач. С середины 1990-х гг. в России по Программе развития ООН рассчитывается индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Значение индекса определяется как совокупность 4 показателей: доход (удельное значение ВВП на душу), долголетия (средняя продолжительность жизни), состояние здоровья (косвенно по уровню затрат на медицинское обслуживание) и образованности.

В условиях стремительного темпа перемен возрастает ответственность власти, элит, бизнеса и общества за поиск и осуществление общей концептуальной модели развития, принципы

которой будут учитывать интеллектуальные приоритеты и оптимальное разделение функций между ними. Это актуально и для Челябинской области. Для оценки влияния, оказываемого знаниями на уровень материального благосостояния в регионах России, был разработан специальный индекс, основанный на пяти показателях, характеризующих ключевые аспекты интеллектуального потенциала. Индикаторы рассчитывались с учетом средней продолжительности обучения занятого населения, полноты охвата начальным, средним и высшим образованием, числа аспирантов в расчете на 100 тысяч занятых, числа занятых исследованиями и разработками в расчете на 100 тысяч занятых, доли внутренних затрат на исследования и разработки в процентах от внутреннего регионального продукта. По этим данным, в 2000 г. индекс развития интеллектуального потенциала Челябинской области составил — 0396 (14 место). При этом наиболее низкими по сравнению, например, с данными по Свердловской области, оказались индикаторы подготовки аспирантов и масштабов занятости исследованиями и разработками².

Распространение научных и научно-технологических инноваций невозможно без соответствующей социокультурной среды, где они могут существовать. Авангардом инноваций, как правило, являются ученые, научные школы, научно-технологические сообщества, и соответствующие им коммуникации. В последние годы российские обществоведы активно постигают социокультурные аспекты развития научного сообщества, формулируют новые выводы о месте и роли интеллектуальных ресурсов.

Сфера социально-гуманитарных наук на Урале была значительно меньше, чем естественных и технических. Во второй половине XX в. интеллектуальный потенциал региона определялся уровнем интеллекта в научно-техническом и оборонном комплексах. Однако сегодня столь же важен уровень интеллекта в сфере социально-гуманитарного знания и особенно в экономике.

В эпоху интеллектуальной экономики человеческий капитал становится основным источником высокой рентабельности, обеспечивая возможность создания и контроля рынков. Сочетание научного, технического, экономического и кадрового потенциала Уральского региона создает предпосылки для развития высокотехнологических производств, сегодня более перспективных, чем традиционная специализация на сырье и металлургии.

Интеллектуальная деятельность включает научно-техническую деятельность, инновационную деятельность, профессиональные услуги и систему образования. Итог интеллектуальной деятельности является следствием уровня интел-

лектуальных ресурсов. Интеллектуальная деятельность предполагает использование не только информации (информационное пространство), но и особых интеллектуальных технологий (научное знание, инструменты познания).

В Уральском регионе динамика индексов развития человеческого потенциала за последнюю четверть XX века значительно менялась. В 1979—1989 гг. происходил сравнительно устойчивый рост ИРЧП и всех его составляющих. В Свердловской области индекс вырос с 0,733 до 0,773, в Челябинской и Пермской областях соответственно с 0,741 до 0,779 и с 0,721 до 0,771. В 1989—1994 гг. происходит падение индекса человеческого потенциала, так как снижается индекс долголетия и материального благополучия, и лишь индекс образованности продолжал медленно повышаться. После спада, повышение индекса человеческого потенциала начинается в середине 1990-х годов. Однако ни в одной из Уральских областей в 2001 г. он не достиг уровня 1989 года. В Свердловской, Пермской, Челябинской областях ИРЧП в 2001 г. соответственно равнялся 0,745, 0,757, 0,756³. Более высокого уровня ИРЧП добились регионы, сумевшие подкрепить высокий уровень образования, высоким уровнем материального благосостояния. При этом наблюдался сравнительно малодифференцированный уровень образованности.

К началу 1990-х гг. на Урале был создан значительный научный, интеллектуальный потенциал вузов. В середине 1980-х г. в вузах Свердловской области работали 7,1 тыс. преподавателей, в том числе 260 докторов наук и 2730 кандидатов наук. В 1990 г. в вузах Челябинской области вели научно-педагогическую работу 4,4 тыс. человек, из них докторов наук — 174 и 2197 кандидатов наук. Научные работники в последние годы, как правило, отрицательно оценивают период горбачевских и ельцинских реформ в науке. Однако в целом динамика кадров не была утрачена. Прирост количества штатных преподавателей вузов в Челябинской области с 1980 г. по 1990 г. составил — 138 чел., а с 1990 г. по 1999 г. уже — 975 чел. В 2003 г. в вузах Челябинской области работали 6,3 тыс. человек (596 докторов наук и 2936 кандидатов наук)⁴.

Как уже отмечалось, количество аспирантов является важным показателем развития интеллектуального потенциала. С 2000 по 2002 гг. численность аспирантов в Челябинской области увеличилось на 411 человек. Количество аспирантов, обучающихся на бюджетной основе, планируется соответствующими министерствами, поэтому значительной динамики здесь ожидать не следует. К тому же количество организаций занимающихся научными исследованиями и разработками сокращается, и темпы роста аспиран-

туры не отстают от темпов роста научных кадров. В начале 1990-х гг. научных организаций насчитывалось 71, а в 2003 г. только 43. Иными словами экстенсивные факторы развития интеллектуального потенциала исчерпаны.

Вузы Урала и, прежде всего крупные институты, оказались восприимчивы к тем переменам, которые диктовались общественными потребностями в специалистах с новыми профессиональными и личностными характеристиками. В 1990-е г. в системе высшего образования произошли структурные изменения: ведущие технические вузы были переименованы в академии и университеты. Уральский, Пермский, Челябинский политехнические институты получили статус технических университетов. Уральский лесотехнический, Свердловский горный, Свердловский юридический, архитектурный и медицинский — статус академий. Свердловский педагогический, Свердловский инженерно-педагогический, Челябинский педагогический институты были переименованы в университеты. Был образован новый вуз — Уральская академия государственной службы.

С 1997 г. в Челябинске на базе технического университета началось формирование Южно-Уральского государственного университета (ЮУрГУ). Сегодня ЮУрГУ превратился в одно из крупнейших универсальных образовательных учреждений России, центр развития образования, науки и культуры Южного Урала. В середине 1990-х гг. быстро создаются негосударственные вузы. В Свердловской и Челябинской областях обучение студентов осуществляли: Институт экономики и права (Челябинск), Уральский гуманитарный университет, Уральский гуманитарный институт, Уральский институт предпринимательства и права, Уральский институт бизнеса (Челябинск), Челябинский гуманитарный институт. В них обучалось около 12 тысяч студентов.

Принятие новой Конституции (1993), политическая и экономическая реформы обусловили структурные изменения во всех вузах. Прежде всего, во всех вузах изменилась структура общественных наук. Преподаватели осваивали курсы: «Политология», «Социология», «Культурология», «Экономикс». В условиях перехода к рыночной экономике была изменена профильная специализация гуманитарных институтов и факультетов.

Университеты, считает В. Садовничий, ректор МГУ им. М. Ломоносова, представляют собой вечные структуры человеческой цивилизации, они являются национальным достоянием⁵. Вместе с тем, в обществе преобладает техногенный тип культуры, сыгравший важную роль на стадии научно-технического прогресса и создавший барьеры в начале XXI века. Рецидивы тех-

ногенной и авторитарной культуры решающим образом влияют не только на молодежь, но и на преподавателей вузов, наполняя их мировоззрение прагматизмом, узкопрофессиональным подходом к образованию, и приводят к дефициту духовной культуры. Гуманизм, интеллектуальный прагматизм и ценности демократии далеко не всегда укрепляют основы научно-педагогической и образовательной деятельности.

В Российской науке длительное время не признавалась прямая зависимость между уровнем образования и уровнем доходов. Лишь в конце 1990-х удалось доказать, что во всех возрастных группах от 30 до 70 уровень доходов был тем выше, чем выше уровень образования. Вместе с тем, развитие интеллектуального потенциала во многом зависит от того, в какой мере люди занятые в различных секторах научно-образовательной сферы и производства, в ходе своей деятельности, могут использовать и передавать знания и основываться на них. Поэтому отношение общества к накоплению и развитию образования является важнейшим показателем социальной составляющей интеллектуального капитала.

Дискуссия о проблемах и перспективах российского образования пока далека от завершения. В.И. Жуков рассматривая достижения и недостатки советской системы образования, обосновал положение о том, что один из ее пороков заключался в недостаточной восприимчивости к информационным технологиям. Тем самым система отечественного образования и органы управления ею не выполнили свою социальную миссию и не внесли в политику властей нового отношения к образованию⁶. Новая парадигма образования, наращивания интеллектуального капитала пока не стала составной частью государственной политики. Она оперирует старыми понятиями и использует не эффективные методы управления. Организационная структура человеческого капитала, науки и системы образования, а также их информационного обеспечения несут в себе черты прошлого. Главными нерешенными проблемами системы высшего образования остаются устаревшая структура специальностей и, соответственно, организационных подразделений, высокая доля заочного образования, огромное расширение платного приема на все формы обучения, преобладающая доля преподавателей пенсионного возраста, второстепенность научной работы, низкий уровень финансирования. В вузах Челябинской области, как и в целом в России более половины студентов получают платное образование. Низкий уровень финансирования в сфере высшего образования, по-видимому, является оборотной стороной его массовости.

Эффективность Российской и региональной системы образования в решающей степени будет зависеть от степени автономности вузов, гибкости используемого классификатора направлений и специальностей. Оптимизация направлений подготовки специалистов, переход на многоуровневую систему высшего образования (бакалавр-магистр) повлечет за собой существенные изменения во всей системе высшего профессионального образования. Подготовка студентов второго уровня высшего образования (магистратура) будет способствовать более быстрому реагированию вузов на потребности рынка труда.

Обеспокоенность профессорско-преподавательского состава Уральских вузов вызывает также широкое участие студентов дневной формы обучения в трудовой деятельности. По разным подсчетам их доля растет к старшим курсам и достигает 80—90 процентов. В ряде случаев это ведет к снижению требований к студентам дневных отделений совмещающих учебу и работу и росту некачественных образовательных услуг. Процесс перехода на подготовку бакалавров приведет к сокращению периода обучения и более раннему включению выпускников с высшим образованием в трудовую деятельность. Не исключено, что магистратура в основном будет платной формой обучения, а это может привести к снижению конкурса на этот уровень подготовки.

Структура научно-педагогических кадров высшей школы уже в 1960—1980-е гг. не соответствовала строению современного знания и даже профессионально-отраслевой структуре хозяйства страны. За этот период увеличился удельный вес представителей технических, физико-математических и экономических наук, и произошло сокращение доли представителей химических, биологических, филологических и сельскохозяйственных наук⁷. В академической науке также увеличилась доля исследователей в физико-математических науках (в 2 раза) и сократился удельный вес, например, ученых в филологических науках с 6,5 до 3,8 %. Самый многочисленный отряд научно-педагогических работников высшей школы России был представлен техническими науками (более 25 % общего числа). Если в вузах страны была сосредоточена половина докторов и кандидатов наук, то в каждом пятом отраслевом НИИ не имелось докторов наук. Однако именно материально-техническая база высшей школы не отвечала современным требованиям. На одного исследователя в вузах приходилось оборудования на сумму всего лишь 5 тысяч рублей. Это в четыре раза меньше, чем в отраслевых НИИ, и в пять с половиной раз меньше, чем в академических институтах⁸.

В Уральском регионе в течение длительного времени сохраняется техническая ориентация научных исследований и разработок. В Челябинской области 80 % специалистов научной сферы были заняты работами в области технических наук, 16 % естественных наук, 2 % — медицинских, 1 % сельскохозяйственных, менее 1 % в гуманитарных⁹. Современное распределение научных кадров по профессиям сложилось в последние 40 лет. Ситуация требует дополнительного анализа с точки зрения потребностей общества и экономики в определенных научных исследованиях и самой науки в этих кадрах. Необходима разработка теоретико-методологического и методического аппарата для измерения и качественной оценки научной, профессиональной структуры. В этой работе необходимо учитывать много факторов. В том числе — повышение социальной ориентации науки, интегративные тенденции, возрастающее единство науки, преодоление ведомственных интересов. Так же необходим прогноз динамики профессиональной структуры в целом и отдельных ее элементов. Но сегодня, мы наблюдаем, сокращение роста численности на достигнутых «научных рубежах», который не опирается на анализ соответствия профессиональной структуры новым требованиям. Особенно заметно это проявляется в научно-технологической сфере оборонно-промышленного комплекса. Между тем мировой опыт свидетельствует как о возрастании значения социогуманитарных специалистов, так и о том, что роль научно-технических кадров, не будет снижаться.

Состояние социальной науки сегодня не позволяет утверждать о преодолении кризиса 1990-х годов. Продолжается конфликт между двумя базовыми моделями: 1) ориентация на национальную «самобытность» и соответственно конфронтация с ценностями западной либеральной демократии; 2) ориентация на открытый универсальный дискурс и ценности гражданского общества¹⁰. Можно констатировать, что социальная наука, оказалась трудно постигаемым знанием. По разным причинам социогуманитарные исследования недостаточно ориентированы на совершенствование бытия народа. Рост высшего образования не привел к адекватному наращиванию политической культуры и знаний о российском обществе. Университеты слабо осуществляют свою социально-политическую функцию независимой экспертизы политики и стратегии властей всех уровней, в том числе и содержания социальных проектов.

Интеллектуальное производство является сетью взаимодействующих индивидуумов. Они составляют научное сообщество, автономность которого является важным критерием развития интеллектуального потенциала. Сложность ана-

лиза сетей заключается в выделении из социальных отношений именно научной коммуникации. Сети в социально-гуманитарных науках могут принимать вид социальных «солидарностей», когда научные сотрудники вступают в коммуникацию и создают объединения на основе политических, культурных или экономических заинтересованностей. Однако сетевые взаимодействия могут складываться и на основе научных идентичностей, в том числе имеющих междисциплинарный характер. Поэтому основой для развития сетей являются не только, информационные и социальные условия творческого развития научных кадров, но и академические свободы. Университеты Урала призваны подготовить интеллектуальную элиту, которая сможет реализовать принципы правового и бюджетного регулирования финансово-хозяйственной деятельности, рыночные по своему характеру и региональные по системам контроля и организации.

Развитие высшей школы сегодня во многом зависит от повышения квалификации научно-педагогических кадров и эффективного их использования. В условиях отсутствия государственной политики подготовки кадров это процесс поддерживается силой инерции и опирается лишь на собственные возможности вузов. Складываются обстоятельства блокирующие эту деятельность. Среди них можно выделить: диспропорцию реального места и современного значения социально-гуманитарного, технического и естественнонаучного знания в обновлении содержания образования; нерациональность государственной финансовой политики; падение социального статуса высшей школы; дефундаментализацию вузовской науки; несоответствие между расходом интеллектуальной, психической энергии преподавателей и социальными условиями ее восстановления и др.

В складывающейся ситуации важно понять логику, направленность современного цивилизационного развития, реально определить место России и ее крупных регионов в этом процессе. Переход к информационной фазе развития мирового сообщества на основе производства и потребления знаний (научных, философских, социальных, нравственных) требует критического анализа социальных итогов преобразований высшей школы. По крайней мере, уже ясно, что необходимо принять решительные меры по коренному повышению статуса преподавателя вузов, предусмотрев введение для этой категории граждан квалификационных государственных рангов. Национальной доктрине образования России следует придать статус Федерального закона, а не превращать ее в задания для регионов. В Гражданский и Налоговый кодексы России необходимо внести поправки, предусматриваю-

щие сохранение для вузов налоговых льгот.

Научные исследования в области социальной науки призваны разрушить миф о научно-технической рациональности, устранить нарастание духовного вакуума в условиях усиления технической мощи, и обосновать закономерность перехода к экономике и цивилизации знаний. Ученым России необходимо изменить социально-политическое мышление и обрести способность апеллировать к общественному мнению и формировать его, вести диалог с властью, доказывать новую роль научной сферы на этапе возникновения информационного общества. Государственными приоритетами должны стать развитие системы государственной поддержки научно-технической деятельности, создание национальной инновационной модели, поддержка и эффективное использование интеллектуального капитала.

Реализация возможностей человеческого потенциала через создание благоприятной среды становится главной задачей государства и общества. Решение этой задачи неизбежно ведет к возрастанию роли государства по мере роста экономики знаний. Это вызвано, прежде всего, потребностью повышения экономического и общественного управления ресурсами в целях роста потенциала человеческой личности. Понятно, что эта тенденция будет весьма противоречивой, вступая в настоящий конфликт с господствующей макроэкономической концепцией. На практике, например, в современной России, это будет вести одновременно к требованиям снижения инфляции и роста госрасходов. И здесь противоречие двух ведущих тенденций, очевидно, становится проблемой для правительства. В 2008 г. Правительство РФ утвердило федеральную целевую программу «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг., общий объем ее финансирования составит более 90 миллиардов рублей. Осуществление этой программы, возможно, явится значительным шагом вперед в деле государственной поддержки научно-педагогической сферы.

Примечания

1. Авдулов, А.Н. *Контуры информационного общества* / А.Н. Авдулов, А.М. Кулькин. — М.: ИНИОН РАН, 2005.; Бобылев, С.Н. *Развитие человеческого потенциала в России* / С.Н. Бобылев // *Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика.* — 2005. — № 1. — С. 41—63; Вихорева, О.М. *Экономика знаний: мировые тенденции и Россия* / О.М. Вихорева, С.Б. Карловская // *Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика.* — 2005. — № 3. — С. 100—108; Дынкин, А.А. *Инновационная экономика* / А.А. Дынкин, Н.И. Иванова, М.В. Грачев. — М.: Наука, 2004. — 352 с.; Иванов, В.В. *Инновационная политика при переходе к экономике знаний* / В.В. Иванов // *Экономическая наука современной России.* — 2006. — № 1. — С. 47—58; Климов,

С.М. Интеллектуальные ресурсы общества / С.М. Климов. — СПб. : ИВЭСЭП; Знание, 2002. — 198 с.; Косьмин, А.Д. Интеллектуальный потенциал общества: формирование, оценка, эффективность использования / А.Д. Косьмин, Е.А. Косьмина. — М. : Экономика, 2004. — 318 с.; Макаров, В.Л. Экономика знаний: уроки для России / В.Л. Макаров // Вестник Российской академии наук. — 2003. — Т. 73. — № 5. — С. 450—456; Мильнер, Б.З. Управление знаниями: эволюция и революция в организации / Б.З. Мильнер. — М. : Инфра-М, 2003. — 177 с.; Ракитов, А.И. Общество, основанное на знаниях / А.И. Ракитов // Вестник Российской академии наук. — 2004. — Т. 74. — № 277. — С. 598—605. Ряписов, Н.А. Концепция экономики знаний Джозеля Мокира / Н.А. Ряписов // ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. — 2007. — № 1. — С. 85—100.

2. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год / под общей ред. проф. С.Н. Бобылева. — М. : Весь Мир, 2004. — С. 108.

3. Там же. — С. 102—103.

4. Челябинской области — 70: стат. сб. — Челябинск : Челябоблкомстат, 2004. — С. 186.

5. Садовничий, В.А. Россия. Московский университет. Высшая школа / В.А. Садовничий. — М. : Изд-во МГУ, 1999. — С. 45.

6. Жуков, В.И. Российские преобразования: социология, экономика, политика / В.И. Жуков. — М. : Академ. проект, 2003. — С. 245.

7. Научные кадры СССР: динамика и структура. — М. : Мысль, 1991. — С. 128

8. См.: Стрекопытов, С.П. История научно-технических учреждений России / С.П. Стрекопытов. — М. : РГГУ, 2002. — С. 349.

9. Челябинской области — 70: стат. сб. — С. 460—461.

10. Социальные науки в постсоветской России / под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.Д. Свищерски. — М. : Академ. проект, 2005. — С. 3.

Поступила в редакцию 16 августа 2008 г.

Балакин Виктор Сергеевич, родился в 1955 г., в 1978 г. с отличием окончил Челябинский педагогический институт, в 1985 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию, в 1998 г. в Институте истории и археологии УрО РАН — докторскую диссертацию «Отечественная наука в 1950—70-е гг.: Динамика социокультурных процессов». В 1998—2006 декан социально-гуманитарного факультета, с 2000 г. зав. каф. «История», профессор. Автор более 80 научных работ по проблемам теории и методологии истории, истории науки и науковедению, истории Урала, интеллектуальной истории, истории городов Урала. E-mail: gum@susu.ac.ru.

Balakin Viktor Sergeevich was born in 1955, in 1978 graduated with honors from Chelyabinsk Pedagogical Institute, in 1985 defended Candidate's dissertation at Lomonosov Moscow State University, in 1998 defended a doctoral dissertation "Russian Science during 1950—1970: Dynamics of the Sociocultural Processes" at Institute of History and Archeology of the Russian Academy of Science, Ural Branch, in 1998—2006 Dean of the Social and Humanities Faculty, since 2001 Head of the Historical Department, Professor. He is author of more than 80 research works concerning problems of history theory and methodology, history of the science and science of science, history of Ural, intelligent history, history of the Ural cities. E-mail: gum@susu.ac.ru

ГОРОДА И ГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ УРАЛА ПО ПЕРЕПИСЯМ НАСЕЛЕНИЯ 1920—1930-х ГОДОВ*

В.А. Журавлева

URALS URBAN POPULATION ACCORDING TO THE CENSUSES OF THE 1920—1930-s

V.A. Zhuravleva

В статье отражена динамика количественных и качественных характеристик городов и городских поселений Урала под влиянием промышленной модернизации 1920—1930-х годов. Автор раскрывает сущность понятия «городское поселение» по переписям населения данного периода.

Ключевые слова: Историческая демография, городские поселения Урала, городское население Урала, переписи населения 1920—1930-х гг.

The article describes the dynamics of Ural urban quantitative and qualitative features under the influence of industrial modernization of the 1920—1930s. The author reveals the meaning of the notion 'urban area' on the basis of the censuses conducted in the stated period.

Keywords: Historical demography, urban area in Ural, Ural urban population, population census of the 1920—1930s.

XX век в России характеризуется небывалой урбанизацией населения, ставшей важнейшей составной частью модернизационных преобразований. Урбанизация связана с развитием городской системы расселения. Для изучения процесса урбанизации на Урале в 1920—1930-е годы имеется обширная источниковая база. В рассматриваемый период было проведено 5 переписей населения страны: Всесоюзная перепись населения 1920 г., Всесоюзная городская перепись 1923 г., Всесоюзные переписи населения 1926, 1937 и 1939 гг. Их данные позволяют проследить динамику городов и городских поселений края, что являлось одной из причин роста городского населения Урала. Определенный вклад в изучение эволюции городской поселенческой сети в рассматриваемый период внесли географы¹. В последнее десятилетие уральскими историками активно исследуется сельская поселенческая сеть региона². Проблема же развития городов края до сих пор не получила должного освещения в научной исторической литературе. В данной статье делается попытка на основе материалов переписей 1920—1930-х гг. проследить динамику количественных и качественных характеристик

уральских городов и городских поселений под воздействием промышленной модернизации края.

По первой советской переписи населения 28 августа 1920 г. на Урале к городской системе расселения было отнесено 239 поселений, в том числе 28 губернских и уездных и 11 безуездных и заштатных городов, 200 пригородов, заводов, фабрично-заводских поселков и поселков городского типа³. По цензу Всесоюзной городской переписи населения 15 марта 1923 г. в Уральской области насчитывалось 205 поселений городского типа, состоявших из 47 городов, 19 пригородов и 139 заводских, фабрично-заводских и станционных поселений, отнесенных к поселениям городского типа⁴. К городам относились 15 окружных (Екатеринбург, Усолье, Златоуст, Ирбит, Ишим, Кунгур, Курган, Пермь, Сарапул, Нижний Тагил, Тобольск, Троицк, Тюмень, Челябинск, Шадринск), 17 бывших уездных (Чердынь, Соликамск, Миасс, Туринск, Красноуфимск, Куртамыш, Оханск, Оса, Алапаевск, Верхотурье, Надеждинск, Березов, Сургут, Верхнее-Уральск, Ялуторовск, Каменск, Камышлов), 6 безуездных и заштатных (Дедюхин, Воткинск, Далматов,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Челябинской области, проект № 08-01-85106 а/У «Города и городское население Урала в условиях промышленной модернизации края (1920—1930-е гг.)»

Кыштым, Невьянск, Кушва) городов, а также заводы с горсоветами (Каслинский, Лысьвенский, Мотовилихинский, Чусовской, Кусинский, Саткинский, Кизеловский и Челябинские Госкопи) и с. Обдорское⁵. При этом официальный статус города имело всего 27 населенных пунктов, хотя численность населения, например, Воткинска, Кыштыма, Лысьвы, Миасса, Мотовилихи, Надеждинска, не являвшихся официально городами, превышала 10 тыс. чел. Такое разное количество городских населенных пунктов на Урале в начале 1920-х годов, когда еще не было крупномасштабных социально-экономических преобразований, способных вызвать кардинальные изменения в структуре поселенческой сети региона, объясняется отсутствием четких критериев городского поселения, что в конечном итоге сказывалось на численности городского населения. По данным переписи 1920 г., опубликованным в 1923 г., непосредственно в городах проживало 702 132 чел.⁶, а в издании 1925 г., в котором в отношении итогов переписи 1920 г. применялся ценз 1923 г., этот показатель уже составлял 814 649 горожан⁷.

В период первой советской переписи 1920 г. к городским поселениям относились все губернские и уездные города, а также прочие города, признанные таковыми в законном порядке, и поселки, имевшие городские и поселковые советы; пригороды, не включенные в состав городских территорий, но примыкавшие к их черте и связанные с ними тесными экономическими узлами; поселки при фабриках и заводах, железнодорожных станциях и речных пристанях и в полосе отчуждения железной дороги, не находившиеся в пределах селитебной черты других поселений, если население их составляло не менее 500 чел. (по сведениям 1916—1919 гг.); дачные поселки и курорты, не находившиеся в черте других поселений и имевшие не менее 500 жителей. В исключительных случаях к городским поселениям относились населенные пункты, находившиеся в ведении сельских советов, если в них проживало не менее 2 тыс. чел. и население их занималось преимущественно торговлей и промышленностью, не сельским хозяйством⁸.

Этими же критериями руководствовались и при проведении городской переписи 1923 г. Но, как показывает инструкция о производстве демографической переписи⁹, кроме населения собственно городской территории, переписывались и жители пригородных местностей, лежавших за городской чертой, но тесно связанных с городом и составлявшим с ним одно целое в экономическом отношении. Одновременно на основании материалов переписи 1920 г. и сведений губернских статистических управлений и бюро были исключены из предполагаемого круга обследо-

мых мест те, которые только по названию являлись городскими поселениями и слободами, а в действительности утратили свою былую роль¹⁰.

Результаты переписи 1923 г. показали, что, несмотря на произведенную чистку перечня городских поселений, в качестве поселков городского типа было переписано немало чисто сельских поселений, особенно в категории местечек и торгово-промышленных сел. Большинство их утратило характер бойких торговых центров и превратилось в села. Однако в 1923 г. при составлении списка торгово-промышленных сел, подлежащих переписи в качестве городских поселений, не было достаточно материала для точного установления, удовлетворяли ли они установленному цензу¹¹.

В последующий период центральные органы власти основные усилия направили на выработку принципов упорядочения и регистрации поселенческой сети. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 15 сентября 1924 г. «Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках» определило четкие критерии городских поселений: взрослое население должно было насчитывать не менее 1000 чел. и сельское хозяйство являлось основным занятием не более чем для 25 % жителей¹². В дальнейшем этот нормативно-правовой акт был дополнен постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР «О рабочих поселках» (1926); «О курортных поселках» (1927); «О дачных поселках» (1928)¹³. Таким образом, в соответствии с новыми правилами учета городские поселения делились на две категории: города и городские поселки (рабочие, курортные, дачные).

В рассматриваемый период было положено начало процессу упорядочивания территории города. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1925 г. особо подчеркнуло, что включение в городскую черту сельских и иных поселений допускалось только с утверждения ВЦИК¹⁴.

Согласно Декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 30 августа 1926 г. регистрация вновь возникавших поселений и их учет возлагались на административные отделы краевых и областных исполнительных комитетов и ЦИКи автономных республик. Наименования поселений утверждались в исполкомах областей, краев и автономных республик по представлению соответствовавших административных комиссий и публиковались в местном официальном органе. Местные исполнительные комитеты обязаны были немедленно доводить до сведения Административной комиссии при Президиуме ВЦИК как о регистрации, так и о наименовании населенных пунктов¹⁵. 30 декабря 1926 г. Административная комиссия при Президиуме ВЦИК утвердила инструкцию

«О порядке регистрации, наименования и учета населенных пунктов»¹⁶, которая стала основным документом, регламентировавшим на практике учет населенных пунктов.

В соответствии с принятыми нормативными документами были пересмотрены и объявлены новые списки городов регионов. Список городов Уральской области был утвержден Президиумом ВЦИК 5 апреля 1926 г. В него были внесены существенные коррективы. Во-первых, официальный статус города получили Кизел, Кушва, Лысьва, Миасс, Мотовилиха и Надеждинск. Во-вторых, такие города, как Березов, Дедюхин, Далматов, Куртамыш и Сургут, были преобразованы в сельские населенные пункты. В список разжалованных городов попал и один из старейших уральских городов Верхотурье, получивший статус города еще в 1598 г., но к середине 1920-х годов он утратил свое былое экономическое значение. В-третьих, города Воткинск, Каменск и Кыштым, равно как Нижне-Салдинский завод и Чусовую отнесли по статусу к рабочим поселкам. В итоге на Урале в законодательном порядке признавалось 32 города, вместо 27-ми в 1923 г. Это: Свердловск, Алапаевск, Верхнеуральск, Златоуст, Ирбит, Ишим, Камышлов, Кизел, Красноуфимск, Кунгур, Курган, Кушва, Лысьва, Миасс, Надеждинск, Невьянск, Нижний Тагил, Оса, Оханск, Пермь, Мотовилиха, Сарапул, Соликамск, Тобольск, Троицк, Туринск, Тюмень, Усолье, Челябинск, Чердынь, Шадринск, Ялуторовск¹⁷.

По цензу Всесоюзной переписи населения 1926 г. городские поселения, как и ранее в 1920 г. и 1923 г., включали не только города, но и так называемые поселки городского типа. К ним относились фабрично-заводские, станционные и дачные поселки с населением не менее 500 чел. при условии, что в составе их самостоятельного населения было не менее половины лиц, не занятых сельским хозяйством, а также торгово-промышленные села с населением не менее 2 тыс. чел.¹⁸ Однако в 1926 г., в отличие от 1923 г., при отнесении населенного пункта к городскому условию, что не менее половины самостоятельного населения занималось несельскохозяйственной деятельностью, требовалось не только торгово-промышленным селам, но и фабрично-заводским, станционным и дачным поселкам.

На основании этих требований ЦСУ утвердило список городских поселений Урала для Всесоюзной переписи населения 1926 г. Он значительно отличался от подобного списка 1923 г. В него не вошли, во-первых, населенные пункты, причисленные в 1923—1926 гг. к селам, поэтому они не могли быть сохранены в списке в качестве поселений городского типа. Во-вторых, поселения городского типа, которые, по данным

переписи 1923 г., не удовлетворяли цензу переписи 1926 г. по числу жителей. В-третьих, поселения, в которых во время предыдущей переписи более половины самостоятельных показали какое-либо сельскохозяйственное занятие в качестве главного¹⁹. Список включал 159 городских поселений²⁰, в том числе 31 город (Пермь и Мотовилиха рассматривались как единое целое) и 128 поселков городского типа²¹.

Для определения территории и состава городского поселения были приняты следующие основания. Во-первых, по городам с утвержденной городской чертой в перепись включалась вся территория в пределах городской черты. Пригороды, находившиеся вне городской черты и подчиненные сельскому управлению, но связанные с городом сплошной застройкой, также включались в состав данного городского населения. Во-вторых, по городам, не имевшим утвержденной городской черты, и по поселениям городского типа в перепись включалась территория в границах сплошной застройки. К тому же при переписи 1926 г., в отличие от предыдущей городской переписи 1923 г., указывалось, что при решении вопроса о включении пригорода в состав городского поселения необязательно исходить из наличия экономических связей пригорода с городским поселением²².

Между переписями 1926 г. и 1937 г. на Урале значительно изменился список городов. В регионе увеличилось число населенных пунктов с официальным статусом города. Его получили 13 городов: Березники, Калата, Красноуральск, Магнитогорск, Асбест, Первоуральск, Чусовой, Аша, Карабаш, Копейск, Кыштым, Ревда, Каменск. Одновременно происходил процесс укрупнения городов. 14 октября 1927 г. Президиум ВЦИК утвердил объединение Перми и Мотовилихи в единый город с присвоением ему наименования «Пермь»²³, однако 23 июля 1931 г. секретариат Уралобкома ВКП (б) принял решение о выделении г. Молотово (бывшая Мотовилиха) из состава Перми²⁴. 16 декабря 1931 г. секретариат Уралобкома ВКП (б) утвердил постановление фракции ВКП (б) Уралоблисполкома об объединении Березников с г. Усолье в единый город²⁵, а 17 августа 1933 г. Президиум ЦИК СССР переименовал г. Усолье, объединенный к тому времени с рабочими поселками Веретея, Дедюхиным, Ленвой, Усть-Зырянкой и Чурганом, в город Березники²⁶. В итоге к началу 1933 г. на Урале насчитывалось 35 городов и 103 поселения городского типа²⁷.

В 1934 г. было продолжено районирование Уральской области, ее территория была разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую области. Западная часть Уральской области (Сарапульский округ) была передана

вновь созданной Удмуртской АССР²⁸. В связи с этими административно-территориальными изменениями из состава Урала вышли города Ишим, Тюмень, Воткинск, Сарапул, Тобольск, Ялуторовск.

Во время переписи населения 6 января 1937 г. основным признаком городского поселения стало признание населенного пункта в законодательном порядке городом или поселением городского типа. Но кроме них, как и прежде, к городским поселениям относились населенные пункты по прежним критериям: количество жителей и их занятие несельскохозяйственным трудом. Правда, в отличие от предыдущей переписи в дачных и курортных поселках принималось во внимание их население в зимнее время²⁹.

Таким образом, в основу составления списка поселений городского типа для переписи населения 1937 г. был положен список поселений 1926 г. с включением в него новых городов и поселков городского типа, возникших на Урале в 1927—1936 гг. на основе промышленного строительства. В Челябинской области в качестве таковых ВЦИК утвердил город Магнитогорск и поселки городского типа Еманжелинск, Коркино, Горняк и ст. Карталы. Однако наряду с возникновением крупных городских населенных пунктов появился ряд поселений на базе строительства небольших фабрик и заводов местного значения. В то же время население целого ряда старых поселков сельского типа изменило характер своей деятельности. В силу этого накануне переписи 1937 г. отмеченные населенные пункты должны были быть отнесены к числу поселков городского типа. В Челябинской области облУНХУ выявило около 35 подобных поселений и материалы по ним были представлены на утверждение Центрального управления народнохозяйственного учета Госплана СССР (далее — ЦУНХУ)³⁰.

В период между переписями 1926 г. и 1937 г. происходил рост территории старых городов и городских поселений за счет строительства новых кварталов в порядке застройки и слияния с близлежащими деревнями и селами, расположенными по направлению развернувшегося нового городского строительства. В связи с этим особое значение приобрела проблема определения территории отдельного городского населенного пункта. Еще 11 февраля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР своим постановлением определили критерии городской и поселковой черты вновь образованных городов, рабочих, дачных и курортных поселков. Согласно ему в состав городской или поселковой черты включались все застроенные кварталы вместе с площадями, улицами, переулками и местами общественного пользования, а также примыкавшие к ним земли, необходимые

для нормального функционирования населенных пунктов. Постановление обязывало городские поселения, образованные до издания нормативного акта, произвести определение городской или поселковой черты в трехлетний срок со дня события, а поселения, образованные после выхода данного постановления, — в течение трех лет с момента их образования³¹.

Во время переписи населения 1937 г. ЦУНХУ для определения территории городского поселения приняло единственный чисто формальный признак — черту сплошной застройки, хотя, как считал статистик П.И. Пустоход³², это не всегда совпадало с действительными границами города. Более того, в результате такого подхода села и деревни, примыкавшие к городскому поселению, в отдельных случаях даже отделенные от него оврагом или рекой, включались в состав городского поселения и, следовательно, неиндустриальное их население причислялось к городскому.

В то же время в состав городов не были включены официально входившие в городскую черту и подчиненные юрисдикции горсоветов обособленные рабочие поселки, возникшие при новостройках или вокруг уже действовавших промышленных предприятий, построенных в некотором отдалении от основного массива города. Эти поселки, если количество населения в них не отвечало формальным требованиям ценза, относились к сельским пунктам, хотя население их не имело связи с сельским хозяйством.

Следствием такого определения границ городских поселений явилось то, что при переписи 1937 г. во многих случаях были получены данные о численности населения не только реально существовавшего городского поселения, которым управлял данный городской или поселковый совет, а искусственно составленного, иногда не имевшего ничего общего с фактическим составом городского поселения.

Таким образом, к 1939 г. существовало два перечня городских поселений — перечень, утвержденный в законодательном порядке, и вдвое больший переписной перечень. Границами городских поселений органы власти считали официально утвержденную городскую черту, совпадавшую, как правило, с территорией советов городских поселений, но часто не охватывавшей городские поселения в целом, как они сложились к этому времени. В статистике же в основу городских поселений был положен формальный признак сплошной застройки, еще больше искажавший истинный состав городских поселений³³.

В период между переписями 1937 г. и 1939 г. официальный статус города был присвоен еще 9-ти уральским городам, в том числе Сатке, Тавде, Артемовскому, Верхней Салде, Нижней Сал-

де, Березовскому, Новой Ляле, Краснокамску и Кудымкару. Но одновременно произошли новые административно-территориальные преобразования. Указом Верховного Совета СССР от 3 октября 1938 г. Свердловская область была разделена на Свердловскую и Пермскую. В состав Пермской области были включены города Пермь, Лысьва, Кизел и Чусовой³⁴.

При переписи населения 1939 г. впервые список городских поселений состоял исключительно из городов и поселков городского типа, утвержденных таковыми в законодательном порядке. Все городские поселения переписывались в административных границах. Это означало, что границы территорий городских поселений, управлявшихся непосредственно советами данных населенных пунктов, и их переписные границы стали полностью совпадать³⁵.

На Урале на момент переписи 1939 г. насчитывалось 47 городов и 109 поселков городского типа. По областям эти населенные пункты распределялись следующим образом: Пермская область — соответственно 12 и 26; Свердловская — 21 и 56; Челябинская — 14 и 27³⁶.

По данным переписи 1926 г. основная масса городского населения Урала проживала в окружных городах (44,6 %) и фабрично-заводских городах и заводах (45,9 %), в прочих поселениях (железнодорожные станции, торговые пункты и т. п.) — 9,5 %³⁷. При этом в административных центрах было сосредоточено меньше половины всех горожан региона. Однако в рамках территориальных полос Уральской области распределение городского населения по типам населенных пунктов было иным. Если в Зауралье резко преобладало число жителей окружных городов, то в Горнозаводском Урале, наоборот, было больше обитателей прочих городов и поселений городского типа. Предуралье стояло между Горнозаводским Уралом и Зауральем, тяготея к Горнозаводскому Уралу. Таким образом, городское население Зауралья носило преимущественно торгово-административный характер, а Горнозаводского Урала — фабрично-заводской³⁸.

Отмеченная особенность Горнозаводского Урала проявлялась и в том, что из четырех окружных городов этой полосы три (Златоуст, Нижний Тагил и Свердловск с Верх-Исетским пригородом) были промышленными центрами. Для сравнения: из восьми городов Зауралья только Челябинск имел промышленные объекты, а из четырех окружных городов Предуралья заводским центром была Пермь с пригородом Мотовилихой³⁹. В целом же уже в 1920-х гг. городское население Урала носило промышленный характер.

В апреле 1931 г. Госплан СССР составил новый список городских поселений Урала, в кото-

ром города делились на индустриальные и неиндустриальные центры и новостройки. По исчислению на 1 января 1932 г. большинство горожан края (74,4 %) проживало в индустриальных центрах. Удельный вес жителей неиндустриальных центров за 1897—1931 гг. уменьшился в два раза, составив к началу второй пятилетки 18,1 %.

В годы первой пятилетки в условиях крупномасштабного промышленного строительства появилась такая категория городских поселений как новостройки. В Уралообласти к ним относились Магнитогорск, Красноуральск, В. Чусовские городки, Пласт и Сухой Лог. Если в 1926 г. в данных населенных пунктах проживало всего 0,6 % горожан края, то на 1 января 1932 г. — уже 7,5 %. При этом только за 9 месяцев 1931 г. численность наличного населения в этой категории городов и городских поселений увеличилась с 108 000 до 212 100 чел., т. е. на 196,4 %. Для сравнения: за период с декабря 1926 г. по апрель 1931 г. число жителей здесь выросло всего на 99 885 чел. или 7,5 %⁴⁰.

В соответствии с фабрично-заводским характером городских поселений Урала находился и их размер. В первой половине 1920-х гг. в крае не было городов с населением 100 и выше тыс. чел. В период переписи 1926 г. только Свердловск имел 136 420 жителей; Пермь, Тюмень и Челябинск входили в категорию городов с численностью населения 50—100 тыс. чел. В целом, в крупных городах проживало 23,5 % горожан. В регионе насчитывалось 9 городов с числом жителей от 20 до 50 тыс., на них приходилось 20,2 % горожан. Остальные городские жители (56,3 %) проживали в населенных пунктах численностью менее 20 тыс. чел.⁴¹ Таким образом, в 1920-х гг. большинство городов и городских поселений Урала являлось обслуживающими пунктами не особенно крупных по величине заводов.

В условиях промышленной модернизации края произошли значительные изменения в размерах городов и городских поселений. Градостроительство региона шло по пути развития крупных городов вокруг промышленных гигантов. Переписи 1937 г. и 1939 г. показали, что в границах Пермской, Свердловской и Челябинской областей 3 города — Свердловск, Челябинск и Пермь (вместе с Мотовилихой, переименованной в Молотово) — насчитывали свыше 200 тыс. чел., а 7 (1939 г. — 8) городов входили в категорию городских поселений численностью 50—100 тыс. чел. Удельный вес жителей крупных городов Урала составил в 1937 г. 43,7 %⁴², 1939 г. — уже 46,7 %⁴³.

Таким образом, в 1920—1930-е гг. при проведении переписей уточнялось содержание понятия «городское поселение», от которого зависело количество городских населенных пунктов и чис-

ленность городского населения. В эти годы в условиях промышленной модернизации края шел активный процесс развития городской поселенческой сети: создавались новые города, а уже существовавшие поселения преобразовывались в города. Эти изменения осуществлялись на фоне укрупнения городов. Все это, в конечном счете, стало еще одним фактором быстрого роста числа горожан, наряду с естественным и механическим приростом городского населения.

Примечания

1. См., напр.: Третьяков, Б. *Население Урала* / Б. Третьяков // Урал: очерки физической и экономической географии Уральской области. — Свердловск: Уралкнига, 1926. — С. 98—101; Комар, И.В. *Урал: экономико-географическая характеристика* / И.В. Комар. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — 367 с.; Анимица, Е.Г. *Города Среднего Урала* / Е.Г. Анимица. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. — 303 с.; и др.
2. См., напр.: Мазур, Л.Н. *Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа* / Л.Н. Мазур, Л.И. Бродская. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. — 564 с.; и др.
3. *Уральский статистический ежегодник на 1923 г.* / под ред. В.С. Немчинова, П.Ф. Неволлина. — Екатеринбург: УралоблЭКОСО, 1923. — С. 4.
4. Третьяков, Б. *Население Урала* // Урал: очерки физической и экономической географии Уральской области / Б. Третьяков. — Свердловск: Уралкнига, 1926. — С. 98.
5. *Уральский статистический ежегодник, 1923—1924 г.* / ред. В.С. Немчинов, П.Ф. Неволлин. — Свердловск: Уралоблсполком, 1925. — С. 19.
6. *Уральский статистический ежегодник на 1923 г.* / под ред. В.С. Немчинова, П.Ф. Неволлина. — Екатеринбург: УралоблЭКОСО, 1923. — С. 8—9.
7. *Уральский статистический ежегодник, 1923—1924 г.* / ред. В.С. Немчинов, П.Ф. Неволлин. — Екатеринбург: Уралоблсполком, 1925. — С. 21.
8. *Предварительные итоги переписи населения 28 авг. 1920 г. Население 25 губерний Европейской России.* — М.: 14-я типография Московского совнархоза, 1920. — С. 8.
9. ЗАО. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 119. Л. 42.
10. Дробижев, В.З. *У истоков советской демографии* / В.З. Дробижев. — М.: Мысль, 1987. — С. 54.
11. Квиткин О. *Первые итоги переписи 1926 г.* / О. Квиткин // *Статистическое обозрение.* — 1927. — № 1. — С. 13—14.
12. СУ РСФСР. — 1924. — № 73. — Ст. 726.
13. СУ РСФСР. — 1926. — № 65. — Ст. 609; 1927. — № 56. — Ст. 384; 1928. — № 8. — Ст. 70.
14. СУ РСФСР. — 1925. — № 21. — Ст. 155.
15. СУ РСФСР. — 1926. — № 60. — Ст. 460.
16. См.: Мазур Л.Н. *Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа* / Л.Н. Мазур, Л.И. Бродская. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. — С. 100.
17. СУ РСФСР. — 1926. — № 21. — Ст. 170.
18. *Всесоюзная перепись населения 19 декабря 1926 года. Предварительные итоги.* — 2-й вып.: *Города и поселения городского типа (Европейская часть РСФСР,*

Белорусская ССР, Украинская ССР и Закавказская СФСР. — М.: ЦСУ Союза ССР, 1927. — С. 3.

19. Там же. — С. 3.

20. Лебедев, Ф. *Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.)* / Ф. Лебедев // *Хозяйство Урала.* — 1927. — № 1. — С. 141.

21. *Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 19 декабря 1926 года. Предварительные итоги.* — 2-й вып. — М.: ЦСУ Союза ССР, 1927. — С. 28—32.

22. Подъячих, П.Г. *Всесоюзная перепись населения 1939 г. (Методология и организация проведения переписи и разработка итогов)* / П.Г. Подъячих. — М.: Гос. статист. изд-во, 1953. — С. 52—53.

23. СУ РСФСР. — 1927. — № 110. — Ст. 739.

24. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 67. Л. 1.

25. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 86. Л. 6.

26. СЗ СССР. — 1933. — № 53. — Ст. 311.

27. *Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1931—1932 гг.* — Свердловск: УралУНХУ, 1933. — С. 293—296.

28. См.: Бакунин, А.В. *Урал как единый промышленно-экономический район: препринт* / А.В. Бакунин. — Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1991. — С. 56.

29. *Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информационное письмо № 5.* — Челябинск: Изд-во ОблУНХУ, 1936. — С. 18.

30. Там же. — С. 18—19.

31. СУ РСФСР. — 1929. — № 17. — Ст. 178.

32. См.: Воблый, В.К. *Переписи населения (Их история и организация)* / В.К. Воблый, П.И. Пустоход. — М.; Л.: Госпланиздат, 1940. — С. 129.

33. Подъячих, П.Г. *Всесоюзная перепись населения 1939 г. (Методология и организация проведения переписи и разработка итогов)* / П.Г. Подъячих. — М.: Гос. статист. изд-во, 1953. — С. 53.

34. *Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938—1944 гг.* — М.: «Ведомости Верховного Совета СССР», 1945. — С. 76.

35. Подъячих, П.Г. *Всесоюзная перепись населения 1939 г. (Методология и организация проведения переписи и разработка итогов)* / П.Г. Подъячих. — М.: Гос. статист. изд-во, 1953. — С. 57.

36. *Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г.: Уральский регион: сборник материалов / сост. В.П. Мотревич.* — Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. — С. 169—173, 274—280, 327—334.

37. *Подсчитано по: Лебедев, Ф. Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.)* / Ф. Лебедев // *Хозяйство Урала.* — 1927. — № 1. — С. 139.

38. Лебедев, Ф. *Население Уральской области по переписи 1926 г.* / Ф. Лебедев // *Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Уральской области: справочник по округам, районам и сельсоветам Уральской области.* — Свердловск: Уралстатуправление и Орготдел Уралоблсполкома, 1927. — С. 6.

39. Лебедев, Ф. *Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.)* / Ф. Лебедев // *Хозяйство Урала.* — 1927. — № 1. — С. 140.

40. *Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1931—1932 гг.* — Свердловск: УралУНХУ, 1933. — С. 293.

41. *Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1928 г.: Краткий статистический справочник.* — Свердловск: Уралоблстатуправления, 1928. — С. 28—33.

42. Подсчитано по: *Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сборник документов и материалов / сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. — М. : РОССПЭН, 2007. — С. 50, 63—64.*

43. Подсчитано по: *Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов / Сост. В.П. Мотревич. — Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. — С. 126, 169—173, 252, 274—280, 288, 324—334.*

Поступила в редакцию 15.08.2008 г.

Журавлева Вера Анатольевна в 1979 году с отличием окончила исторический факультет Уральского государственного университета. В 1988 году защитила кандидатскую диссертацию в УрГУ, кандидат исторических наук, доцент. В настоящее время работает заведующей кафедрой социально-правовых и гуманитарных наук филиала ЮУрГУ в городе Златоусте. Автор свыше 50 публикаций по проблемам истории Урала 1920—1930-х гг.

Zhuravleva Vera Anatolievna graduated with honors from the Historical Faculty of Ural State University in 1979. In 1988 defended the Candidate's dissertation at the USU, she is a Cand.Sc. (History), Associate Professor. Currently she is Head of the Social, Law and Humanities Department of SUSU branch in the town of Zlatoust. She is author of more than 50 publications concerning problems of Ural in 1920—1930.

ЮУрГУ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ

И.В. Сибиряков

SOUTH-URAL STATE UNIVERSITY: THE BASIC MARKS OF HISTORY

I.V. Sibirjakov

Статья посвящена истории создания и развития одного из крупнейших вузов страны Южно-Уральского государственного университета. В ней рассмотрены основные направления работы вуза, проблемы формирования профессорско-преподавательского состава, история создания отдельных факультетов и кафедр. На основе архивных материалов и воспоминаний работников университета восстановлены многие сюжеты, связанные с развитием филиалов вуза, организацией научно-исследовательской работы, модернизацией социальной инфраструктуры университета.

Ключевые слова: университет, политехнический институт, факультет, система высшего образования Южный Урал, Челябинская область.

The article is devoted to history of creation and development of one of the largest high schools in the country. The author considers the basic directions of work of the high school, the history of creation of separate faculties and departments, different aspects of teaching staff formation. On the basis of archival materials and memoirs of workers of university many plots connected with development of branches of high school, organization of research work and development of a social infrastructure of university are restored.

Keywords: university, polytechnic institute, faculty, system of higher education, South Ural, Chelyabinsk region.

История создания, становления и развития ЮУрГУ, по-своему очень показательна и интересна. В годы Великой Отечественной войны в Челябинск было эвакуировано несколько крупных промышленных предприятий, сыгравших важную роль в появлении качественно нового военно-промышленного комплекса страны. Ленинградский, Харьковский, Сталинградский заводы составили основу легендарного Танкограда.

Подготовку инженерных кадров, для работы на производстве осуществлял, эвакуированный в Челябинск в 1942 г., Сталинградский механический институт. Однако после успешного завершения великой Сталинградской битвы было принято решение о возвращении Сталинградского механического института в город на Волге. В Челябинской области возникла совершенно реальная угроза острого дефицита инженерных кадров на целом ряде ключевых производств.

Чтобы предотвратить надвигавшийся «кадровый голод», Челябинский обком ВКП(б) и Наркомат танковой промышленности обратились в Совет народных комиссаров с просьбой о создании в Челябинске собственного механико-машиностроительного института.

2 ноября 1943 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление № 1201-361с «О мероприятиях по улучшению подготовки инженерно-технических кадров для предприятий танковой промышленности», где четко было сказано: «1. Разрешить Наркомтанкопрому: а) организовать в 1943 г. Челябинский механико-машиностроительный институт с размещением его в г. Челябинске в помещениях, занимаемых в настоящее время Сталинградским механическим институтом»¹.

15 ноября 1943 г. первая группа сотрудников Сталинградского механического института во главе с директором А.В. Ловягиным выехала к себе на родину. Вторая группа «сталинградцев» во главе с заместителем директора института В.А. Добровольским осталась завершать первый семестр и проводить зимнюю экзаменационную сессию. Выезд второй группы состоялся в апреле 1944 г.

В этой непростой ситуации важную роль в становлении нового челябинского вуза сыграл знаменитый Челябинский тракторный завод (ЧТЗ). Именно он предоставил ЧММИ первые квалифицированные кадры инженеров-преподавателей, лаборатории, цеха и мастерские для про-

ведения практических работ, общежития для студентов². Этот необычный научно-производственный союз самым существенным образом повлиял на историческую судьбу не только института, но и завода.

Первоначально в институте были организованы 2 факультета: «Механико-технологический» и «Танковый», в составе которых были созданы 24 кафедры. Правда, уже в 1944 г. «Танковый» факультет стал факультетом «Колесногусеничных машин» (КГМ).

В рамках механико-технологического факультета была открыта подготовка специалистов по технологии машиностроения, кузнечно-прессовым машинам, обработке металлов давлением, сварочным машинам и сварочному производству. С марта 1944 г. деканом факультета был назначен профессор, д. т. н. И.И. Чернобыльский.

В рамках факультета колесно-гусеничных машин осуществлялась подготовка по специальностям: танкостроение, автомобили и тракторы, двигатели внутреннего сгорания³. Первым деканом факультета был назначен профессор Г.М. Городецкий.

Такая структура вуза во многом была связана с теми задачами, которые институт должен был решать и с теми ресурсами, которыми он реально располагал на момент своего создания.

Исполняющим обязанности директора ЧММИ в декабре 1943 г. был назначен доцент, к. т. н. Петр Алексеевич Гришин. 15 декабря 1943 г. П.А. Гришину пришлось решать огромное количество проблем, связанных с созданием нового вуза. Часть из них он решил успешно.

Уже в декабре 1943 г. начался первый набор студентов и переоформление студентов старшекурсников из Сталинградского механического института в ЧММИ. Набор осуществлялся по специальностям «Танкостроение», «Двигатели внутреннего сгорания», «Технология производства танков». Набор проходил без вступительных экзаменов под руководством профессора В.А. Добровольского.

Одной из самых первых кафедр, созданных в Челябинском механико-машиностроительном институте, была кафедра «Металловедения и технологии металлов». Первым заведующим этой кафедрой стал профессор, д. т. н. А.Н. Рабинович. Приказ о создании данной кафедры был подписан 18 декабря 1943 г. К числу самых старых кафедр вуза относится и кафедра «Танки» (сейчас кафедра «Специальных и дорожно-строительных машин»). В момент ее создания в декабре 1943 г. единственным штатным преподавателем кафедры был профессор, д. т. н. Е.И. Милославский.

Среди других кафедр, приступивших к работе уже в первые месяцы существования нового

вуза, можно назвать кафедру «Военной и физической подготовки» (и. о. зав. кафедрой В.С. Дурашкин), кафедру «Гидравлики» (и. о. зав. кафедрой, ст. преп., к. т. н. Е.И. Коган), кафедру «Графики» (зав. кафедрой, доцент Н.А. Усов), кафедру «Детали машин» (и. о. зав. кафедрой ст. преп., к. т. н. Г.К. Роскошный), кафедру «Иноязыков» (и. о. зав. кафедрой Г.А. Эрив), кафедру «Литейного производства» (зав. кафедрой, проф., д. т. н. Г.В. Нессельштраус), кафедру «Математики» (зав. кафедрой, доцент Е.Е. Воскобойников), кафедру «Металлов» (и. о. зав. кафедрой Н.С. Голубых), кафедру «Металлорежущего инструмента» (зав. кафедрой, доцент, к. т. н. Фрайфельд), кафедру «Организации производства» (зав. кафедрой, доцент, к. т. н. С.Л. Якобсон), кафедру «Основ марксизма-ленинизма» (и. о. зав., кафедрой доцент Рейтер), кафедру «Резания» (зав. кафедрой, доцент, к. т. н. Королев), кафедру «Сопротивления материалов» (и. о. зав. кафедрой, ст. научн. сотрудник Г.Я. Флейшер), кафедру «Теоретической механики» (зав. кафедрой, доцент, к. т. н. А.А. Лесохин), кафедру «Теплотехники» (зав. кафедрой, проф., д. т. н. И.О. Чернобыльский), кафедру «Технологии машиностроения» (зав. кафедрой, доцент Б.И. Шифрин), кафедру «Физики» (зав. кафедрой, проф., д. т. н. Кунин Н.Ф.), кафедру «Химии» (и. о. зав. кафедрой, ст. преп. В.В. Леонова), кафедру «Электрооборудования» (зав. кафедрой, профессор Г.М. Городецкий).

Учебные занятия у более чем 340 студентов ЧММИ 1—5 курсов начались в феврале 1944 г. Среди студентов первого набора были будущий декан АТ факультета Л. Анискин, будущий профессор кафедры «АиТ» Б. Пинигин, недавно вернувшиеся с фронта Л. Дегтярев, Е. Перепелицын, В. Хохлов и др.

Первая факультетская лаборатория технических измерений размещалась в сарае с печным отоплением, а первая лаборатория сварки — в кладовой школьного здания⁴. В течение первого учебного года на кафедрах института работали 58 преподавателей⁵. Многие из них были направлены на преподавательскую работу по решению обкома ВКП(б) из ЧИ-МЭСХ и ЧГПИ, а так же с Кировского завода. Так в 1944 г. в ЧММИ пришел А.И. Клочков, который в дальнейшем стал деканом АТ факультета и более 25 лет был заведующим кафедрой «Общей химии». В 1944—1947 гг. в институте работал главный конструктор танков, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий Н.Л. Духов. Студентов-дипломников ЧММИ консультировал главный конструктор Кировского завода Ж.Я. Котин. В дальнейшем для работы в институте в Челябинск неоднократно

но направлялись выпускники лучших вузов Москвы и Ленинграда.

Летом 1944 г. в ЧММИ состоялся первый выпуск инженеров по специальности «Танки и танковые двигатели». Первый диплом инженера-механика был вручен С.П. Павлову. Второй А.П. Пескову. Всего в 1944 г. институт выпустил 7 инженеров по трем специальностям: технология машиностроения, литейное производство, танки и танковые двигатели.

1944/45 учебный год Челябинский механико-машиностроительный институт встречал уже с новым директором. Им стал Иван Михайлович Хмельницкий.

С первых дней существования института его преподаватели, сотрудники, многие студенты принимали активное участие в научной работе. Уже в декабре 1944 г. в институте была завершена подготовка к печати сборника № 1 научно-исследовательских работ ЧММИ. Научные сотрудники института оказывали посильную помощь Кировскому, Миасскому автомобильному, челябинским электродному, абразивному, металлургическому заводам. Важную роль в организации учебной и научной работы в институте в это время сыграл заместитель директора по научной и учебной работе (НУР) проф. А.Н. Рабинович.

Естественно, что в первые годы своего существования вуз столкнулся с большим количеством организационных проблем. Главной из них на долгие годы стала проблема дефицита учебных площадей. В 1943—1944 гг. учебные занятия проходили в нескольких зданиях, расположенных в разных концах города, в том числе и в помещении будущего магазина «Детский мир».

В 1945 г. с помощью Кировского завода и Челябинского обкома ВКП(б) институт получил новое здание по улице Тимирязева. Однако радикально проблема учебных площадей в этот период так и не была решена. В 1945 г. число преподавателей и студентов возросло до 1119 человек.

В первые послевоенные годы в жизни института, как и в жизни всей страны, произошли заметные перемены. Выросло число студентов, преподавателей, кафедр. Проявились первые серьезные трудности в организации учебного процесса. Одна из них была связана с тем, что многие сотрудники института были вынуждены совмещать свою педагогическую деятельность с работой на производстве.

Для подготовки собственных педагогических кадров на кафедрах «Металлорежущие станки», «Двигатели внутреннего сгорания», «Резание металлов», «Технологии металлов» была открыта аспирантура. Первыми научными руководителями аспирантов стали: профессор А.Н. Рабинович, профессор М.П. Сергеев, к. т. н. Е.М. Харитончик, к. т. н. Ф.Н. Королев и др. Среди пер-

вых аспирантов ЧММИ были: С.П. Павлов, П.П. Недовес, И.М. Рубанович и др. В 1949/1950 учебном году в аспирантуре ЧММИ училось 7 аспирантов.

Первым секретарем партийной организации ЧММИ был избран заведующий кафедрой металлорежущих станков Н.С. Двораковский. Затем его сменила А.А. Коколева. Первым секретарем комитета комсомола ЧММИ стал А. Колубакин. Вскоре на эту должность была избрана А. Коваль⁶.

В мае 1947 г. в ЧММИ состоялась первая институтская научно-техническая конференция, а в декабре 1947 г. прошла первая учебно-методическая конференция преподавателей и сотрудников ЧММИ. Традиция проведения таких конференций сохраняется в вузе и сегодня. В этом же году в институте был создан механико-технологический вечерний факультет (МТВ).

В апреле 1948 г. в институте была организована первая студенческая научно-техническая конференция. Активно заработали студенческое научное общество, студенческий лекторий, студенческие научные кружки. Математическим кружком в эти годы руководил заведующий кафедрой высшей математики, доцент В.Е. Воскобойников, физическим — профессор Н.Ф. Кунин, химическим — и. о. доцента А.И. Клочкин, металлургическим — кандидат технических наук — Н.К. Ипатов, технологическим — доцент Н.Ф. Королев.

В работе первых научно-технических конференций, организованных в институте активное участие принимали специалисты Кировского и целого ряда других заводов Челябинской области.

В 1948 г. состоялся первый выпуск инженеров на автотракторном факультете. Диплом инженера-механика по специальности автомобиле- и тракторостроение получили 24 выпускника.

С конца 1948 г. обязанности директора ЧММИ исполнял доцент, к. т. н. Митрофан Маркианович Балык.

В 1949 г. по инициативе комитета комсомола ЧММИ в институте был создан Совет добровольного спортивного общества «Наука» под председательством А. Ташева. Спорт стал важным элементом повседневной жизни не только студентов, но и преподавателей ЧММИ.

Заметную роль в жизни института с первых лет его существования играла библиотека. Вопросы улучшения ее работы неоднократно рассматривались на заседаниях специального библиотечного совета ЧММИ, который был сформирован уже в первые послевоенные годы.

После окончания Великой Отечественной войны для развития народного хозяйства страны потребовались специалисты нового профиля: тракторостроители, металлурги, энергетики. Подготовка таких специалистов должна была

История

быть организована в кратчайшие исторические сроки.

Согласно приказу министра высшего образования СССР от 14 октября 1947 г. факультет «Колесно-гусеничных машин» ЧММИ был переименован в факультет «Автотракторостроения и сельскохозяйственного машиностроения» (АТС). А в 1949 г. он получил новое название «Автотракторный» факультет. Но преобразования на этом не закончились.

В 1950 г. в институте работали уже 22 общеобразовательных и специальных кафедры⁷. Тем не менее, уже к концу 40-х годов стало очевидно, что в рамках прежней организационной структуры институт не сможет эффективно решать, поставленные перед ним государством задачи.

Постановлением Совета Министров СССР от 26 апреля 1949 г. № 1671 Министерству высшего образования СССР было разрешено организовать в 1951 г. в Челябинске на базе Челябинского механико-машиностроительного института политехнический институт (ЧПИ). И хотя к этому моменту на 9 специальностях в институте обучалось уже более 900 студентов, предполагалось качественно изменить жизнь всего высшего учебного заведения. Для реализации масштабного и очень важного для страны проекта необходима была новая материально-техническая база, новая организационная структура, новые кадры.

С апреля по август 1951 г. обязанности директора института исполнял Иван Николаевич Бирюля. Однако уже в августе 1951 г. директором ЧПИ был назначен доцент, к. т. н. Алексей Яковлевич Сычев. В истории вуза начался принципиально новый этап. В первую очередь стала стремительно меняться организационная структура вуза. 1 сентября 1951 г. в ЧПИ был организован Энергетический факультет. Первым деканом этого факультета стал Ю.Н. Катаргин. Первый набор на энергетический факультет был проведен по специальностям «Электрические станции, сети и системы» и «Электрификация промышленности»⁸. 17 сентября 1951 г. был образован Металлургический вечерний факультет ЧПИ. Первым деканом факультета был назначен В.Н. Земзин.

В этом же году для строительства института было создано строительно-монтажное управление «Челябвузстрой». Одним из первых его руководителей стал В.П. Туркин. Управление практически сразу же развернуло активную деятельность. Авторами проекта первой очереди зданий Челябинского политехнического института были московские архитекторы А.П. Луконин и А.Н. Соковнин. Для реализации проекта государством было выделено более 90 миллионов рублей.

7 февраля 1952 г. в институте был создан «Металлургический» факультет. Первым деканом этого факультета стал Л.С. Ляхович. Тогда же в

феврале 1952 г. в институте была образована первая строительная кафедра, получившая название «Промышленное и гражданское строительство». Заведующим кафедрой был назначен Ф.Г. Шумилин.

14 апреля 1952 г. студенты и преподаватели автотракторного факультета вместе со строителями заложили фундамент первого здания ЧПИ. Им стал теплотехнический корпус. Вскоре началось строительство первого студенческого общежития.

1 сентября 1952 г. в ЧПИ был открыт Инженерно-строительный факультет. Его первым деканом стал Ф.Г. Шумилин.

В начале 50-х годов XX в. Челябинский политехнический институт установил прочные деловые и научные связи со многими ведущими промышленными предприятиями Челябинской и Свердловской областей. Особенно успешно развивалось сотрудничество института с ЧТЗ, ЧКПЗ, Уральский автомобильным заводом. Своеобразной формой отчета ученых ЧПИ о своих достижениях стали «Дни науки», которые проходили регулярно именно с 1952 г. Вуз существенно расширил тематику научных исследований, укрепил свою материальную базу, кадровый потенциал.

В 1952 г. А.Я. Сычев был утвержден профессором кафедры «Экономика и организация производства». Он получил право осуществлять научное руководство подготовкой аспирантов. Первым аспирантом А.Я. Сычева стал А.К. Ташев.

В 1953 г. в ЧПИ работали 23 кафедры, 180 штатных сотрудников, из которых 2 были докторами, а 49 кандидатами наук. Был создан филиал института в Миассе.

В 50—60-е гг. число преподавателей и сотрудников института заметно выросло. Укрепились связи научных коллективов института с Челябинским металлургическим заводом, Челябинским трубопрокатным заводом, и с целым рядом других крупных предприятий области.

В 1954 г. в эксплуатацию были приняты лабораторный теплотехнический корпус ЧПИ и общежитие № 1 по ул. Коммуны. В августе 1954 г. на Энергетическом факультете были набраны группы ПС-101 и ПС-102 по специальности «Автоматические, телемеханические контрольно-измерительные приборы и устройства»⁹. Началась активная подготовка к открытию нового Приборостроительного факультета. В 1955 г. в Челябинском политехническом институте насчитывалось уже 34 кафедры, где работали 233 штатных сотрудника и 71 преподаватель — совместитель. Общая площадь института увеличилась до 8599 кв. м. В этом же году в институте был создан собственный спортивный клуб.

В 1956 г. начались занятия в левом крыле главного учебного корпуса ЧПИ, было окончено

строительство общежития № 2, началось строительство жилого дома для профессорско-преподавательского состава. В институте был организован первый студенческий строительный отряд.

В августе 1956 г. 250 студентов ЧПИ выехали в целинные районы области. За добросовестный труд на целине целая группа студентов была награждена высокими правительственными наградами. Более 100 студентов получили медали «За освоение целинных земель».

Многие студенты ЧПИ в 50-е гг. стали проходить производственную практику на Челябинском тракторном заводе, Магнитогорском металлургическом комбинате, Уральском заводе тяжелого машиностроения, Сталинградском тракторном заводе, в тресте «Магнитострой», «Челябметаллургстрой», на строительстве Братской ГЭС. Существенно расширилась тематика научных исследований, проводимых в институте. Стала более многообразной и интересной культурная жизнь вуза.

С 6 декабря 1956 г. в Челябинском политехническом институте появилась своя газета — «Политехнические кадры». Ее редактором долгие годы был доцент, кандидат исторических наук С.В. Тулинский. Тираж газеты на отдельных этапах ее существования доходил до 2000 экземпляров. Коллектив газеты неоднократно становился победителем многих общесоюзных конкурсов и фестивалей. 31 декабря 1956 г. впервые вышла в эфир институтская радиогазета.

В 1956—1957 учебном году состоялась первая в истории института спартакиада. В ее программу входили соревнования по 8 видам спорта. Не случайно уже вскоре в вузе сформировались очень сильные спортивные коллективы, которые достойно представляли не только ЧПИ, но и город Челябинск, Челябинскую область, Российскую Федерацию на соревнованиях самого разного уровня. В 1957 г. состоялась первая эстафета на призы газеты «Политехнические кадры». Эстафета вызвала огромный интерес у студентов и преподавателей вуза, жителей города. Ежегодное проведение эстафеты стало в институте доброй традицией. 5 августа 1957 г. альпинисты В. Самохвалов, М. Левитин, А. Рябухин совершили восхождение на одну из безымянных вершин Тянь-Шаня высотой 4420 м и дали ей название — «Пик ЧПИ».

1 марта 1957 г. в ЧПИ был создан Механический факультет, который стал готовить специалистов для оборонной промышленности. Первым деканом факультета стал Н.И. Слесарев. Основу факультета составили кафедра № 1 и кафедра № 2¹⁰. Коллектив этого факультета внес очень важный вклад в укреплении обороноспособности СССР.

1 сентября 1957 г. в Челябинском политехническом институте был создан Приборостроитель-

ный факультет. Его первым деканом был назначен Л.Р. Сильченко. Первой кафедрой нового факультета стала кафедра «Автоматика и телемеханика», которой заведовал Г.С. Чернолуцкий. Факультет был призван начать подготовку специалистов по наиболее перспективным и важным для отечественной промышленности инженерным специальностям.

В этом же году в институте был образован заочный факультет. Его первым деканом стал А.И. Сорокин. Всего в вузе в этот период насчитывалось 42 кафедры, на которых работало 456 человек, из них 5 профессоров, 94 доцента и кандидатов наук.

В том же 1957 г. в институте появились первые подготовительные курсы. А в Златоустовском филиале ЧПИ были открыты сразу 4 новых факультета (вечерний энергетический, инженерно-строительный, заочный, вечерне-заочный). За отличный труд около 100 политехников в этом году были награждены медалями «За освоение целинных земель».

Приказом ректора ЧПИ № 586 от 25 августа 1958 г. вечернее отделение при институте было реорганизовано в самостоятельный Вечерний факультет. В этом же году начались занятия в правом крыле главного учебного корпуса. В 1958 г. ЧПИ выпустил 618 инженеров, из которых 81 закончил институт без отрыва от производства, а тридцать три человека получили диплом с отличием.

В 1959 г. в институте было создано три новые кафедры: промышленной теплоэнергетики, конструирования и технологии производства радиоаппаратуры и техники безопасности. Вступило в строй третье студенческое общежитие. В институте было выполнено научно-исследовательских работ на сумму 4 млн 200 тыс. рублей. К работе приступило «Радио ЧПИ». Силами коллектива института было посажено 20 000 кустарников и 5700 деревьев.

16 февраля 1960 г. в Челябинском политехническом институте была открыта собственная типография. В этом же году вступила в строй центральная часть главного учебного корпуса, было завершено строительство лабораторного корпуса инженерно-строительного факультета, пущен в эксплуатацию оздоровительный лагерь «Березка», был создан Копейский филиал ЧПИ. При Челябинском тракторном заводе был организован вечерний факультет ЧПИ.

Успехи вуза, достигнутые в первые годы его работы, были высоко оценены государством. В 1961 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в подготовке специалистов и развитии науки большая группа преподавателей института была награждена орденами и медалями. Орденом Ленина были награждены ректор

института А.Я. Сычев и декан инженерно-строительного факультета доцент Ф.Г. Шумилин; орденом Трудового Красного Знамени — проректор А.Г. Бургвиц, профессор П.А. Дунаев, доцент М.Л. Цепушелова; орденом «Знак Почета» — доценты В.П. Новоселов и Л.Р. Сильченко.

В марте 1962 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР приняло решение о создании при ЧПИ объединенного Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций. В институте был организован отдел аспирантуры. Заведующим аспирантурой стал С.А. Мананников.

В августе 1962 г. ректором ЧПИ был назначен Виталий Васильевич Мельников. А в сентябре 1962 г. в диссертационном совете ЧПИ успешно прошла защита докторской диссертации, подготовленной преподавателем вуза, заведующим кафедрой «Колесно-гусеничные машины» М.Ф. Балжи. Первым «собственным» кандидатом технических наук стал В.Н. Петров.

В 1963 г. Механический факультет был переименован в факультет «Двигатели, приборы, автоматы». Деканом факультета был утвержден Н.И. Слесарев.

1 апреля 1963 г. родился институтский студенческий театр эстрадных миниатюр, будущий знаменитый «Манекен». Первым режиссером коллектива стал А. Морозов. В культурной жизни не только института, но и города началась «эпоха “Манекена”». Артисты этого театра успешно выступали на сценах Москвы и Ленинграда, Свердловска и Перми, Варшавы и Загреба.

В 1964 г. в Челябинском политехническом институте насчитывалось уже 58 кафедр, на которых работало 856 преподавателей и сотрудников. В 1965 г. было завершено строительство второго учебного корпуса ЧПИ и сдано в эксплуатацию общежитие № 6. В институте в этом году училось 17 920 студентов. 26 октября 1965 г. в ЧПИ вышел в свет первый номер устного журнала «О времени и о себе». В разное время его гостями были: Б. Ручьев, Р. Рождественский, Л. Скобликова. В первом Всесоюзном конкурсе на лучшие студенческие работы по техническим и естественным наукам приняли участие 18 работ, подготовленных студентами ЧПИ.

В 1966 г. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР Челябинский политехнический институт в числе 30 базовых вузов страны был передан в подчинение Министерству высшего и среднего специального образования СССР. В этом же году В.В. Мельников защитил докторскую диссертацию и был утвержден в ученое звание профессора. Долгие годы он был не только ректором, но и заведующим кафедрой «Основы радиоэлектроники» ЧПИ. В.В. Мельников уделял большое внимание строительству новых

учебных корпусов, укреплению материально-технической базы вуза, социальным аспектам его развития.

В 1966—67 годах на целине работали почти 3,5 тысячи политехников. Они сдали в эксплуатацию 215 объектов, освоив 7 млн руб.¹¹. Преподаватели и сотрудники института перечислили в Фонд мира около 1500 рублей. Общее число студентов, обучавшихся в вузе, возросло до 18 568 человек¹².

В 1967 г. было завершено строительство Дворца спорта ЧПИ. Объем выполненных преподавателями и сотрудниками института хозяйственных работ составил 1,6 млн руб. В 1967 г. в институте был впервые проведен конкурс на лучшую студенческую работу в области общественных наук, на который было представлено 672 работы. В институте родилась новая форма изучения общественно-политических наук и воспитания, будущих инженеров — общественно-политическая практика.

В марте 1968 г. ЧПИ заключил договор о творческом содружестве и соцсоревновании с политехническими институтами Свердловска, Томска, Перми, Ижевска. А в мае 1968 г. в институте был проведен первый студенческий фестиваль. Он получил название «Весна ЧПИ» и стал традиционным. В октябре 1968 г. начался первый учебный год на рабфаке ЧПИ.

29 октября 1968 г. институту было присвоено имя Ленинского комсомола. В этом году в институте обучалось 19 246 студентов и работало 1163 преподавателя. Комсомольская организация института насчитывала 9711 комсомольцев. Объем фактически выполненной научной работы превысил 2 млн руб.¹³.

В марте 1969 г. при кафедре «Соппротивление материалов» было создано студенческое конструкторское бюро «Поляр oid». Оно получило широкую известность не только в Челябинской области, но и далеко за ее пределами. В июне 1969 г. в ЧПИ начал действовать совет по научной организации учебного процесса. Для координации работы по общественно-политической практике студентов, организации лекций и докладов вне института в этом же году в институте было создано студенческое лекционное бюро. Отдельные студенческие научные кружки, существовавшие в ЧПИ, объединились в 1969 году в Студенческое Научное Общество (СНО).

С 1 января 1970 г. в институте был организован Автоматно-механический факультет. В его состав вошли: кафедра № 5, кафедра теории механизмов и машин, кафедра деталей машин, кафедра техники безопасности, кафедра физики № 2. Деканом факультета был избран доцент Г.Г. Васин.

В 1971 г. на ВДНХ экспонировалась 21 работа, подготовленная сотрудниками, преподавате-

лями, аспирантами ЧПИ. Работники института получили 13 медалей, были награждены Дипломом ВДНХ I степени и двумя Свидетельствами участника ВДНХ. В этом же году научные сотрудники института получили два патента Франции и Италии, а так же 110 авторских свидетельств или положительных решения на предполагаемые изобретения.

К январю 1972 г. в составе института имелось 16 факультетов, 4 филиала, 2 У КП, где в общей сложности по 40 специальностям училось более 19 тысяч студентов.

В ноябре 1973 г. в ЧПИ был создан общеинститутский совет по организации научно-исследовательской работы студентов. Его председателем стал ректор В.В. Мельников, заместителями председателя О.А. Бакши и Д.А. Гохфельд. В течение года преподавателями института было защищено 7 докторских и 77 кандидатских диссертаций. За заслуги в подготовке специалистов и развитие науки 40 преподавателей института были награждены орденами и медалями.

В декабре 1974 г. в институте была принята в эксплуатацию ЭВМ III поколения ЕС-1020. Институт выполнил около 500 хозяйственных работ, общим объемом 17 млн руб. Преподавателями и сотрудниками института было получено 16 дипломов ВДНХ. Большое внимание в институте в этот период уделяли развитию студенческой науки. Силами студенческого проектно-конструкторского бюро было построено здание студенческого научного центра.

В 1975 г. на базе ЧПИ был сформирован межвузовский вычислительный центр. В феврале этого же года в институте был создан совет ветеранов войны и труда. Первым его председателем стала доцент кафедры физической химии Ирина Александровна Коробова.

В 1976 г. в ЧПИ открылся факультет повышения педагогической квалификации преподавателей. Важную роль в его развитии сыграли профессор Ю.С. Багимов и доцент С.М. Перекальский. В этом же году в институте вступил в строй телевизионно-контролирующий комплекс «Фотон». Многие преподаватели вуза стали активнее использовать в своей педагогической деятельности новые методики и технологии.

К 1979 г. в составе Челябинского политехнического института насчитывалось 17 факультетов, 76 кафедр, которые вели подготовку по 44 специальностям. В вузе училось более 22 тысяч студентов. В этом же году кафедрой экономики машиностроения на Челябинском заводе автомобильных и тракторных прицепов, впервые в области был создан и приступил к работе филиал кафедры.

В феврале 1980 г. по инициативе совета ветеранов было принято решение о создании музея

института. Первым директором музея стал В. Лунин.

В 1981 г. Челябинский политехнический институт стал одним из победителей в социалистическом соревновании среди вузов страны. Подготовка высококвалифицированных инженерных кадров и реализация масштабных научных проектов, имевших большое значение для развития ВПК страны превратили Челябинский политехнический институт в вуз общесоюзного значения. Но уже в 80-е годы ЧПИ столкнулся в своем развитии с большим количеством проблем, свойственных всей системе высшего образования СССР. Они касались и вопросов финансирования различных сторон жизнедеятельности вуза, и вопросов оптимизации системы управления, и развития социальной сферы.

Тем не менее, коллектив института в эти годы сделал очень многое, для того, чтобы сохранить интеллектуальный, творческий потенциал вуза, сохранить его традиции. В 1982 г. в стенах института прошла масштабная научно-техническая выставка «ЧПИ-82». Студенческий научный центр ЧПИ стал победителем всесоюзного смотра-конкурса студенческих конструкторских бюро 1983—1984 гг. По итогам смотра-конкурса многотиражных газет институтов Минвуза СССР за 1983—1984 учебный год газета «Политехнические кадры» заняла первое место и была награждена Почетной грамотой МВ и ССО СССР и ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. В 1983—1984 учебном году институт принимал участие в двух международных выставках в Брно и Лейпциге, где было продемонстрировано 13 работ, выполненных преподавателями и сотрудниками института, две из которых были награждены Золотыми медалями.

В 1985 г. ректором ЧПИ был назначен Герман Платонович Вяткин. В 1985 г., в вузе насчитывалось 18 факультетов, 80 кафедр, подготовка студентов шла по 44 специальностям. В институте училось более 21 тысячи студентов. Из 1437 штатных преподавателей ЧПИ профессоров, докторов наук было 53, доцентов, кандидатов наук 748 человек. Вуз, как и страну в целом, ожидали большие перемены. Началась качественно новая эпоха в истории института. Вновь в первую очередь преобразования коснулись организационной структуры вуза.

В 1987 г. в ЧПИ был создан факультет повышения квалификации руководящих работников и специалистов Минуралсибстроя СССР (ФПКС). Деканом факультета стал доцент, к. т. н. Г.А. Щербина. С 1988 г. в институте была открыта докторантура. В 1989 г. в ЧПИ был создан факультет «Общественных наук». А в марте 1990 г. в институте был сформирован отдел связи с про-

изводством. В этом же году началась реконструкция центральной части главного корпуса института.

Ректор института Г.П. Вяткин, уже прекрасно понимавший логику развития ситуации в стране в целом и в системе высшего образования, в частности, пришел к выводу о необходимости радикального изменения статуса вуза. Приказом № 679 Государственного комитета СССР по народному образованию от 31 октября 1990 г. Челябинский политехнический институт им. Ленинского комсомола был переименован в Челябинский государственный технический университет (ЧГТУ).

Именно в это время в университете началось стремительное развитие гуманитарных специальностей, кафедр, факультетов. В 1991 г. в университете была создана кафедра «Социологии и культурологии». Ее заведующим был назначен доцент, к. ф. н. Е.В. Миронов. А в 1992 г. в ЧГТУ был образован факультет экономики и управления. Первым деканом факультета стал профессор, д. э. н. А.К. Ташев. В этом же году был образован Международный факультет университета. Деканом факультета стал доцент, к. э. н. В.П. Горшенин. А факультет повышения квалификации руководящих работников и специалистов в 1992 г. был переименован в факультет Экономики и предпринимательства. Деканом факультета была назначена доцент, к. э. н. В.А. Киселева. В 1993 г. в университете был создан факультет гуманитарного образования. Его первым деканом стала профессор, д. и. н. М.Н. Евланова. В этом же году в университете были сформированы отделы глобальных сетевых технологий и международных связей. В сентябре 1994 г. в ЧГТУ был образован Коммерческий факультет. Первым деканом факультета была назначена профессор, к. э. н. В.Е. Лопатина. В июне 1995 г. в университете появился факультет Сервиса и легкой промышленности. Деканом факультета стал профессор, к. т. н. В.А. Лившиц. В июле этого же года военная кафедра ЧГТУ была преобразована в Военный факультет.

В 1996 г. в ЧГТУ был образован первый в истории образования на Южном Урале факультет Психологии. Деканом факультета был назначен профессор, д. п. н. Н.А. Батулин. В этом же году в университете был создан факультет «Физической культуры и спорта». Его первым деканом факультета стал профессор, д. п. н. Ю.М. Чернецкий. В 1997 году в университете был создан факультет «Лингвистики». Деканом факультета была назначена профессор, к. ф. н. Т.Н. Хомутова. ЮУрГУ первым на Южном Урале получил лицензию на право подготовки специалистов-социологов.

Стремительное развитие в ЧГТУ гуманитарной составляющей высшего образования позво-

лило ректору Г.П. Вяткину инициировать еще одно изменение в названии вуза. Приказом Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации № 2307 от 18 ноября 1997 г. Челябинский государственный технический университет был переименован в Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ). Новое название точно отражало новую стратегию развития университета, реализация которой должна была привести к созданию качественно нового учебного заведения — университета XXI века.

Не случайно в 1998 г. ректор университета Г.П. Вяткин был награжден премией Президента Российской Федерации в области образования.

Тем не менее, поиск оптимальной структуры организации учебного процесса, научных исследований, предпринимательской деятельности в вузе продолжался. В 1999 г. в университете был открыт Финансово-экономический факультет. Его деканом стал к. и. н. Б.И. Ровный. В этом же году региональный центр высшей школы был преобразован в научно-производственный институт «Учебная техника и технологии» (НПИ «Уралучтех» ЮУрГУ). В 2001 г. в университете был открыт радиотелевизионный центр ЮУрГУ. В течение одного года университетские коллективы выиграли 20 грантов Министерства образования Российской Федерации. 17 крупных исследовательских проектов были выполнены сотрудниками университета в рамках международных программ.

В 2002 г. в университете было создано Учебно-методическое управление. Начальником управления стал доц., к. т. н. И.В. Сидоров. На базе кафедр «Архитектура» и «Дизайн» появился Архитектурный факультет ЮУрГУ. Деканом факультета был назначен профессор, доктор архитектуры С.Г. Шабиев. По результатам многолетних исследований в диссертационных советах ЮУрГУ в 2002 г. было защищено 7 докторских и 65 кандидатских диссертаций, издано 46 монографий, опубликовано 245 учебников и учебных пособий. Дипломом европейской выставки культурного наследия, реставрации и реконструкции городов (ФРГ, Лейпциг, 2002) был награжден доцент ЮУрГУ В.Д. Оленьков. Лауреатом конкурса «Инженер года — 2002» в номинации «Электротехника» стал профессор ЮУрГУ Г.И. Волович.

В 2003 г. в ЮУрГУ были созданы сразу 4 новых факультета: юридический (декан — профессор, д. ю. н. В.И. Майоров), физический (декан — профессор, д. ф-м. н. Н.Д. Кундикова), механико-математический (декан — профессор, д. т. н. А.Д. Дрозин) и факультет экономики и предпринимательства (декан — профессор, д. э. н. В.А. Киселева).

Все эти годы коллектив преподавателей и сотрудников университета вел интенсивный поиск

новых форм организации учебного процесса, в прямом смысле этого слова «перестраивал» научную и воспитательную работу со студентами, пытался научиться жить в новых экономических, социальных и политических условиях.

В 2003 г. в университете были открыты «Зал искусств» (руководителем зала стала профессор, доктор искусствоведения Н.В. Парфентьева) и выставочный центр ЮУрГУ «Наука и технологии Южного Урала» (директор центра — доцент, к. п. н. И.Ю. Окольников). В 2004 г. в ЮУрГУ был создан Институт открытого и дистанционного образования. В этом же году университет выступил одним из учредителей Южно-Уральского венчурного инновационного фонда «Инновации. Технологии. Развитие».

27 июня 2005 г. ректором ЮУрГУ был избран Александр Леонидович Шестаков. В этом же году в университете был учрежден пост президента ЮУрГУ. Первым президентом университета стал Г.П. Вяткин. В истории университета начался новый этап. Университет активно включился в реализацию общенационального проекта «Образование».

В декабре 2005 г. в университете появилась телерадиокомпания «ЮУрГУ-ТВ». В 2006 г. были образованы: факультет журналистики (декан — профессор, к. и. н. Л.П. Шестеркина) и исторический факультет (декан — профессор, доктор искусствоведения — Н.В. Парфентьева). В этом же году в ЮУрГУ был организован Региональный центр содействия трудоустройству выпускников. А 26 октября 2006 г. приступило к своей работе некоммерческое партнерство «Технопарк ЮУрГУ — Полет».

В начале марта 2007 г. ЮУрГУ стал одним из победителей в конкурсе лучших инновационных программ высших учебных заведений страны, проведенном в рамках общенационального проекта «Образование». Бюджет инновационного проекта университета составил 582,6 млн руб.¹⁴.

17 января 2008 г. Южно-Уральский государственный университет с рабочим визитом посетил 1-й вице-премьер правительства России Д.А. Медведев. Он высоко оценил уровень научных разработок, осуществленных коллективом ЮУрГУ, отметил хорошие перспективы развития вуза в ближайшие годы.

За 65 лет своей истории ЮУрГУ превратился в один из самых сильных вузов нашей страны. Он способен решать сложные научно-исследовательские задачи и обеспечить подготовку высококвалифицированных кадров для самых разных отраслей отечественной экономики, государственного управления, бизнеса. ЮУрГУ был и остается «государственным» университетом в самом высоком смысле этого слова.

Примечания

1. «Mi — s Avtotraktorного fakulteta ...». K 60-letij Avtotraktorного fakulteta JRGU. — Cheljbinsk : Abris, 2003. — С. 13.
2. Cheljbinskii politexnicheskii institut imeni Leninskogo komomola (Istoricheskaj spravka). — Cheljbinsk : Isd-vo CHPI, 1973. — С. 3—4.
3. JRGU (Zolotie stranici istorii). — Ekaterinburg : Real-Media, 2008. — С. 18.
4. Tulinskii, S.V. YRGU. 1943—2003. Istoricheskii ocherk / S.V. Tulinskii. — Cheljbinsk : Isd-vo YRGU, 2003. — С. 8.
5. Politexnicheskie kadri. — 1968. — 18 dekabrij.
6. S.V. Tulinskii. Tam zhe. — С.14.
7. Politexnicheskie kadri. — 1968. — 18 dekabrij.
8. Komissarov G.A. Energeticheskii fakultet: istoria stanovlenij i razvitij / G.A. Komissarov. — Cheljbinsk : Cheljbinskii Dom Pechati, 2001. — С. 7.
9. Priborostroitel'nii — nasha zchizn, nasha gordost ... Istoricheskii ocherk k 50-letij Priborostroitel'nogo fakulteta JRGU. Cheljbinsk : Cheljbinskii Dom Pechati, 2007. — С. 14.
10. «Na zemle, v nebesax i na more...». Aerokosmicheskii fakultet JRGU. — Cheljbinsk : Uz.-Yral. kn. izd-vo, 2007. — С. 45.
11. «Mi — s Avtotraktorного fakulteta ...»... — С. 20.
12. Politexnicheskie kadri. — 1968. — 18 dekabrij.
13. Tam zhe.
14. <http://susu.ac.ru/ru/about/>

Поступила в редакцию 15.08.2008 г.

Сибиряков Игорь Вячеславович, родился 1963 г., доктор исторических наук, профессор. Окончил исторический факультет Челябинского государственного университета (1985), аспирантуру МГУ (1987). С 1999 — заведующий кафедрой истории России ЮУрГУ. Докторскую диссертацию защитил по теме «Нравственные ценности нового российского либерализма. Исторический аспект» (1998). Исследует роль интеллигенции в формировании и разрушении нравственных ценностей российского общества; особенности развития социоморальной среды российского либерализма, вопросы политической этики. Автор более 60 научных и методических публикаций, из которых две монографии. sibirjkovig@mail.ru.

Sibiryakov Igor Vyacheslavovich was born in 1963, he is a PhD (History), Professor. He graduated from the Historical Faculty of Chelyabinsk State University (1985), and then from the post-graduate studying course of the Moscow State University (1987). He is Head of the Russian History Department of SUSU since 1999. He defended his doctoral dissertation on the topic “Moral Values of New Russian Liberalism. Historical Perspective” (1998). He researches influence of the clerisy on the formation and demolition of the moral values in the Russian society, peculiarities of the development of the social and moral milieu of the Russian liberalism, issues of political ethics. He is author of more than 60 scientific works and manuals including 2 monographs. **E-mail: sibirjkovig@mail.ru**.

ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ В РОССИИ: КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ¹

Р.С. Черепанова

ENLIGHTENED ABSOLUTISM IN RUSSIA: OFFICIAL POLITICAL STRATEGIES AND THEIR CULTURAL CONCEPTS

R.S. Cherepanova

Анализируются некоторые укоренившиеся стереотипы, касающиеся «просвещенного абсолютизма» как понятия, эпохи и научной проблемы. По мнению автора, просвещенный абсолютизм, как общая стратегия правительства, сохраняется в России вплоть до середины XIX в., и частично воспроизводится даже в «великих реформах» Александра II, предопределяя их известные «половинчатость» и ригоризм. Автор анализирует причины столь длительной воспроизводимости в России элементов просвещенного абсолютизма, описывает его как некую культурную модель, или дискурс, в рамках которого так долго функционировала не только политическая элита, но и общественность (так называемое «освободительное движение»).

Ключевые слова: Просвещение, просвещенный абсолютизм, либерализм, консерватизм, идеология, дискурс, государство, модернизация, общественное мнение, общественное движение

The article analyzes some stereotypes about “enlightened absolutism” as notion, epoch and scientific problem. According to the author’s opinion, enlightened absolutism as general strategy of government was used in Russia till the middle of XIX century and partially it was reproduced in “great reforms” of Alexander II predetermining their halved character and rigorism. The author analyzes the reasons of so long reproducibility of elements of enlightened absolutism in Russia, describes it as a cultural model, or discourse, in the frames of which not only political elite but the community as well (so called “liberation movement”) functioned for such a long time.

Keywords: Enlightenment, enlightened absolutism, liberalism, conservatism, ideology, discourse, state, modernization, public mind, liberation movement.

Большинство коллег, с которыми я делилась замыслом этой статьи, встречали мою затею скептически: «Что нового можно сказать о просвещенном абсолютизме? Избитое клише, за которым ничего нет, неоправданно раздутое в советское время». Другие переспрашивали: «Просвещенный абсолютизм? А что это? Его же на самом деле никогда не было». Третьи разочарованно констатировали: «А, это про Екатерину Великую, но здесь же все известно».

И уже эта убежденность в том, то «здесь все известно», и привычное соотнесение просвещенного абсолютизма в равной степени с Екатериной II и с советской историографией, и само отмахивание от него как от интеллектуальной спекуляции, «не бывшей в реальности», провоцировали мой исследовательский азарт, обозна-

чали проблемные точки будущей статьи и казались достаточными поводами для ее написания.

Прежде всего, несмотря на, действительно, условность и схематизм того, что принято подразумевать под абсолютизмом, и просвещенным абсолютизмом в частности, эти понятия прочно вошли в культурный фон европейской истории и вызывают вполне определенные ассоциации. А это значит, что, даже если существование абсолютизма «в реальности» вызывает сомнения², то существование абсолютизма как явления сознания и культуры бесспорно.

Просвещенный абсолютизм в России, в самом деле, принято связывать с эпохой Екатерины II (некоторые исследователи с различными оговорками продляют этот период до 1815 г.), а затем, как предполагается, логика, риторика и реаль-

ные действия власти, так же как и общественные настроения, трансформируются и могут быть адекватно описаны в категориях консерватизма и либерализма.

Этот подход представляет процессы русской истории XIX в. как синхронные и одностадийные европейским, а просвещенный абсолютизм сводит до уровня сугубо политической стратегии; не удивительно, что он, этот подход, легко вписался как в либеральный, так и в демократический дискурс и по сей день настойчиво ими воспроизводится.

Однако, как мне представляется, не только русская общественная мысль вплоть до 1880-х гг. не может без грубых искажений быть втиснута в параметры западно-европейских буржуазных идеологий, но и стратегия и риторика правительства также.

С одной стороны, трудно назвать консервативным правительство, постоянно извергающее реформы, к значительной части которых общество оказывается неготовым. При этом особый акцент правительство знаково ставит на повышении образования (в том числе, на уровне массовой начальной школы) и культуры различных сословий. Даже образовательная программа Николая I, обычно столь критикуемая за консерватизм, значительно превосходила, по замечанию Б.Н. Миронова, потребности в образовании самого «народа»³. Иными словами, каким бы «консервативным» не выглядел правительственный курс «со стороны», он все равно опережал реальную степень зрелости общества. В этом смысле, воспринимать как либеральные требования «свободы» и «прав», звучащие со стороны русской общественности, по крайней мере, до середины XIX в., весьма опрометчиво. Свобода, о которой говорят русские люди от Радищева до западников и славянофилов, плохо вписывается в институты западной, правовой, свободы. Это скорее пушкинская «вольность» или казачья вольница. Даже если русские мыслители употребляют слова «конституция» и «республика», не стоит думать, что они вкладывают в эти понятия западные смыслы. «Республика» известного «либерала» Б.Н. Чичерина, по собственному авторскому определению, «самодержавна». Другой западник — К.Д. Кавелин — точно так же критиковал парламентаризм и отстаивал необходимость самодержавия. Подобно тому, как «Наказ» Екатерины выглядит «либеральнее» того, что отстаивали записные екатерининские «либералы», правительственные замыслы и даже их гораздо более скромное реальное воплощение, от Александра I до Александра II, кажутся намного «буржуазнее» того, что предлагалось декабристами, содержалось в практических программах западников и славянофилов.

Грубо говоря, ни жесткая экономическая необходимость (крепостное хозяйство в первой половине XIX в. еще не исчерпало своих резервов), ни острое и сознательное движение крестьянства за освобождение, ни амбиции основной массы дворянства, ни либеральные убеждения интеллектуальной элиты сами по себе не могли побуждать правительство вынашивать планы масштабных реформ, причем вынашивать зачастую тайно, дабы не вызвать лишних волнений со стороны «неготового» общества. В результате «добровольных» действий правительства последовательно смягчалось крепостное право, реформировалась судебная система (указы 1864 г. только завершили этот процесс), государственный аппарат и местное самоуправление, расширялась и специализировалась система образования, шла постоянная работа по обеспечению правительственного курса поддержкой (реальной или мнимой) со стороны «общественного мнения». Выделим особо последнюю деталь. Самодержавное правительство придает огромное значение оправданию необходимости своих действий в глазах подданных, оно постоянно имитирует сам факт наличия в России «общественного мнения», о необходимости и полезности которого неустанно твердит. Даже реформы 1860-х гг. правительство не считало возможным проводить, не подготовив (не сфабриковав) предварительно соответствующего «общественного мнения».

Итак, курс правительства не выглядит консервативным. Но не выглядит он и либеральным.

Во-первых, «свобода», в ее западном, институциональном, смысле, пугала русское правительство не меньше, чем она пугала русское общество. Во-вторых, трудно назвать либеральным курс, который осуждает, как аморальные явления, не только капитализм и неограниченную частную собственность, но и сам «технический прогресс», если он оторван от «духовности» и «просвещения». В-третьих, нелиберальной представляется и риторика правительства, которое, например, убеждало общество в необходимости отмены крепостного права, апеллируя к чувствам человеколюбия и к «царской любви», а не к неотъемлемым правам человека и гражданина. Пресловутая половинчатость реформ Александра II была лишь отчетливым выражением противоречивости курса всех его предшественников, начиная с середины XVIII в. И это не выражение «специфики» русского либерализма, не пример свойственно самодержавию «лицемерия», и не метания правительства между консерватизмом и либерализмом под давлением экономической необходимости или революционной угрозы. Тезисы о «лицемерии» и «метаниях» отражают лишь

беспомощность попыток современников и историков объяснить тот факт, что правительство раз за разом, продекларировав весьма радикальные намерения, для чего ему нередко приходилось преодолевать значительное сопротивление общества, осуществляло затем более чем скромный вариант преобразований, чем снова провоцировало конфликт с образованным обществом, чей пламень само же зажгло.

И это относится не только к эпохе Екатерины II или к периоду «великих реформ» XIX в. Вспомним Александра I, в правлении которого, как известно, принято выделять этап «либеральных реформ» и наступившую около 1815 г. «осень консервативной реакции». В этой удобной «классической» схеме, увы, многое некорректно. Во-первых, реформы и их проектирование продолжались и после 1815 г., причем все это сопровождалось вполне конституционной риторикой. Во-вторых, даже преобразования первого периода, весьма скромные, при удивительном радикализме их декламаций, не приближались к основам основ либерализма — реальному, а не бутафорскому разделению властей, свободе рынка, «массовой» эмансипации личности. В-третьих, известные «реакционеры», вроде А.А. Аракчеева, нередко высказывали вполне «либеральные» идеи, зато записные «либералы» (как сенатор И.В. Лопухин), когда дело доходило до принятия конкретных решений, оказывались осторожнее бывалых крепостников. Последнее касается и «главного штаба» реформ — пресловутого Негласного комитета (Строганов, Чарторыйский, Кочубей, Новосильцев) во главе с императором. Когда даже старики сенаторы, вроде Державина, отстаивали замысел о превращении Сената в независимый законодательный корпус, хотя и формируемый из высших чиновников и аристократии, Негласный комитет раскритиковал эти планы за то, что они не имели ничего общего с народным представительством. Когда старый служака А.Р. Воронцов предлагал даровать некую «жалованную грамоту народу», наподобие *Nabeas Corpus Act*, Негласный комитет признал появление такой грамоты несвоевременным. Тот же Воронцов говорил о даровании крестьянам прав владения недвижимым имуществом; Зубов предлагал запретить владение дворовыми, записав их в цехи и гильдии и выдав помещикам компенсацию; Александр и члены Негласного комитета отвергли обе идеи. Новосильцев заявлял, что нельзя принимать сразу несколько мер против крепостного права, чтобы не вызвать раздражения дворянства; Строганов, Чарторыйский и Кочубей полагали отмену крепостного права делом постепенным и туманным. Замечательно, что и Ф. Лагарп, которого считали якобинцем и демократом, был по крестьянскому вопросу так

же нерешителен и робок, как и остальные, а главной потребностью России считал просвещение. Народному просвещению, состоянию народной нравственности оба венценосных брата, и Александр и Николай, действительно уделяли огромное внимание; при этом даже «военные поселения», традиционно представляемые апофеозом реакции и неудачной попыткой сократить государственные расходы на содержание армии, самой властью осмыслялись как грандиозный цивилизаторский эксперимент, когда «непросвещенных» крестьян приучали к дисциплине быта, умению «рационально» выстраивать жизнь, подвигали к освоению определенных технических новаций и духовному просвещению; над ними выстраивались и таким образом апробировались новые образовательные, медицинские, административные структуры.

И эти, и другие «противоречия» государственного курса, однако, перестают быть противоречиями и увязываются единой логикой, если подойти к ним с позиций и с мерками просвещенного абсолютизма.

Но что же надлежит иметь в виду, говоря о просвещенном абсолютизме?

В российской исторической науке просвещенный абсолютизм традиционно определяется как политика «преобразований наиболее устаревших феодальных институтов», проводимая абсолютными монархами в ряде стран Европы в последние десятилетия XVIII в. ради «сохранения базовых устоев старого порядка». Нетрудно заметить, что в основу этого подхода положен не сущностный, а функциональный принцип — описание той роли, которую выполняли просвещенные европейские монархии в их отношении к Старому порядку. Последовательно примененный в отношении России, этот подход должен был датировать демонтаж системы просвещенного абсолютизма едва ли не 1905 годом. Что касается попыток определить суть просвещенного абсолютизма, то они рисуют или «один из этапов развития абсолютизма», которому «соответствует определенная расстановка классовых сил и определенный уровень классовой борьбы»⁴ (И.А. Федосов), или не менее расплывчатое «сочетание лучших черт «правового», «сословного» и «полицейского» государств с особым акцентом на социальную справедливость и общественное благосостояние, которые к тому же способствуют величии и мощи государства»⁵ (Х. Рэгсдейл). Более убедительным выглядит вписание просвещенного абсолютизма в теорию модернизации, где интересующий нас феномен предстает как одна из стратегий модернизации сверху, построенная на основе идей Просвещения. Но и тут имеется достаточный зазор между реально проводимой модернизацией (она может быть более

или менее масштабной) и тем культурным шлейфом, тем идейным обрамлением, который мы без колебаний идентифицируем, как просвещенный абсолютизм. К примеру: модернизация Екатерины II в России была более скромной, чем модернизационная программа, осуществленная в Австрии или Испании; но сам культурный контекст русского просвещенного абсолютизма по его богатству, насыщенности и значению делает русский просвещенный абсолютизм едва ли не эталонным.

Может быть, поэтому, более корректным будет понимать под просвещенным абсолютизмом некую культурную модель, в основе которой лежит представление о цивилизаторской миссии государства по отношению к основной массе своих подданных, находящихся в состоянии «непросвещенности». При этом «просвещенность» представляет собой сложное сочетание духовного, интеллектуального и нравственного состояния и не редуцируется к обладанию определенной суммой знаний. Такое толкование вполне объясняет особую роль этой культурной модели именно в России, воспринимавшейся олицетворенной метафорой «дикаря», которого надлежало цивилизовать, «чистого листа», на котором можно было писать без проб, набело, историю «разумного» государства.

Государство, персонифицированное в лице монарха, наделяется неограниченными полномочиями именно в силу «непросвещенного» состояния народа. Отсюда проистекают: и постоянное стремление государства к проведению «цивилизаторских» реформ, и в то же время страх перед финальным достижением подданными того «просвещенного» состояния, которое положит предел сверхполномочиям государства и монарха. Поэтому реформы идут, но в чрезвычайно замедленном темпе: задача, в конечном итоге, заключается в том, чтобы отсрочить момент достижения поставленной цели.

Эта модель не сводится «без остатка» ни к консерватизму, ни к либерализму, хотя может использовать их метафоры или инструменты; но на самом деле, она просто располагается в ином поле.

Ключевыми характеристиками этой модели, общими как для русского материала, так и, по крайней мере, для истории Пруссии и Австрии⁶, являются, по-видимому, следующие.

- Особая роль бюрократии, как главного инструмента «цивилизаторской» миссии государства. Чрезвычайная забота о территориальном и центральном управлении, о системах коммуникации между центром и провинциями, с целью повышения их «разумности» и полезности; постоянно подразумеваемой (и мыслимой в качестве реально достижимой) целью выступает создание

правильного и совершенного государственного механизма. Отсюда особое внимание к состоянию законодательства, масштабные кодификационные работы. Склонность к утопизму через соблазны «идеального государства» и «идеального человека». При этом, до момента достижения обществом состояния «просвещенности», неограниченная власть монарха должна возвышаться над всеми, даже «правильно» разделенными, ветвями власти.

Характерен пример, связанный с «либеральными реформами» Александра I. Согласно одной из мер, Сенат приобрел статус высшей судебной контрольной инстанции и должен был следить за непротиворечивостью законодательства. Но когда в 1803 г. Сенат указал императору на несоответствие его нового указа Манифесту о вольности дворянской, император в гневе разъяснил, что Сенат имеет право высказываться только по поводу ранее изданных законов, а никак не настоящих или будущих. Увенчивавшая исполнительную власть система министерств изначально была подотчетна лично императору. Наконец, что касается законодательной власти, и тут последнее слово принадлежало монарху, а Государственный совет обладал лишь законосовещательными функциями. Кроме того, в Государственный совет входили все министры, что прямо нарушало принцип разделения властей. Таким образом, император соединял в своем лице все ветви власти, и необходимость сохранения этой ситуации отстаивал даже наиболее радикальный реформатор Александровского царствования — М.М. Сперанский.

- Особая забота о системе образования и о формировании общественного мнения, как одного из показателей «просвещенности» народа. Подчеркнутое покровительство наукам и искусствам. Представление о том, что свобода является лишь одним из условий достижения общего блага, и без просвещения может быть только вредна. Убеждение, что просвещение народа должно предшествовать или, по крайней мере, идти рука об руку с его эмансипацией. В любом случае, подразумевается, что предоставлять свободу «дикарю» недопустимо. Большая свобода и большие права, предоставляемые дворянам, связываются с надеждами власти на большую степень просвещенности этого слоя, и представляют собой первый шаг в программе постепенной эмансипации народа. Вместе с тем, власть сохраняет глубинное недоверие к обществу, все еще недостаточно «просвещенному», неспособному в деле просвещения отличить зерна от плевел и оттого нуждающемуся в постоян-

ном контроле. Отсюда — все богатство оттенков между гласностью, лояльным отношением к «карманной» фронде⁷, определенной игрой государства в реальность и значимость оппозиции и пресловутыми элементами «полицейского государства».

- Гуманизация общего отношения к человеку; представление о человеке как о разумном и по природе призванном к добру существе; вместе с тем — признание проистекающих из этой же физической природы «слабостей»; провозглашение человека одной из ценностей государства; развитие благотворительности, в том числе, идущей напрямую от государства или от членов правящей фамилии. Наряду с этим, поиск гармонии между отдельным человеком и «общим делом», «общей пользой». Особая этика труда, долга, умеренности и скромности, пример которой подает сам монарх. Напомним, что даже Манифест 19 февраля 1861 г. утверждал, что: «Довольство приобретается и увеличивается не иначе как неослабным трудом, благоразумным употреблением сил и средств, строгою бережливостью и вообще честно в страхе божьем жизнью».
- Представление о том, что «истина» тождественна «добру», нравственности и «пользе». Соответственно, осуждение буржуазных отношений за их аморальность и индифферентность к принципу «общей пользы», общественного интереса. Убежденность в необходимости поддержания здорового баланса сил внутри страны; отсюда — тактика попеременной поддержки различных экономических и сословных группировок. Распространение знаний мыслится чуть ли не как главная гарантия против экономических потрясений. Глубже, под этим кроется убеждение, что не собственность, а знание и разум правят миром и преобразуют природу.
- Общая театральность, утрированность и сентиментальность провозглашаемых целей, совершаемых жестов (но не «лицемерие» в нашем сегодняшнем понимании) и важность того, насколько «цивилизованной» страна выглядит со стороны — вспомним хотя бы «потемкинские деревни» или ватерклозеты в военных поселениях, как театр нового быта.

Если по отношению к политике Екатерины II или Александра I эти принципы, что называется, лежат на поверхности, то в эпоху Павла или Николая они выглядят более стертными. Однако и Павел, и Николай интересовались техническим прогрессом, проявляли законотворческое и кодификационное рвение, заботились об открытии

новых учебных учреждений, как низшего звена, так и профессионально специализированных, следовали политике «баланса сил» между дворянством, купечеством и крестьянством, централизовали государственный аппарат, активно вмешивались и в меру своего понимания покровительствовали культуре и искусствам.

Помимо особой роли эстетики в Павловском царствовании, отмеченной еще Н.Я. Эйдельманом, сохранилось немало примеров горячего интереса царя к произведениям монументального и прикладного искусства, театру. Сохранились чертежи и планы, выполненные самим Павлом. Что касается привилегий дворянства, то Павел компенсировал старые, отменяемые им, новыми. По статистике, приводимой Н.Я. Эйдельманом, за 4 года своего правления он создал 5 новых княжеских фамилий и 22 графские, передал помещикам около 550—600 тыс. крестьян вместе с 5 млн десятин земли. Служебные преимущества дворян перед разночинцами сохранились и даже усилились; был учрежден Вспомогательный банк для дворянства, выдававший огромные ссуды, и т. д. При всем том, широко известны показательные мероприятия Павла в пользу крестьянства. Его суровый сын Николай, самодержавный деспотизм которого был так драматически воспет современниками, провел около 100 мер, смягчающих крепостное право и финансировал постоянную работу комиссий по разработке механизма его отмены. Николай также активно спонсировал русских художников, ученых и литераторов и, как бы то ни было, сам предпочитал подавать себя человеком просвещенных нравов. Он демонстративно не только выделил пенсию вдове поэта-декабриста К.Ф. Рыльева, но и на премьере гоголевского «Ревизора», посреди гробовой тишины, последовавшей за финальной фразой, первым начал аплодировать, подав, таким образом, сигнал обескураженной публике к положительному приему этого едкого произведения.

Вообще, образы самих себя, создаваемые русскими правителями и основанные на нравственности, труде, справедливости, долге и чести, выглядят с точки зрения идеологом просвещенного абсолютизма, очень характерно⁸.

Таким образом, складывается впечатление, что просвещенный абсолютизм, как общая стратегия правительства, сохраняется в России вплоть до середины XIX в., и частично воспроизводится даже в «великих реформах» Александра II, предопределяя их известные «половинчатость» и ригоризм.

Следует также отметить, что не только власть функционировала в рамках описанного дискурса, но и общественность.

Так: «Известный свод Боровкова, — пишет В.Я. Гросул, — составленный по повелению Ни-

колая I на основании показаний декабристов, дает представление о намерениях не только членов тайных обществ, но и более широких кругов <...> Прежде всего, декабристы выражали недовольство существовавшими законами, которые не были приведены в систему и отличались множеством противоречий. Результатом этого был произвол и торжество сильных... Серьезной критике они подвергли и саму систему управления... В губернаторах и генерал-губернаторах они видели самых настоящих сатрапов. Центральные учреждения, по их мнению, плохо организованы и утратили единство. Система министерств действует без всякой гласности в делопроизводстве и покровительствует злоупотреблениям. Сенат превращен в простую типографию... Обратили внимание декабристы и на состояние государственного хозяйства. По их мнению, там полно хищений, отсутствует четкость и планомерность, нет реальной картины положения финансов. Господство же казенных монополий подрывает производство и торговлю... В крайне тяжелом состоянии находится и флот... Условия жизни крестьян подаются декабристами как ужасные. Они описывают неистовства помещиков... Особое внимание ими акцентируется на тягостном обременении крестьян барщиною и оброком... Они говорят об угнетенном положении купечества... При этом обращается внимание на стеснительность узаконений, которые способствуют укреплению позиций не человека, а капитала. Тем самым декабристы выступали против господства богатых, но бесчестных купцов и защищали интересы добродетельных, но бедных»⁹.

По-видимому, пресловутое русское «освободительное движение» и русская общественная мысль вращались вокруг этих идей достаточно долго, от екатерининской фронды и декабристов до славянофильства и западничества 1840—1960-х гг. (концепции вроде: «Сила мнения — народу, сила власти — правительству», «послепетровского общественного раскола», «единственного европейца в России — правительства», «самодержавной республики» или «призвания варягов» все так или иначе строились вокруг представления о культуртрегерстве государства). Отсюда — известные трудности при попытках определить различные течения русской общественной мысли в рамках классических буржуазных идеологий. В.Ф. Пустарнаков даже идеи радикальных демократов 1860-х гг. (Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, Н.А. Добролюбов) весьма убедительно квалифицирует как просветительские¹⁰. Да и «хождение в народ», как и любая иная форма оплаты «долга интеллигенции перед народом», вкуче с разрезанными лягушками Базарова, сильно отдают вульгаризированным просветительством.

И это при том, что из Европы шел и вливался в общую атмосферу энергичный приток буржуазных — либеральных и консервативных — идеологов, метафор, установок, которые культурное пространство русского просвещенного абсолютизма переваривало и трансформировало, адаптируя к себе. Эти установки начинают ощутимо теснить просветительские не ранее 1880-х гг., причем как в общественной сфере, так и в правительственной. Убийство Александра II положило предел играм власти в пространстве и по правилам просвещенного абсолютизма. Государство отказывается от роли «цивилизатора» по отношению к обществу (его новая роль теперь — скорее «наставник» или «пастырь»), и впервые формируется последовательная и полноценная консервативная идеология и соответствующая ей, впервые полностью лояльная к капитализму, консервативно-буржуазная программа.

Причинами столь длительной востребованности в России просвещенного абсолютизма, как культурной конструкции, можно называть особенности русской догоняющей модернизации или особое «просветительское» восприятие России, как плацдарма для различного рода социально-политических экспериментов — настроение, которым заражалась и пропитанная европейскими идеями русская элита¹¹. Свою роль сыграли, вероятно, и православие, и долгая эсхатологическая традиция, утопическое тяготение к Граду Божьему, и со времен Московского царства практически возведенный в ранг идеологии мессианизм русских государей.

При всей болезненности для русского сознания любых свидетельств «непохожести» России на Европу, едва ли следует игнорировать их в угоду национальным чувствам. Во всяком случае, продление периода просвещенного абсолютизма в России позволяет объяснить не только «странности» русского политического курса, но и многие особенности русского «освободительного движения».

Примечания

1. Статья написана на основе доклада, прочитанного на Региональном Европейском Конгрессе в Берлине (2—4 августа 2007 г.).

2. См., напр.: Хеншелл, Н. Миф абсолютизма: переменны и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Н. Хеншелл. — СПб.: Алетейя, 2003. — 273 с.

3. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.) / Б.Н. Миронов. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — Т. 2. — С. 226.

4. Федосов, И.А. Просвещенный абсолютизм в России / И.А. Федосов // Вопросы истории. — 1970. — № 9. — С. 34—55.

5. Рэгсдейл, Х. Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762—1815 годах / Х. Рэгсдейл // Отечественная история. — 2001. — № 3. — С. 3—25.

6. См., напр.: Ивонин, Ю.Е. Фридрих II Гогенцоллерн и Иосиф II Габсбург / Ю.Е. Ивонин // *Вопросы истории*. — 2003. — № 10. — С. 49—73.

7. Характерно, даже если не соответствует истине, свидетельство Меттерниха об обращении Александра I к лорду Грейю с просьбой представить проект создания оппозиции в России.

8. Уортман, Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. / Р.С. Уортман — М.: ОГИ, 2004. — Т. 1, 2. — 608 с.

9. Гросул, В.Я. Русское общество XVIII—XIX веков: традиции и новации / В.Я. Гросул. — М.: Наука, 2003. — С. 159—161.

10. См.: Пустарнаков, В.Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа / В.Ф. Пустарнаков — М.: Ин-т философии РАН, 2001. — 382 с.

11. См.: Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. — М.: Новое лит. обозрение, 2003. — 560 с.; Филюшкин, А. Как Россия стала для Европы Азией / А. Филюшкин // *Ab imperio*. — 2004. — № 1. — С. 191—227.

Поступила в редакцию 16 августа 2008 г.

Черепанова Розалия Семеновна, родилась в 1971 г., окончила Челябинский государственный университет (1993 г.), кандидат исторических наук (2002), с 2002 г. — старший преподаватель, с 2007 г. — доцент кафедры истории России Южно-Уральского государственного университета. Сфера научных интересов: история России XIX в., политическая история, история русской интеллигенции и освободительного движения, история идей.

Cherepanova Rosalia Semenovna was born in 1971, graduated from Chelyabinsk State Institute (1993), Cand.Sc. (History) 2002, she is a Senior Teacher since 2002, Associate Professor of the Historical Department of the South Ural State University since 2007. Professional interests: Russian history of the XIX century, political history, history of Russian clerisy and liberation movement, history of concepts.

Искусствоведение

УДК 72.03(09)(086.6)
ББК ТЗ(2Р36)-7

ХАРАКТЕРНЫЕ ПЛАНИРОВОЧНЫЕ РЕШЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ И МЕЧЕТЕЙ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА*

Т.В. Колобаева

TYPICAL FLOOR-PLAN DECISIONS OF CHURCHES AND MOSQUES OF ORENBURG REGION IN FIRST HALF OF XIX CENTURY

T.V. Kolobaeva

Проведен анализ большого числа памятников архитектуры и выявлены основные планировочные схемы и объёмно-пространственные решения южноуральских культовых зданий, характерных для первой половины XIX столетия. Автором в работе использовано и проанализировано большое количество натуральных и архивных материалов, исторических и литературных источников. Составлены описания сохранившихся памятников.

Ключевые слова: архитектура церквей Южного Урала, процесс строительства церквей, характерные архитектурные решения церквей, архитектура мечетей Южного Урала, процесс строительства мечетей, характерные архитектурные решения мечетей.

The article gives the analysis of large quantity of monuments of architecture and reveals main floor-plan diagrams and three-dimensional-spatial decisions of South Ural buildings for public worship typical of the first half of XIX century. During research the author used and analyzed large quantity of archive material and materials on location, historical and literary sources. The author described the extant monuments.

The Keywords: architecture of South Ural churches, construction process of churches, typical architectural decisions of churches, architecture of South Ural mosques, construction process of mosques, typical architectural decisions of mosques.

Южный Урал начал активно осваиваться русскими со второй трети XVIII века. Одной из важных предпосылок присоединения его территории было распространение православия на башкирское население и переселенцев других конфессий. Народности, исповедующие ислам, составляли значительную часть южноуральского населения, поэтому Российским правительством решались сложные политические задачи, связанные с их правами, и религией. До 1744 года в Оренбургской губернии существовал запрет на строительство мечетей, что предписывалось законодательством после взятия Казани российскими войсками. С начала XVIII века появляется необходимость более тесно интегрировать мусульманское население в Российское общество, в связи с чем, изменяется и политика государства.

Произошедшее изменение российских законов в отношении мусульман решало межнациональные и религиозные проблемы и способствовало сохранению и развитию их национальной и духовной культур. Поэтому в русских сёлах велось строительство православных церквей, а в мусульманских поселениях возводились мечети. В более крупных населённых пунктах, таких как Оренбург, Троицк, Челябинск, сооружались и церкви и мечети, строительство которых велось религиозными общинами. Где бы ни были сооружены культовые здания в крупном или малом поселении они выполняли репрезентативную функцию, демонстрировали уровень благосостояния и развития религиозной жизни.

В 1800 году в пределах Оренбургской епархии насчитывалось 74 церкви — без учета тех,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 07-06-96004

которые сгорели или прекратили свое существование по другим причинам. Заказчиками на постройку православных храмов выступали помещики-дворяне, владельцы заводов, купцы, чиновники местной администрации, духовенство, крепостные или государственные крестьяне. К строительству храмов привлекали, за редким исключением, самых опытных мастеров-строителей, и использовали надёжный и художественно-выразительный строительный материал, само предназначение культовых зданий предопределяло величественность их форм. Церкви перестраивали по мере роста поселений из дерева или камня, что зависело от выбора и возможностей заказчиков. Усадебные церкви выполняли по проектам профессиональных архитекторов, так как дворянское сословие, стремилось придать своему помещью особую значимость и неповторимость. Это своеобразное соперничество выразилось в определенном круге построек высокого художественного уровня.

С начала XIX века большую значимость в строительстве церквей на Южном Урале приобрели образцовые проекты, созданные столичными архитекторами. Первый в истории России альбом образцовых проектов церквей, датированный 1824 годом — временем царствования Александра I, был выпущен в Санкт-Петербурге. В альбом вошли 30 проектов церквей и один проект колокольни, выполненные ректором Академии художеств А.А. Михайловым и архитектором И.И. Шарлеманем — мастерами петербургской школы¹. Эти проекты можно разделить на четыре основные группы: первые семь — ротонды, следующие семь — крестообразные церкви, третий тип представлен шестью прямоугольными бескупольными храмами, и последний самый многочисленный — десять кубовидными, квадратными в плане храмами².

Формы православных храмов символически соответствовали церковному канону. Храм с планом в форме креста означал Крест Христов основу Церкви и ковчег для спасения людей. Круглый в плане храм представлял кафоличность и вечность Церкви и Царства Небесного: учитывая семантику форм круг — символ вечности и совершенства. Храм в форме восьмиугольной звезды изображал Вифлеемскую звезду и Церковь как путеводную звезду к спасению в жизни будущего и вечности в Царстве Божиим³.

Первая половина XIX века в Оренбургской губернии отмечена стремительным развитием храмового зодчества. Подтверждением служит большое количество возводимых в это время кубовидных, квадратных и трёхчастных церквей. Некоторые культовые здания этого времени в помещичьих усадьбах имели выразительные однокупольные силуэты в стиле классицизма. На-

пример, церкви Оренбургской губернии сёл Державино, Жилинка, Спасское.

Характерным примером культовых зданий первой половины XIX века является церковь Святой Великомученицы Екатерины (1852 г.) посёлка Тугустимир Оренбургской области, бывшей усадьбы титулярного советника В.И. Звенигородского⁴. План храма выполнен в форме греческого креста по типу центральной композиции в русско-византийском стиле. Плоскости фасадных стен делят четыре раскрепованные пилястры на три прясла, которые сверху завершены тремя кокошниками. Отдельно стоящая четырёхъярусная колокольня имеет явное сходство в построении и оформлении с колокольней Симонова монастыря, проект которой был выполнен в 1838 году К.А. Тоном. Центром объёмно-пространственной композиции Екатерининской церкви является широкий цилиндрический барабан, увенчанный шлемовидной главой. На нём прорезаны по сторонам света четыре вертикальных полуциркульных арочных окна. В простенках между окнами барабана выполнены по два ложных окна-ниши, равные им по размерам. Над окнами барабана проходит аркатура, ряд небольших глухих арочек без опоры на колонки. Все оконные проёмы, украшающие фасады церкви — вертикальные полуциркульные арочные. Все ложные окна-ниши верхнего яруса храма украшали барельефные скульптурные группы, над которыми расположены цветки розетт.

Основным местом строительства церквей ротонд была дворянская усадьба второй половины XVIII первой половины XIX века. В городах их строили относительно редко. Заводские церкви-ротонды Южного Урала, возведенные в первой половине XIX века, отмечены влиянием московской архитектурной школы Матвея Федоровича Казакова (1738—1812 гг.). Ротонды городов Уфалея, Миньяра и села Илек, интересны в связи с вопросом о влиянии школы М.Ф. Казакова на южноуральскую культовую архитектуру. Возможно предположение об авторстве учеников школы М.Ф. Казакова или их участии в проектировании перечисленных ротонд.

Южноуральские церкви-ротонды по времени строительства оказываются в одном ряду с Троицкой церковью Аристового погоста (построенной если не по проекту М.Ф. Казакова, то, безусловно, мастерами его школы) и церковью в селе Архангельском архитектора Осипа Ивановича Бове (1784—1834 гг.)⁵.

Преображенская церковь (1816—1819 гг.) Уфалея относилась к числу интереснейших культовых построек отмеченных влиянием московской архитектурной школы. Она состоит из широкой двухпридельной трапезной, и вписанного

в ротонду храма алтарь⁶. Преображенская церковь Уфалея была разрушена.

Введенская церковь (1819 г.) г. Миньяра. почти не пострадала от времени и не перестраивалась. Её план является повторением плана Уфалейской церкви. Скруглённый с углов прямоугольник трапезной, примыкающий к ротонде храма с запада, членится шестью колоннами на три нефа. Скругленные углы делают более естественным переход от трапезной к ротонде храма. Боковые нефы трапезной перекрываются коробовыми сводами с распалубками, а центральный неф — парусными. В боковых нефах здания устроены приделы. Декоративное убранство фасадов храма выполнено в традициях архитектуры позднего классицизма.

Сретенская церковь с. Илек (1820 г.), и Введенская церковь г. Миньяра имеют практически полное сходство планов, что предполагает их принадлежность к одной архитектурной школе. Проекты этих зданий, помещенные в альбоме чертежей Миньярского завода статского советника Бекетова, подписаны заводским приказчиком Сергеем Озиминим в июле 1826 года, что также служит косвенным подтверждением о едином авторстве. Объёмы трапезных различаются только некоторыми деталями оформления фасадов. В Сретенской церкви упрощены формы завершения колокольни и ротонды⁷.

Прямоугольные бескупольные храмы предназначались в основном для общин, представлявших западных христиан — католиков и протестантов. Храмы этого вида, если отсутствовали звоны колоколен над главным фасадом, ничем не отличались от гражданских зданий. Подобные церкви возводили в крупных дворянских усадьбах и городах. Примером этого типа является церковь Святого Иоанна Предтечи г. Катав-Ивановска, отмеченная влиянием московской архитектурной школы В.И. Баженова. Катав-Ивановская двухэтажная церковь (1824 г.) имеет некоторое отдаленное планировочное сходство с южноуральскими церквями-ротондами.

В альбоме 1824 года отсутствуют проекты трёхчастных храмов, столь часто встречающихся на Южном Урале, здесь также нет пользовавшихся популярностью проектов многоярусных столпообразных колоколен близких московской архитектурной школе. Нужно сказать о колокольнях образцов 1824 года. Это сравнительно невысокие колокольни без особых украшений. Невысокий звон квадратный в плане увенчан шпилем, по его фасадам прорезано по одному полуциркульному арочному проёму, что демонстрирует предпочтения петербургской архитектурной школы. Подобные невысокие колокольни строили на Южном Урале. Сравнение проектов альбома 1824 года с сохранившимися церк-

вями позволяют довольно точно определить их востребованность и их внедрение в Оренбургской губернии.

Менее чем через два года после первого альбома, в начале 1826 года появилась необходимость в чертежах храмов демонстрирующих традиционные черты конфессиональной принадлежности. Многочисленные пожелания верующих, особенно из числа простого народа, подвигли Святейший Синод обратиться в Министерство внутренних дел о дополнении собрания изданных проектов ещё несколькими, составленными «по примеру древних православных церквей»⁸. В этот период меняется стилистика церквей, на первый план в культовом зодчестве выходит историзм. Создание новых образцовых чертежей храмов «по наилучшим и преимущественно древним образцам церковной архитектуры с должным приближением к потребностям и обычаям православной церкви» было поручено архитектору К.А. Тону⁹. Альбомы церквей в русско-византийском стиле были выпущены в 1838 и 1844 годы. Небольшая каменная церковь села Беликуль Красноармейского района предположительно была построена по одному проекту-образцу из альбомов К.А. Тона.

Таким образом, планировки южноуральских культовых зданий начала XIX века можно разделить по сходным композиционным решениям, общности черт стилового единства (барокко, классицизм), и по влиянию на них столичных архитектурных школ. Влияние московской и петербургской школ на Южном Урале проявилось в образцовом строительстве. Южноуральские особенности, проявлялись в большом разнообразии архитектурных деталей и форм, и происходили из творческого замысла строителей церкви, нередко привносивших свои изменения в проект при постройке.

Южноуральским церквям начала XIX века построенным в стилях барокко и классицизма, и освященным в 10—30-е годы упомянутого века, кроме некоторых более поздних, также характерна планировка типа «корабль». Ей следуют южноуральские церкви-ротонды г. Миньяра и Уфалея, с. Илек. Церковь Рождества Христова (1807 г.), размером с небольшую часовню, и Храм Покрова Пресвятой Богородицы (1825 г.) села Большой Куяш построены по типу «корабль».

Центрические квадратные или прямоугольные в плане храмы в начале XIX века были редкостью, но и в них сохранялись следы описанной планировочной схемы: у западного фасада возводилась отдельно стоящая колокольня (Церковь Св. Екатерины в с. Тугустимир (1852 г.)). Такие храмы редко предстают в «чистом виде», но и в этом случае отдельно стоящие колокольни строили перед западными фасадами храмов.

Примером такого строительства могут служить заводские церкви Златоуста и Невьянска.

Начиная с 1744 года, в Оренбургской губернии официально разрешается строительство мечетей.¹⁰ В письме от 4 сентября 1785 года оренбургскому генерал-губернатору барону О.А. Игельstromу по делу об устройстве мечетей императрица Екатерина II утверждала: «...Не сомневаемся, что такое сооружение мест для публичной молитвы ... может послужить к воздержанию их от своевольств лучше всяких строгих мер»¹¹. По ходатайству главных начальников Оренбургского края магометанские мечети были устроены в Оренбурге, Верхнеуральске, Троицке и Петропавловске. В дальнейшем заказчиками на постройку мечетей выступали мусульманские общины, богатые купцы, представители знати. Когда с прошением на постройку мечети выступали жители деревень, её строительство осуществлялось по типовому проекту, выбранному из «образцов». Во втором случае богатое купечество или высшее сословие, исповедующее ислам, заказывало проект здания архитектору с целью построить мечеть своеобразную, неповторимую.

Мечети Оренбургской губернии с середины XVIII века возводили по образу казанских мечетей. Религия связывала мусульманскую культовую архитектуру с зодчеством мусульманского Востока, но политическая и экономическая зависимость Казани от России (начиная со второй половины XVI века) также влияла на развитие её культовой архитектуры. Особенно это выражено в строительстве мечетей по образцовым проектам, созданным в Российских столицах. Был создан ряд оригинальных зданий как результат синтеза местных и привнесенных традиций.

В архиве Оренбургской области сохранилось два печатных образцовых чертежа «на построение деревянных мечетей», по которым велось строительство большинства деревенских мечетей Оренбургской губернии. Первый проект представлен мечетью традиционного типа с пристроенным по главной продольной оси минаретом. Можно увидеть явное планировочное сходство мечети с христианской церковью типа «корабль». Вход в мечеть, как и в церковь «кораблем», выполнен по главной продольной оси в нижней части минарета. Композиция получила развитие в двух направлениях по вертикальной оси минарета и равной ей по величине главной горизонтальной оси самого здания. Необычно декоративное оформление оконных проемов и входа.

Второй печатный «образец» типовой мечети не имеет минарета. Прямоугольный объем здания с вальмовым покрытием и незначительным выступом михраба, интересен решением входного узла. Входной притвор решен как пеш-

так — порталный вход мечетей, характерный для средневековой архитектуры стран Востока и Средней Азии. Он завершен сферой — внешним куполом с полумесяцем. На углах прямоугольного объема мечети выполнены декоративные башенки, имитирующие цилиндры угловых минаретов.

Мечети Оренбургской губернии в основном строились из дерева, только в городах возводились каменные здания. Каменные мечети начала XIX веков сохранились в Оренбурге, Троицке, Миассе, Челябинске. Их здания были одноэтажными с отдельно стоящим минаретом, с минаретом на крыше, с минаретом надстроеным над входным узлом, и размещением входа в торце здания. На крышу самой мечети иногда ставится купол полусферической формы (мечеть Караван-Сарай, 1842 г.).

Целый ряд чертежей мечетей выполненных профессиональными архитекторами для сельских поселений сохранился в Оренбургском архиве. В большинстве своем это проекты мечетей с минаретом на крыше. Проекты деревянных мечетей различаются: общими размерами и пропорциями, формами крыш, высотой, формой и расположением минаретов, неодинаковым по размеру и формам михрабу, а также декоративным оформлением фасадов мечетей.

Развитие архитектуры мечетей к началу XIX века происходило все с большим отдалением от восточных образцов в сторону освоения европейской архитектурной традиции. Европейское барокко, пришедшее из Москвы, смешивалось здесь с традициями исламского средневековья. Примером смешения стилей может служить Соборная мечеть по улице Рыбаковская в г. Оренбурге. Прямоугольное в плане кирпичное здание — одноэтажное, с двух звеньевым пристроенным минаретом. Архаичный цилиндрический минарет с низким шатром и обходной кольцевой площадкой на сталактитовом карнизе напоминает малый минарет в Булгаре. Светские мотивы барокко нашли отражение в оформлении фасадов мечети в несколько переработанном виде: в кирпичных пилястрах на углах здания и в криволинейных сандриках на окнах. Венчающий карниз имеет раскреповки на углах здания.

Мечети в классическом стиле решались без использования портиков, колонн, капителей. В оформлении использовались самые простые и строгие элементы: руст, пояски, карнизы, пилястры, небольшой фронтон. Минареты приобретают более сложную проработанную форму, иногда ассоциативно по пропорциям и членениям напоминающую болгарские минареты. Влияния столичных архитектурных школ и традиции, переплетаясь, приводили к появлению самобыт-

ной архитектуры. В зависимости от этого видоизменились сами формы мечетей и их детали.

Продольно-осевая композиция плана южноуральских мечетей имеет явное сходство с трёхчастной композицией русских церквей. Количество минаретов — не больше двух, расположенных симметрично продольной оси здания по сторонам входного узла. Их характерными особенностями были: квадратный со скошенными углами план, сходное с колокольнями деление на ярусы, сужение кверху в связи с небольшим наклоном граней к центральной вертикальной оси, что усиливало эффект устремленности минарета ввысь. Развитый план михраба по своим формам имеет общие черты с абсидой православного храма.

Таким образом, постройки православной и мусульманской общин Южного Урала начала XIX века имели сходство в формах планировок, хотя правила ритуала диктовали свои существенные отличия при организации внутренних пространств, которые в экстерьере не были заметно выражены. Религиозные каноны чётко устанавливали определенные виды планировочных схем православных храмов и магометанских мечетей.

Влияние столичных архитектурных школ на культовое строительство Южного Урала первой половины XIX века очевидно. Строительство южноуральских культовых зданий по образцовым проектам подтверждают это предположение. Несмотря на это здания, созданные по образцовым и специальным проектам, испытывали влияния местных строительных традиций, сложившихся в результате взаимовлияния русской и волго-камской архитектур. Следование правилам и образцам оставляли некоторый простор творческой мысли в решении их объёмов и деталей, в результате чего их создавали разными по формам, размерам и пропорциям, которые и являли черты самобытности и своеобразия южноуральского культового зодчества. Боль-

шинство мечетей Оренбургской губернии с конца XVIII века строили по образцовым проектам, созданным российскими архитекторами, в традициях болгарского и мусульманского средневековья с применением стилей барокко и классицизма; и по особым заказным проектам.

Примечания

1. *И.И. Шарлемань архитектор Департамента государственного хозяйства и публичных зданий.*

2. *Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей с кратким наставлением как о самом производстве строения, так и о вычислении потребных к тому материалов; При чём приложены и объяснительные чертежи важнейших частей здания, с означением размера оных для практического употребления. По Высочайшему ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повелению Министерства Внутренних Дел от Департамента Государственного Хозяйства и Публичных Зданий изданное». Санкт-Петербург. 1824 год.*

3. *Православный храм. / отв. редактор Т.Ю. Пинталь. — М.; Тверь : АСТ Астрель, 2004. — С. 12.*

4. *ГАОО, ф. 173, оп. 9, ед. хр. 1533, с. 136, 1900 г.*

5. *Архитектор О.И. Бове работал с 1807 г. помощником М.Ф. Казакова и К. Росси в Москве и Твери.*

6. «Образцом» для Преображенской церкви могла служить церковь Вознесения на Гороховом поле в Москве, построенная М. Казаковым в 1790—1793 годах. Планировки этих церквей, если не считать различий в деталях, во многом совпадают. Упомянутая выше схема — колокольня, трапезная, храм, сходное соотношение объемов плана и другие аналогии — показывают их очевидное сходство. Преображенская церковь Уфалей выглядит несколько упрощенным повторением Вознесенской (отсутствует колоннада вокруг первого яруса ротонды — вместо нее пилястры).

7. *РГИА, ф. 37, оп. 63, 1826 г., д. 51, л. 10, 15.*

8. *РГИА, ф. 1263, оп. 1, 1826 г., д. 963, л. 471.*

9. *РГИА, ф. 797, оп. 3, 1824—1839 гг., д. 11 869, л. 31.*

10. *Райский, П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу / П.Д. Райский. — Оренбург : Оренбургское кн. изд-во, 2000. — С. 17.*

11. *Семёнов, В.Г. Губернаторы Оренбургского края / В.Г. Семёнов, В.П. Семенова. — Оренбург : Оренбургское кн. изд-во, 1999. — С. 120.*

Поступила в редакцию 18 августа 2008 г.

Колобаева Татьяна Валерьевна, родилась 16.02.1973 г. Окончила Южно-Уральский государственный университет. Область научных интересов: история архитектуры и градостроительства Южного Урала, теория архитектуры и градостроительства, реставрация и сохранение памятников архитектуры, архитектура культовых зданий Южного Урала в XVIII — начале XX вв. Аспирант кафедры «Искусствоведения и культурологии» ЮУрГУ. E-mail: blv@susu.ac.ru

Kolobaeva Tatiana Valerievna was born in February 16, 1973. She graduated from South Ural State University. Professional interests: history of architecture and town planning in the South Ural, theory of architecture and town planning, restoration and preservation of the architecture monuments, religious architecture in the South Ural in XVIII and at the beginning of the XX centuries. Post-Graduate Student of the Art History and Culturology Department of the SUSU. E-mail: blv@susu.ac.ru

АВТОРСТВО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАСТЕРА-РАСПЕВЩИКА СТРОГАНОВСКОЙ ШКОЛЫ ИВАНА (ИСАИИ) ЛУКОШКОВА (ум. ок. 1621 г.)*

Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева

AUTHORSHIP IN WORKS OF STROGANOV SCHOOL MASTER- RASPEVSCHIK (CHANTER) IVAN (ISAYA) LUKOSHKOV (DIED IN APPROXIMATELY IN 1621)

N.P. Parfentiev, N.V. Parfentieva

Исследование общих принципов художественного творчества в древнерусском каноническом искусстве, а также приемов их индивидуального авторского преломления мастерами различных региональных школ является одной из фундаментальных проблем искусствознания. В статье на основе анализа авторских музыкальных произведений распевщика Строгановской (Усольской) школы Ивана Лукошкова показаны его основные творческие принципы. Большинство из выявленных песнопений мастера — плод творческой работы в русле традиций его школы, уходящих корнями в глубинные пласты певческой культуры Древней Руси. Вместе с тем распевщик создавал и оригинальные произведения. Дошедшее до нас музыкальное наследие Лукошкова выдвигает его в ряд самых выдающихся мастеров русского средневекового искусства.

Ключевые слова: древнерусское музыкально-письменное искусство; авторство выдающихся мастеров; теория творчества; анализ произведений.

Research of the general principles of art creativity in ancient-Russian canonical art and also ways of their individual author's interpretation by masters of various regional schools is one of the fundamental problems of art criticism. On the basis of analysis of chants by Ivan Lukoshkov, the chanter of Stroganov (Usolskaya) school the article shows his basic creative principles. The majority of revealed chants of the master is the result of creative work in traditional for his school way which originated from deep history of chant culture of early Rus. At the same time Lukoshkov created original chants. His musical heritage puts him forward to the row of the most outstanding masters of Russian medieval art.

Keywords: early Russian musical-written art; authorship of outstanding masters; theory of creativity; the analysis of chants.

Известно, что во владениях богатейших людей России XVI—XVII вв. купцов и промышленников Строгановых сложились все предпосылки для развития высокохудожественного творчества и содержания высокопрофессиональных мастеров. Становление здесь церковно-певческого искусства было связано с именем мастера Стефана Гольша, ученика знаменитого новгородца Саввы Рогова. Стефан основал в родовом гнезде Строгановых Усолье Вычегодском (Сольвычегодске), ставшем столицей их урало-поморских владений, школу «Усольского мастеропения». Она возникла при домовом каменном Благовещенском соборе (его строительство завершилось в 1584 г.), который был гордостью Строгановых. Самым выдающимся мастером Усольской (Строгановской) школы являлся ученик Стефана Гольша Иван Трофимов сын (в иночестве Исая) Лукошков, который, согласно древним письменным источникам, «вельми много знаменного пения распространил и наполнил». Жизнь и деятельность Ивана Лукошкова после принятия им монашеского пострига и оставления строгановского Усолья проходили в разных городах. Настоятелем крупных монастырей он заботился о процветании своих обителей, призывался к ре-

щенском соборе (его строительство завершилось в 1584 г.), который был гордостью Строгановых. Самым выдающимся мастером Усольской (Строгановской) школы являлся ученик Стефана Гольша Иван Трофимов сын (в иночестве Исая) Лукошков, который, согласно древним письменным источникам, «вельми много знаменного пения распространил и наполнил». Жизнь и деятельность Ивана Лукошкова после принятия им монашеского пострига и оставления строгановского Усолья проходили в разных городах. Настоятелем крупных монастырей он заботился о процветании своих обителей, призывался к ре-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 07-06-96010

шению важнейших государственных и церковных дел России¹.

Вероятно, в тот период ему уже не приходилось заниматься музыкальным творчеством столь активно, как в Усолье Вычегодском «у Строгановых». Интересно, что в XVII в. авторы трактатов по певческому искусству считали Лукошкова мастером пения времени Ивана Грозного, причем именовали его «усолец Исая»². Действительно, в творчестве, в своих распевках к древним песнопениям («переводах»), он оставался прежде всего усольцем.

К настоящему времени выявлены в распевках И. Лукошкова: тропарь «Да молчит всяка плоть», прокимен «Да ся исправит» и другие песнопения певческой книги «Обиход», а также стихирарные славники «Волсви персидстии» (Рождеству Христову), «Благовествует Гавриил» (Благовещению), «Царю небесный» (Троице), «Приидете верении» (Крестовоздвижению), «О колико блага» (в неделю о Мытаре и Фарисее). Вершиной мастерства усольского распевщика стал цикл «Ипакою воскресные на 8 гласов». Некоторые произведения уже привлекали внимание исследователей³.

Прокимен «Да ся исправит» «перевода» И. Лукошкова обнаружен в рукописи середины XVII в. в подборке с двумя другими певческими вариантами данного песнопения: первый распев не имеет обозначения, второй помечен «Иного переводу Лукошкова», третий — «Иного знамени»⁴.

Изучение нами 120 списков прокимна «Да ся исправит» позволяет сделать заключение, что наиболее ранние его нотированные тексты появились на рубеже XV—XVI столетий⁵. В это время возникло большое количество песнопений в связи со становлением певческой книги «Обиход». Прокимен относится к специфически обиходным произведениям, отличающимся отсутствием гласовой принадлежности, непопевочной структурой. Он исполнялся в Литургии Преждеосвященных даров, которая совершалась в недели Великого поста. Четырехстрочный текст прокимна привлекает красотой ритмизованной речи, исполненной высокого духовного смысла.

Да ся исправит молитва моя,
Яко и кадило пред(о) тобою.
Воздеяние руку мою,
Жертва вечерняя.

Уже самые ранние нотированные образцы песнопения рубежа XV—XVI вв. отражают распевы, одинаково состоящие из четырех строк. В первой из них каждому слогу соответствует, как правило, один знак, что показывает на отсутствие длительных внутрислоговых мелодичес-

ких оборотов, т. е. на силлабическое соотношение музыкального и словесного текстов⁶. В остальных строках отмечается следующая структура. Основное смысловое содержание текста передано в начальных силлабически оформленных участках, которые завершаются сложнейшими «тайнозамкненными» начертаниями фит⁷. Этими формулами распеты последние слова строк. В справочных руководствах знаменного (столпового) пения данные фиты не встречаются, что свидетельствует о их внегласовости, о принадлежности не знаменной системе. В списках раннего периода обращает на себя внимание большое количество различий в начертаниях фитных оборотов. Имеются разночтения и в силлабических фрагментах строк, но в целом они более устойчивы. Как видим, уже на начальном этапе не существовало единой записи, а значит, и единого распева прокимна.

Спустя почти столетие, в последней четверти XVI в., появляются списки произведения, в которых фитные формулы даются в разводах, достигающих на письме от 16 до 40 знаков. Именно на разводы приходится наибольшее число разночтений. В записях сохраняется четырехстрочная структура песнопения, близки их силлабические участки. По сути, разводные списки — это объяснение, толкование ранних «тайнозамкненных» способов крюкового письма. Таким образом, на рубеже XVI—XVII вв. единой унифицированной записи прокимна не сложилось, но все же, по-видимому, существовал некий ориентир, позволяющий сохранять основные очертания структуры, а также мелодики песнопения при варьировании ее в мелких деталях. В дальнейшем, на протяжении XVII в., это варьирование как вид творчества наблюдается во всех обнаруженных списках произведения, определяемого нами как Большой силлабо-мелизматический распев.

Певческая интерпретация И. Лукошковым прокимна «Да ся исправит» находится в едином русле музыкальной эволюции песнопения Большого силлабо-мелизматического распева, подчиняется его структурным закономерностям, сложившимся на самом раннем этапе. В своем творчестве усольский мастер не вышел за рамки предопределенности, заданной фитными образованиями, внегласовостью, непопевочностью, четырехстрочным строением. Для изучения особенностей «перевода» И. Лукошкова важнейшее значение имеют списки прокимна из книг строгановского скриптория, а также оба варианта, приведенные в подборке с распевом мастера. Расшифровке произведений, переводу на современную нотацию, помогают пометные рукописи второй половины XVII в.

Разводные списки конца XVI — первой половины XVII столетия либо повторяют музы-

дах)? Выдвинем следующую гипотезу: разводной распев прокимна из певческих книг строгановской мастерской середины 80-х гг. XVI в. мог быть первоначально записан дидаскалом Стефаном Гольшом. И. Лукошков, признавая высокий авторитет учителя в распевании фит, оставил их в неприкосновенности. В силлабических же участках он мог изложить собственную творческую манеру исполнения. Таким образом, сопоставление распевов прокимна позволяет определить, что «перевод» И. Лукошкова наиболее близок варианту из ранних строгановских рукописей (изменения коснулись до 18% знамен), и оба эти произведения принадлежат единой традиции.

Неразрывная связь творчества выдающегося распевщика с певческими традициями Усожья отчетливо видна также на примере тропаря «Да молчит всяка плоть», имевшего варианты распевов, обозначенные в рукописях как «Перевод усольской, розвод инока Исаяя» и «Усольское знамя»⁹.

Тропарь «Да молчит всяка плоть».
«Перевод Усольской, розвод инока Исаяя»
(РНБ. Ф. 304. № 429. Л. 195)

Однако стремление И. Лукошкова воплотить замыслы по мелодическому обогащению распевов к песнопениям заставляло его следовать не только традициям мастеров своей школы.

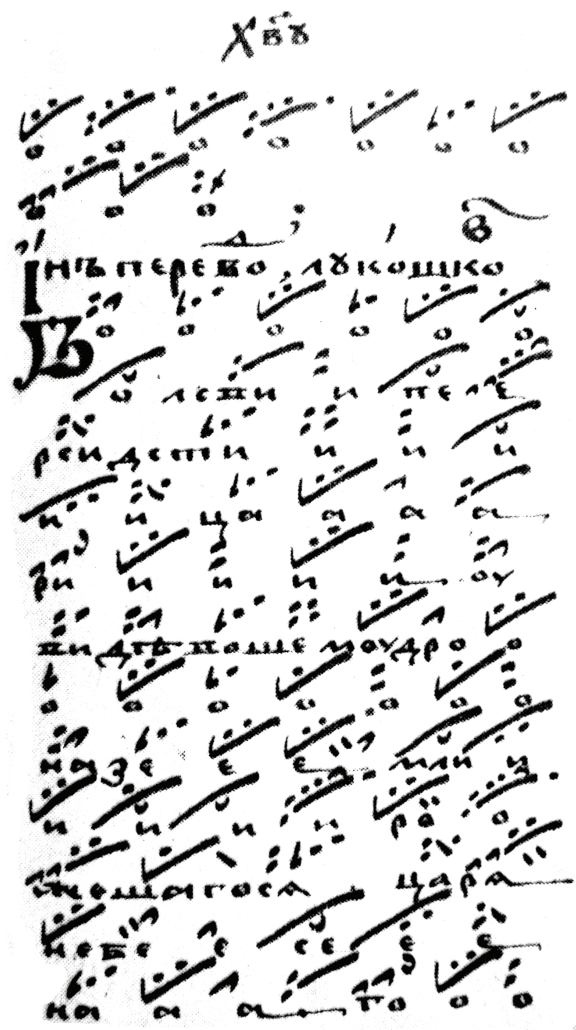
Ярким примером синтеза в творчестве распевщика местной и новгородской традиций является «перевод» И. Лукошкова стихирь «Волсви персидстии». В силу многораспевности произведения, являющейся одной из характерных черт древнерусской музыки, изучение стихирь проводится нами на основе возможно большего числа рукописей. Всего проанализировано более 150 списков песнопения XII—XVII вв.

Стихиря «Волсви персидстии» представляет собой славник 5-го гласа, исполнявшийся на литии в Рождество Христово. Песнопение написано на евангельский сюжет о волхвах «персидстии», которые, «от светлыя звезды водимы», достигли Вифлеема, где родился Иисус. Волхвы принесли Младенцу дары — «злато, и ливано, и смирну», а также, «падше, поклонишася» ему.

Первые нотированные образцы стихирь «Волсви персидстии» обнаруживаются в рукописях XII в. Можно назвать не менее десяти списков XII—XV столетий, отражающих единый древний распев славника силлабического типа с ясно выраженной попевочной структурой знаменного пения. Записи этого периода отличаются высокой степенью идентичности¹⁰. В конце XV в. тип древнего краткого знаменного распева стихирь исчезает из рукописей, очевидно, выходит из употребления¹¹. Его сменяет другой, чрезвычайно сложный вид записи с почти полным изменением состава знамен¹². Простые начертания крюков, столиц, палок, стрел и чашек, передающих речитативное движение мелодии, уступают место сложнейшим «змийцевым» комплексам. Силлабическое соотношение текста и напева преобразуется в распевное, мелизматическое. И все же появление «нового» мелодического варианта славника не было полным отрицанием древней традиции: сохранились, например, четыре кулизмы над одними и теми же словами (*царие, небеснаго, предоставише, честныя*). Помимо лицевых комплексов включена и фитная формула. Запись данной музыкальной версии славника, таким образом, предстает в виде цепи тайнозамкнутых начертаний.

Сказать что-либо определенное об интонационном облике произведения по «тайнозамкнутым» формулам не представляется возможным. Трудно ответить и на вопрос, единый ли тип распева был записан подобным образом, или в списках представлены разные музыкальные версии. Скорее всего, в каждом из крупных певческих центров на протяжении XVI столетия складывались свои особенности в толковании (разводе) сложнейших невменных начертаний. Этим мож-

но объяснить появление в первой половине XVII в. различных разводных списков стихир, отражающих соответственно и разные распевы. Среди них выделяются четыре — Лукошков, новгородский, безымянный и путевой¹³. Единообразные для этих вариантов фрагменты совпадают с уже указанными общими фрагментами в записях предшествующего времени. Родство всех распевов состоит и в том, что общие участки в ранних списках представляют собой начертания, а в названных более поздних — разводы одних и тех же формул.

*Стихира «Волви персидстии».
«Перевод Лукошков» (БРАН. Целети № 20. Л. 65)*

Четыре музыкальные версии стихир «Волви персидстии», среди которых находится и «перевод» Лукошков, не были вполне самостоятельными композициями. Они развивались в рамках одной структуры, сложившейся в XVI столетии. В XVII в. запись распевов потеряла «тайнозамкнутость» и приобрела иное изложение — в разводе «дробным столповым знаменем». Этот вывод важен для дальнейшего хода рассуждений о творчестве И. Лукошкова.

Исследование певческих книг строгановского скриптория показало, что в них стихира «Волви персидстии» бытовала не менее чем в шести распевках: кратком знаменном¹⁴, путевом (столповым знаменем) и безымянном лицевом (но неразводном)¹⁵, большом знаменном¹⁶, путевом (в изложении путевой нотацией)¹⁷ и в особом «тайнозамкнутном» усольском¹⁸. Столь обширная подборка вариантов стихир указывает на внимание мастеров Усолья и их покровителей — промышленников Строгановых — к новейшим достижениям певческого искусства, говорит о знании ими профессиональных тонкостей богослужбного пения.

Особый интерес вызывает распев стихир, названный последним. Его уникальность объясняется тем, что он бытовал только в Усолье и являлся плодом творчества местных распевщиков. Именно данная усольская версия произведения легла в основу для создания И. Лукошковым собственного варианта распева. Сравнение обоих распевов показывает, что они принадлежат одной традиции, но первое произведение состоит из «тайнозамкнутых» формул, второе же представляет собой его разводной вариант. В пятнадцати случаях начертания совпадают с разводами.

Наибольший интерес вызывают те формулы, которые в «переводе» И. Лукошкова преобразованы полностью. Эти различия в обоих распевках и дают возможность судить, в чем заключалось творчество выдающегося мастера. Однако среди различающихся формул лишь три относятся к творчеству И. Лукошкова. Остальные четыре оказались идентичными формулам новгородского распева. Следовательно, различие усольского и Лукошкова распевов проявилось в трех формулах и определяется на уровне мелодикоритмического изменения, которое можно назвать мелодической вариантностью внутреннего порядка. Таким образом, при создании собственной музыкальной версии стихир «Волви персидстии» И. Лукошков опирался на уже существовавшую в Усолье неразводную модель произведения. Главной творческой задачей мастера было изложить распев в новом виде — в разводе «дробным знаменем». Лукошков, обладая глубокими познаниями в области теории древнерусской музыки и уникальной памятью, блестяще справился с данной задачей. При этом он придерживался традиций своей школы и школы своего учителя Стефана Гольши — Новгородской.

Наличие в одной рукописи Лукошкова и новгородского распевов дает уникальную возможность выявить, насколько традиции Новгорода Великого в пении стихир «Волви персидстии» оказали влияние на мастера И. Лукошкова при создании им авторской версии того же произведения. Оба распева имеют единые формульную

структуру и построчное членение, а также восемь одинаково разведенных формул (слова: *царие, увидевоше, мудро, небеснаго, от светлыя, звезда, предоставоше, во Вифлеомо, честенныя*). В то же время кардинальные различия в пяти и высокая степень вариантности внутреннего порядка в двух формулах указывают на самобытность, своеобразиие каждого из распевов¹⁹. В целом же Лукошков «перевод» по продолжительности превосходит новгородский. Использование в ряде случаев различных формул на одних и тех же участках словесного текста в условиях канонического искусства для мастеров пения было явлением весьма необычным. Наличие в рассмотренных произведениях из 22 формул пяти кардинально различающихся и девяти соотносящихся на уровне внутренней вариантности позволило русским музыкантам начала XVII в. определить распевы либо как Лукошков, либо как новгородский.

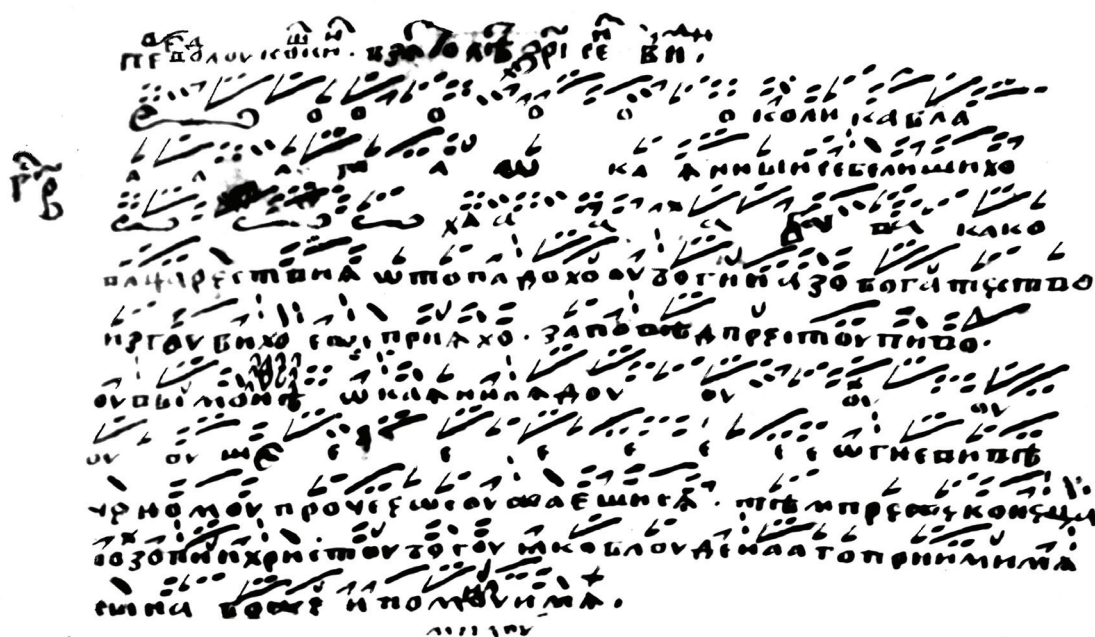
Итак, вкладом И. Лукошкова в многовековую эволюцию певческого произведения — стихиры «Волеви персидстии» — следует считать раскрытие на основе местных традиций музыкального значения не разведенных формул, изложение «дробным» столповым знаменем уже сложившейся в Усолье композиции Большого распева с многочисленными «тайнозамкненными» оборотами. О том, что выдающийся представитель «Усольского мастеропения» не являлся автором этой композиции, можно судить по преобразованию в его «перевод» семи формул, из которых три, вероятнее всего, выполнены им самим, а четыре позаимствованы из распева новгородской традиции. С последней он, видимо, был хорошо знаком, будучи учеником дидакакала, про-

исходившего из Новгорода Великого. В каноническом искусстве примененные И. Лукошковым приемы творчества дали основание мастерам «певческого дела» полностью связывать «перевод Лукошков» с его именем. К сожалению, этот распев не удалось пока обнаружить в пометных списках XVII в., что затрудняет его расшифровку.

Примером творческого поиска И. Лукошкова при создании собственной версии на основе уже бытовавшей «общерусской» традиции можно назвать распев славника «О колико блага». Песнопение дошло до нас на отдельном листе, хранившемся некогда в библиотеке государевых певчих дьяков. Текст славника, записанный одним из певцов, предваряется пометой: «Перевод Лукошкин, взято лета 7110 [1601] сентября в 8 день»²⁰.

Славник «О колико блага» завершал цикл стихир на «Господи возвах», исполнявшихся в «неделю о Блудном сыне», поэтому поэтический текст этого песнопения, как и всего цикла, литературно связан с соответствующей евангельской притчей. Как песнопение подготовительных дней к Великому посту славник входит в состав Стихиаря триодного (постного). Изучение произведения велось по 100 спискам XII—XVII вв. разных рукописных собраний. Обычно в рукописях славник зафиксирован столповым знаменем.

Самая ранняя из выявленных нотированных записей песнопения относится к XII в. Она состоит из 15 комплексов знамен, каждый из которых включает начертание фиты (в трех) или попевок (в остальных). В целом произведение XII столетия можно охарактеризовать как силлабо-мелизматическую знаменную композицию²¹. Запись песнопения в XIV — первой по-

Славник «О колико блага». «Перевод Лукошкин». Запись 1601 г. (РГАДА. Ф.188. №1589. Л.1)

ловине XV в. во многом повторяет древнейшую, при этом иногда в кадансирующих попевах заметны графические изменения. В нескольких случаях различия в начертании знамен коснулись обозначений звуковысотности, отраженной в самих знаках²². В остальном списки XII — первой половины XV в. чрезвычайно близки, что говорит о незначительном интонационном видоизменении распева славника на протяжении столетий.

Во второй половине XV столетия на основе указанной записи (архетипа) возникло производное песнопение, являющееся как бы связующим звеном между древним и авторским (Лукошковым) распевами²³. Оно широко бытовало в разных регионах страны на протяжении всего XVI в.²⁴ Сравнение данного произведения с древнейшим обнаруживает черты сходства и различия.

Главное же отличие авторского распева от более ранних вариантов в том, что в «переводе» И. Лукошкова разведены почти все «тайнозамкненные» формулы. Усольский мастер воспринял традицию распева славника не из древнейшей записи, а из производной от нее.

В записях песнопения на протяжении последней четверти XV—XVI в. наряду со стабильным материалом, приходящимся на силлабически распетые попелочные строки, существовал ряд постоянно графически изменяющихся «тайнозамкненных» начертаний. Поскольку период до начала XVII в. был «безразводным» и распевщики подобные формулы должны были раскрывать самостоятельно, можно предположить, что именно в этих участках распева, наполненных освобожденным от строгой текстовой зависимости длительным мелодическим движением, и вызревали предпосылки для творчества древнерусских мастеров пения. Каждый из них распевал подобные формулы в русле традиций, выработанных в том творческом окружении, к которому принадлежал. Существуют письменные доказательства того, что в условиях средневекового канонического искусства одним из направлений в творческой деятельности русских распевщиков оказалось создание собственных разводов к начертаниям, певческое значение которых раскрывалось «дробным» знаменем²⁵. Возникшие различия в этих разводах могли быть результатом целенаправленной творческой работы местных мастеров или следствием таких причин, как несовершенство беспометной нотации, «тайнозамкненность» начертаний, отдаленность музыкальных центров. Важно, что эти различия в XVII в. сознательно определялись музыкантами-теоретиками как авторские.

Напомним, что запись славника «О колико блага» в распеве Лукошкова датируется 1601 г. Более ранних разводных списков не обнаружено.

Вероятно, Лукошков одним из первых распел в славнике «тайнозамкненные» формулы, и в рукописях первой половины XVII столетия произведение фиксировалось главным образом с этими разводами²⁶. Интересно, что разночтения присутствуют только в мелизматически распетых строках (с «тайнозамкненными» формулами). Более стабильными, каноничными, являются попелочные строки с преобладанием силлабики. Следовательно, авторство И. Лукошкова проявилось в его собственном музыкальном толковании фитных и лицевых начертаний. Разводы усольского мастера сохранялись и в пометных списках произведения второй половины XVII в.²⁷

Изучение взаимодействия словесного и музыкального текстов, позволившее определить четырнадцатистрочную композицию, показало, что это взаимодействие в основном построено на принципе соответствия речевых и мелодических структурных единиц. Логика развития распева подчеркивает структуру гимнографического текста, не нарушая его формы и смысла. Напев существенно влияет на строчную организацию песнопения. Поэтическое содержание славника «О колико блага» находит отражение в интонационном строе распева путем рифмования единообразными кадансами окончаний каждой законченной мысли, что органически соединяет фразы единой тоникальностью и свидетельствует о высокой степени музыкального обобщения образно-смысловых единиц речи, о глубинных процессах взаимодействия текста и напева. Музыкальный язык песнопения характеризуется чередованием силлабически и мелизматически распетых строк, которые различаются не только по степени распетости мелодизма, но и по диапазону звучания, по функциональной значимости в раскрытии образно-смыслового содержания текста. Мелизматически распетые строки, в которых напев превалирует над текстом, поясняя и раскрывая его посредством музыкального языка, выполняют ключевые конструктивную, образно-смысловую и отчасти декоративную функции. Активность напева создает в этом случае эмоционально окрашенный «подтекст». В силлабических строках смысл текста не растворяется в напеве, а взаимодействует с ним. Эти строки являются ведущими в передаче декламационно-информативного содержания славника. Своим каноническим музыкальным языком, попелочной структурой, они оттеняют яркие, полные мелодической динамики эмоциональные вершины песнопения, приходящиеся на строки с длительными внутрислоговыми распевами.

Славник «О колико блага» в переводе И. Лукошкова представляет собой вершину в эволюционном развитии древнейшего варианта песнопения. Мастерство усольского распевщика про-

явилось в умении раскрыть певческое значение сложных «тайнозамкненных» формул знаменного пения с привнесением черт неповторимого авторского участия в формировании разводов этих формул. Лукошков также мелодически обогатил, освежил отдельные фрагменты песнопения. Не случайно современники отмечали, что он был мастером, который «вельми знаменного пения распространил и наполнил». В его произведении активно взаимодействуют, взаимодополняют и взаимообуславливают друг друга текст и напев, силлабика и мелизматика, ярко претворены черты традиции и новаторства.

Написание к песнопениям распевов на основе уже сложившихся традиций (усольской, новгородской, «общерусской») выдвинуло Ивана (Исайю) Лукошкова в ряд выдающихся распевщиков России. Однако для творчества мастера характерно и создание оригинальных авторских композиций.

Стихира «Царю небесный». «Распев Лукошков»
(БРАН. Осн. 32.16.18. Л.205 об.)

Стихира «Царю небесный утешителю» исполнялась на 6-й глас в праздник Пресвятой Троицы как славник в группе стихир «на стиховне» (Великая вечерня) и как «стихира по 50-м псалме» (Лития). Древнейшие записи произведения датируются XII и XIII вв.²⁸ Они почти идентичны, отражают распев знаменной попевочно-фитной структуры: количество попевок в нем равно семи, количество фит — двум. Списки последующих XV—XVI столетий можно охарактеризовать как редакции этого древнего распева. В них сохранилось общее число знаков, а также силла-

бо-мелизматическое соотношение текста и напева. Изменениям подверглись отдельные знаки, при этом получили оформление две новые попевки (на словах везде сый и благое). Таким образом, количество формул в песнопении возросло от 9 до 11. Наибольшее число изменений было привнесено в распев во второй половине — конце XV в. Сложившийся к началу XVI столетия тип распева (его списки различаются на уровне знаковой вариантности) имел очень широкое распространение²⁹. Во всех известных нам записях стихиры «Царю небесный» из певческих сборников строгановской мастерской зафиксирован именно этот типовой вариант. Сами записи не обладают какими-либо специфическими особенностями³⁰.

Запись стихиры с обозначением «ропсев Лукошков» («по 50 псалме, глас б») была отмечена известным русским археографом В.И. Срезневским при составлении им описания одной из рукописей первой четверти XVII в.³¹ Нами обнаружено пять подобных списков без указания на авторство, самый ранний из которых датируется началом XVII в., поздний — второй половиной того же столетия³². При сопоставлении распева Лукошкова с типовым распевом из строгановских рукописей, уходящим корнями в глубокую древность, выявилось, что они различаются по количеству строк. В основе построчного деления песнопения лежат попевочные и фитные формулы, которые и составляют строки, причем в произведении Лукошкова строка может включать до трех формул. Общее число формул в анонимном распеве соответствует числу строк — 11; в Лукошковом же варианте 12 строк содержат 21 формулу. Произведение усольского мастера имеет лицевые обороты, отсутствующие ранее. И. Лукошковым чаще формулами распеты отдельные слова, иногда на одно слово приходится две или даже три формулы.

Итак, знаменитый усольский распевщик отказался от следования канонической традиции. В его произведении полностью изменен знаковый состав. Силлабо-мелизматический тип соотношения текста и распева уступил место мелизматическому, в котором преобладают внутрислоговые фитные и лицевые разводы. Мастера уже не удовлетворяло сдержанное звучание архаического распева. В новом красочном «узорочье» мелодии он отразил чувства, переполнявшие душу: праздник Троицы, которому посвящено песнопение, — один из самых светлых и одухотворенных. В гимнографическом тексте стихиры передано возвышенное состояние предчувствия свершения Великого таинства — Сошествия Святого Духа: «Приди, и воселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, душа наша» — таким молитвенным обращени-

ем к Царю небесному заканчиваем произведение. Важно отметить, что И. Лукошков одним из первых, если не первым, среди русских распевщиков решился на создание оригинальной музыкальной композиции на текст данного песнопения. В каноническом искусстве это мог позволить себе только высокоталантливый и авторитетный музыкант.

В XVII в. появились и другие, но анонимные распевы стихирь. Иногда они приводятся в рукописях вместе с распевом усольского мастера³³. Из всех обнаруженных нами произведений шесть (включая Лукошкова) относятся к Большому распеву³⁴, одно — к Путевому, изложенному путевой нотацией³⁵. Продолжал бытовать и «старый» знаменный вариант³⁶, на основе которого был создан также новый Большой распев стихирь, преобразованный, но в то же время сохранивший общие фрагменты с предшествующим³⁷. Все перечисленные произведения в корне отличаются от распева И. Лукошкова. Все они, за исключением «старого» силлабо-мелизматического варианта, уходящего корнями в XII в., — новые самостоятельные композиции. Для сравнения с произведением И. Лукошкова ограничимся лишь тем из них, которое было создано в одно время с распевом мастера. Распевы, возникшие позднее, во второй половине столетия, интересны для нас лишь в той степени, в какой они восприняли традицию, идущую от усольского распевщика.

Произведение И. Лукошкова и сравниваемый с ним безымянный распев³⁸ — совершенно самостоятельные, оригинальные композиции, не имеющие аналогов в прошлом. Единственный общий для них фрагмент — лицевой развод, подходящий на последнее слово «наша», — является, скорее всего, данью типичным завершениям песнопений одного гласа. Лукошков распев значительно превосходит безымянный по продолжительности звучания: он состоит из 21 формулы (546 звуков), безымянный — из 17 формул (414 звуков). Различно в Лукошковом и анонимном произведениях и само построение строк, основанное на соотношении текста и напева. Усольский распевщик (в отличие от безымянного, у которого смысловое содержание гимнографии чаще всего растворяется в музыкальном) передает смысл поэтического текста, его эмоциональные вершины чисто музыкальными средствами. Из них важнейшими являются: рифмование ряда строк единичными типизированными концовками, а также смена в строках конечных ладовых опор; изменение направления мелодического движения в переломных моментах по типу отраженной волны; включение необычайно протяжных фитных распевов в кульминационные фрагменты. Все средства музыкальной

выразительности служат объединению словесного ряда в единое художественное целое. Всё направлено на непрерывное развертывание музыкальной мысли. Вместе с тем мастер, создавая оригинальный распев, не вышел из круга интонаций и композиционных приемов, присущих его эпохе. Свободное творчество проявилось не в поисках нового музыкального языка, а в совершенном владении техническими тонкостями написания Большого знаменного распева. Лукошков предстает и как непревзойденный знаток фитного пения. Его мастерство и новаторство проявляется прежде всего в собственном прочтении сложнейших фитных формул. Искусно сплетая попелочные, лицевые и фитные обороты в единую масштабную форму, усольский мастер придал каноническому тексту новое звучание и необычайную распевность³⁹.

Как видим, большинство из выявленных песнопений И. Лукошкова — плод его творческой работы в русле «Усольского мастеропения», уходящего корнями в глубинные пласты певческой культуры древней Руси. Вместе с тем распевщик создавал и оригинальные произведения. Дошедшее до нас музыкальное наследие И. Лукошкова выдвигает его в ряд самых выдающихся мастеров русского средневекового искусства.

Примечания

1. Подробнее см.: Парфентьев, Н.П. Усольский распевщик Иван Трофимов сын Лукошков и его произведения // Парфентьев Н.П. Выдающиеся русские музыканты XVI—XVII столетий: избр. науч. ст. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. — С. 67—125.

2. Например, см.: «Сказание о зарембах» (ГИМ. Синод. певч. № 219. Л. 376 об.).

3. Далее мы представляем основные выводы о творческих принципах мастера. Подробнее историографию, исследование произведений И. Лукошкова и их список см.: Парфентьев, Н.П. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI—XVII вв. / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева. — Челябинск, 1993. — С. 71—120, 270—271.

4. РНБ. Соф. № 480. Л. 208—208 об. Список введен в научный оборот С.В. Фроловым.

5. РГБ. Ф. 304. № 413. Л. 242 об. (конец XV в.); РНБ. Сол. № 277/283. Л. 165; № 277/289. Л. 230; № 276/277. Л. 183 об. (рубеж XV—XVI вв.).

6. Например, в рукописи конца XV в.: РГБ. Ф. 304. № 413. Л. 242 об.

7. Напомним, что фиты и лица — пространственные мелодические обороты, выраженные на письме несколькими знаками нотации. Первые отличались от вторых наличием в формулах буквы «фита» (и). Подлинное певческое значение формул раскрывалось в разводах.

8. Списки «строгановской» версии: РГБ. Ф. 272. № 318. Л. 363 (1584—1598 гг.); РНБ. К.Б. № 605/862. Л. 188 об. (начало XVII в.). Версии, отличающиеся от «строгановской»: РГБ. Ф. 37. № 100. л. 153 об. (1594 г.); ГИМ. Синод. № 819. Л. 32 (рубеж XVI—XVII вв.).

9. Подробнее см.: Парфентьев, Н.П., Парфентьева, Н.В. Усольская (Строгановская) школа... — С. 123—132.

10. Рукописи XII в.: ГИМ. Синод. № 572. Л. 71; № 589. Л. 87 об.; БРАН. 34.7.6. Л. 89 об.—90; РНБ. Соф. № 384. Л. 17; XIII—XIV вв.: РГБ. Ф. 218. № 740. Л. 86 об.; Ф. 113. № 3. Л. 106; Ф. 256. № 420; XV в.: РГБ. Ф. 304. № 440. Л. 56; № 407. Л. 136 об.—137; РГАДА. Ф. 181. № 711. Л. 85—85 об.

11. Краткий знаменный распев славника появляется и позже, в последней четверти XVI в., но уже с полной заменой знакового состава. Он получил распространение на протяжении XVII в. Напр.: ГИМ. Синод. певч. № 1334. Л. 290—291; РГАДА. Ф. 181. № 790. Л. 75.

12. Нам известно более 30 списков этого распева, относящихся к последней четверти XV — началу XVII в.: РГБ. Ф. 304. № 409. Л. 82 об.—83; № 410. Л. 166—166 об.; № 411. Л. 67 об.—68; РНБ. К.Б. № 668/925. Л. 431—431 об.; № 616/873. Л. 86; и др.

13. В XVII в. бытовали и другие распевы. Но они не имели аналогов в прошлом и кардинально различались между собой и с четырьмя названными. Укажем списки отмеченных четырех распевов: Лукошкова — РГБ. Ф. 299. № 154. Л. 554—555; Ф. 228. № 36. Л. 382 об.—383 об.; ГИМ. Синод. певч. № 99. Л. 484 об.—485; ГПБ. Q.1.422. Л. 375 об.—376; Карельский респ. архив. № 38. Л. 309—309 об.; новгородского — БРАН. Тек. № 280. Л. 334 об.—335; ГИМ. Синод. певч. № 99. Л. 485—486; РНБ. Сол. № 690/751. Л. 191—191 об.; безьянного — РГБ. Ф. 304. № 448. Л. 288—289; Карельский респ. архив. № 38. Л. 309 об.—310 об.; путевого (столповая нотация с киноварным «Э») — БРАН. Стрэг. № 44. Л. 340 об.—341; РГБ. Ф. 37. № 97. Л. 75 об.—76 об.; РНБ. Сол. № 690/751. Л. 110—111 об. Пометных списков второй половины XVII в., аналогичных перечисленным, обнаружить пока не удалось, что делает невозможной расшифровку произведений.

14. БРАН. Стрэг. № 44. Л. 344 об.; РНБ. Погод. № 380. Л. 531.

15. БРАН. Стрэг. № 44. Л. 340 об.—341, 308 об.—309.

16. РГБ. Ф. 288. № 36. Л. 381 об.—382 об.

17. РНБ. К.Б. № 618/875. Л. 72 об.—73.

18. РНБ. К.Б. № 586/843. Л. 419 об.

19. Например, в связи с тем, что в «перевод» И. Лукошкова два участка представляют собой фитные разводы, а в новгородском — лицевые, в первом произведении эти строки распевнее. Заметим также, что фита на слове *злато* не встречается ни в одном из списков XVI в. Очевидно, это — чисто усольская особенность.

20. РГАДА. Ф. 188. № 1589. Л. 1.

21. ГИМ. Успен. № 8. Л. 7.

22. Напр.: РНБ. Соф. № 96 (XIV в.). Л. 4 об. — в ремарке указано об исполнении «на стиховне»; РНБ. К.Б. № 637/894 (XV в.). Л. 62 об.—63 — в ремарке помечено: «Стихиры на Господи воззвах». В списках последующего времени сохранялось последнее указание.

23. РГБ. Ф. 304. № 410. Л. 2 63 об.

24. РГБ. Ф. 304. № 409. Л. 174—174 об.; № 411. Л. 162—162 об.; РНБ. К.Б. № 581/838. Л. 295—296; № 569/826. Л. 525—525 об.; № 668/925. Л. 174; Сол. № 277/289. Л. 226 об.—227; Титова. № 3636. Л. 181 об.—182; БРАН. Устюж. № 70. Л. 619; Тек. № 319. Л. 272 об.—273; Осн. 32.16.18. Л. 77 об.; и др.

25. Напр.: РГБ. Ф. 37. № 93. Л. 626 об., 628; Ф. 210. № 1. Л. 123 об.—124, 125. Эти рукописи первой половины XVII в. содержат справочник «Фиты разводные и строки изо Охтая и ис степенны издохматиков», включающий пять усольских разводов фит, два «монастырских». В сборнике РГАДА (Ф. 181. № 600. Л. 20—21, 23, 27 об., 90 об.) даны разводы «строк мудрых» И. Лукошкова, Ф. Крестьянина, а также «по Памвину». В рукописи уставника Кирилло-Белозерского монастыря Иоасафа (первая половина XVII в.) из РГБ (Ф. 304. № 449. Л. 344 об.) в разделе «Развод фитам знаменным, иже обретаются во всех осми гласех», приведен развод фиты распевника Логгина.

26. РНБ. К.Б. № 593/850. Л. 724 об.—725; РГБ. Ф. 304. № 429. Л. 472.

27. Большой интерес для изучения музыкальных особенностей распева И. Лукошкова представляет рукопись последней четверти XVII в., содержащая запись славника пометной крюковой нотацией с переложением на нотолинейную (РГАДА. Ф. 181. № 1574. Л. 6 об.—7 об.). Этот двоезнаменник дает уникальную возможность наиболее точной расшифровки произведения — перевода на современную нотацию. Несмотря на фонетическую редакцию текста (раздельноречие заменено новым истинноречием), перестановку некоторых слов, музыкальная основа песнопения не подверглась сколько-нибудь значительным изменениям и чрезвычайно близка распеву И. Лукошкова. Причем все внутрислоговые разводы в двоезнаменнике даны как в начертании, так и в изложении «дробным» знаменем и нотолинейным письмом.

28. ГИМ. Успен. № 8. Л. 212—212 об. (XII в.); РНБ. Соф. № 85. Л. 180 (XIII в.)

29. Мы располагаем 70-ю списками конца XV—XVII вв., включая пометные, отражающими данный силлабо-мелизматический распев.

30. РНБ. К.Б. № 586/843; Погод. № 380. Л. 420 об.; РГБ. Ф. 209. № 665. Л. 481. Лукошков распев в строгановских сборниках не выявлен.

31. БРАН. Осн. 32.16.18. Л. 205 об. См.: Срезневский, В.И. Сведения о рукописных и печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение Библиотеки имп. Академии наук в 1902 г. / В.И. Срезневский. — СПб., 1905. — С. 50.

32. РГБ. Ф. 178. № 766. Л. 360—360 об.; ГИМ. Синод. № 99. Л. 505—506 об.; РНБ. Соф. № 480. Л. 315—315 об.; О.1.404. Л. 387—388 об.; К.Б. № 638/895. Л. 83—83 об.

33. ГИМ. Синод. № 99. Л. 505—507. Следом за Лукошковым идет безьянный распев Большого знамени с обозначением «Ии» (иной распев).

34. Напр.: РГБ. Ф. 210. № 1. Л. 147; Ф. 379. № 19. Л. 339—339 об.; РНБ. К.Б. № 638/895. Л. 8—8 об.

35. РНБ. К.Б. № 617/874. Л. 188; Сол. № 690/751. Л. 70; РГБ. Ф. 304. № 436. Л. 182.

36. РГБ. Ф. 209. № 665. Л. 481 об.; РНБ. К.Б. № 630/887. Л. 135 об.; Титова. № 222. Л. 61 об.—62; ГИМ. Чудов. № 741. Л. 188 об.—189.

37. РНБ. Q.1.458. Л. 119 об.—120.

38. ГИМ. Синод. № 99. Л. 506 об.—507.

39. Подробнее см.: Парфентьев, Н.П., Парфентьева, Н.В. Усольская (Строгановская) школа... — С. 105—114.

Поступила в редакцию 18 августа 2008 г.

Парфентьев Николай Павлович, заведующий кафедрой искусствоведения и культурологии ЮУрГУ, доктор исторических наук, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Родился 8 октября 1950 г. В 1976 г. окончил исторический факультет Уральского государственного университета (г. Екатеринбург). Автор более 70 трудов, в том числе 6 монографий, в области истории духовной культуры России и древнерусского искусства.

Parfentiev Nikolai Pavlovich is the Head of the Art History and Cultural Studies of SUSU, PhD (History), Professor, honored worker of sciences of the Russian Federation. He was born on October 8, 1950, graduated from the Historical Faculty of Ural State University (city of Ekaterinburg). He is author of more than 70 works including 6 monographs in the area of history of the Russian spiritual culture and Old Russian Art.

Парфентьева Наталья Владимировна, родилась в 1955 г., декан исторического факультета ЮУрГУ, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации. В 1981 г. с отличием окончила Челябинский государственный институт (ныне — академия) искусства и культуры. Автор более 50 трудов, в том числе 3 монографий, в области истории и теории древнерусского искусства. E-mail: panv@susu.ac.ru.

Parfentieva Natalia Vladimirovna was born in 1955, is the Dean of the Historical Faculty of SUSU, PhD (Art History), Professor, honored worker of sciences of the Russian Federation. In 1981 she graduated with honors from Chelyabinsk State Institute (now Academy) of Arts and Humanities. She is author of more than 50 works, including 3 monographs in the field of the Old Russian Art. E-mail: panv@susu.ac.ru.

ОБРАЗНО-СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПЕВЧЕСКОГО ЦИКЛА «ТРОПАРИ ИОРДАНСКИЕ» МОСКОВСКОГО МАСТЕРА ФЕДОРА КРЕСТЬЯНИНА (ум. ок. 1607)*

Н.В. Парфентьева

DECODING OF HOOKED NOTATION (“KUKOVAYA”) RECORD AND ANALYSIS OF FIGURATIVE-SEMANTIC CONTENT OF THE CYCLE «TROPARIONS JORDANIAN» OF MOSCOW MASTER FEODOR KRESTIJANIN (DIED IN APPROXIMATELY IN 1607)

N.V. Parfentieva

Изучая историю развития в Древней Руси певческого цикла «Тропари иорданские», автор особое внимание уделяет распеву к данному циклу, созданному московским мастером Федором Крестьянином. Исследователь предпринимает расшифровку крюковой записи произведений, то есть осуществляет их перевод с древней крюковой (знаменной) нотации на современную, раскрывая при этом примененную методику перевода. При помощи ретроспективного метода анализируются рукописи второй половины XVII в., проводится поиск списков тропарей, близких по знаковому составу авторскому (Крестьянину). В данных списках имеются «киноварные пометы», позволяющие выявить звуковысотность и некоторые ритмические особенности знаков, которыми записаны распевы. Используются также и материалы древних справочных руководств. При сопоставлении всех полученных списков выявляются графические различия, перевод уточняется на уровне мельчайших авторских отклонений.

Ключевые слова: древнерусское музыкально-письменное искусство; авторство выдающихся мастеров; теория творчества; анализ произведений.

Studying the history of development of the chant cycle «Troparions Jordanian» in early Rus the author gives the special attention to the singsong («raspev») of the given cycle created by Moscow master Feodor Krestijanin. The researcher decodes the hooked («kukovaya») notation record that is translates from ancient hooked (“kukovaya” or “znamennaya”) notation record into modern one with description of the applied technique of translation. By means of the retrospective method the manuscripts of the second half of XVII century are analyzed, search for Troparions’s lists similar in neume structure to the troparions by Feodor Krestijanin is carried out. The given lists have the little red sighs («kinovarnye pomety») allowing to reveal the pitch of tones and some rhythmic features of neumes by which singsongs are written down. As well the materials of the ancient reference manuals are used. By comparison of all received lists the graphic distinctions are revealed, the translation is specified at the level of the smallest author’s deviations.

Keywords: early Russian musical-written art; authorship of outstanding masters; theory of creativity; the analysis of chants.

Изучение нами более 200 списков певческого цикла «Тропари иорданские» XII—XVII вв. позволило восстановить историю его развития. Особое внимание уделено исследованию авторских особенностей распева к данному циклу, созданного московским мастером Федором

Крестьянином¹. Однако ранее мы не рассматривали образно-смысловое содержание песнопений изучаемого цикла. Но прежде чем его раскрыть, необходимо было предпринять расшифровку древней крюковой записи произведений, то есть осуществить их перевод на современную, ното-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, №07-04-85405а/У

линейную, нотацию. Раскроем примененную нами в данном случае методику этого перевода.

Первым этапом стало выявление формульного строения песнопений с помощью формульно-текстологического метода исследования. Кратко напомним его суть². Записи цикла изучаются в хронологическом порядке, начиная с древнейшего периода. Затем выявляются тайнозамкнутые списки, начертания формул в которых соответствуют их разводам в авторских песнопениях. Благодаря выявленному соответствию данных начертаний и разводов определяется формульный состав тропарей. Только такое исследование, на наш взгляд, придаст расшифровке наиболее осмысленный и точный характер. Зная формульный состав песнопений, мы можем четко различать подводы, ядра и концовки (финалисы) формул, определять, где расположены одинаковые формулы, а значит выполнять их единообразную расшифровку. Благодаря знанию формульной структуры мы сможем наблюдать, в разводах каких формул (во множестве списков одного и того же песнопения) имеются различия, которые не выходят за рамки исходного мелодического рисунка, то есть соотносятся на уровне внутриформульной вариантности. Следовательно, перевод формул на современную нотацию нами будет осуществлен с учетом данного обстоятельства, в результате чего тонкие ритмоинтонационные различия будут определены как авторские особенности, отраженные на уровне этого типа вариантности. Таким образом, проведя первый этап исследования и восстановив формульную структуру песнопений, которые нам предстоит расшифровать, мы выполняем важнейшую часть аналитической работы и придаем своему варианту их расшифровки наиболее точный характер. Без проведения данной работы неизбежны значительные ошибки и несоответствия в переводе крюковых (невменных) текстов на нотолинейные, а значит — получение неверных выводов в ходе исследования музыкальных особенностей авторских произведений.

Следующий этап расшифровки напева выполняется при помощи ретроспективного метода. Применительно к нашему памятнику он состоит в следующем. По рукописям второй половины XVII в. проводится поиск списков тропарей, близких авторскому (в нашем случае Крестьянину) по знаковому составу. Как и запись распева Федора Крестьянина, они также должны быть выполнены в Путевом стиле и изложены столповой разводной нотацией. В данных списках появляются указательные и звуковысотные киноварные пометы, а зачастую еще и признаки. По пометам и признакам только и возможно выявить звуковысотность и некоторые ритмические особенности распева. На основании нескольких

таких списков³ и производится расшифровка анонимных распевов второй половины XVII в. Так как в этот период чувствуется стремление писцов унифицировать списки, то они мелодически очень близки. Звуковысотность и ритмическое значение знамен проверяется не только на основании помет и признаков данных списков, но и на материале справочных руководств XVII в.: в нашем случае — «Ключа» инока Христофора, для песнопений Знаменного стиля — «Извещения» Александра Мезенца и т. п. Затем, полученный в виде «двоезнаменника» невменно-нотолинейный вариант «накладывается» на беспометную разводную графику формул изучаемого авторского (Крестьянинова) распева. При сопоставлении всех полученных списков выявляются графические различия. Отметим, что они не выходят за рамки внутриформульной вариантности. Окончательно невменно-формульный состав авторских тропарей переводится в соответствии с уже полученным нотолинейным результатом, при этом, однако, перевод уточняется на уровне мельчайших авторских отклонений.

Итак, установленная формульная сегментация песнопений помогает при расшифровке как одинаковых формул, так и тех, которые обладают единичными блоками, в том числе финальными, а также дает возможность выполнить анализ формы каждого тропаря и выявить в них образно-смысловые связи текста и напева. Перейдем к рассмотрению этого вопроса.

Прежде чем представить музыкально-формульное строение тропарей необходимо выявить *типизированные финалисы* формул. Они играют важную роль в раскрытии образно-смысловых связей текста и напева, так как определяют структурные грани формул. Эти типизированные финалисы встречаются на протяжении всего цикла тропарей, объединяя их в целостное единство. Поэтому наша классификация будет включать абсолютно все финалисы-концовки формул всех четырех песнопений цикла⁴.

Для проведения классификации финалисов (f.) формул предпримем следующее. Сначала выявим особый тип концовок, который определим как *несовершенный*. Этот тип не имеет характерного (например, для песнопений Знаменного стиля) статичного завершения в виде целой длительности на конечной ладовой опоре. Чтобы стать совершенным типом, данным концовкам-финалисам не хватает ритмического торможения. Они выполняют функцию не разделения формул, но их объединения благодаря своему ритму: это либо четыре восходящие четверти от *ре* к *соль* (f.2, завершает формулы № 1, 4, 16, 21, 25, 47, 50)⁵, либо четыре четверти, колеблющиеся вокруг звука *ми* (f.6, формулы № 10, 32), либо три звука — две четверти и половинная в восходящем (f.4, формулы № 29, 36,

49) или опевающим движением (f.1 — самый распространенный, завершает формулы № 11, 19, 22, 30, 31, 33, 34, 35, 37, 39, 48). Отметим концовки формул в виде двух четвертей в нисходящем движении (f.3, формулы № 5, 28, 46 и f.5, формулы № 2, 43); в виде двух восходящих (f.7, формулы № 13, 20) или нисходящих (f.8, формула № 18) половинных длительностей.

Определенные нами как несовершенные концовки-финалисы завершают формулы, следуя за последней ладовой опорой. Исключение составляет самый распространенный в данной группе финалис, завершающий девять формул (f.1). Он состоит из двух четвертей *re—do* и завершения на последней ладовой опоре — половиной *re*. Иногда добавляется еще две связующие четверти *re—mi*, переводящие распев в начало следующей формулы. (Еще раз подчеркнем, что подобное завершение формул не характерно для Знаменного стиля. Так как тропари относятся к Путевому стилю, выдвинем гипотезу, что подобное несовершенное кадансирование может быть связано с путевой стилистикой. Поэтому определим такие финалисы-концовки как *несовершенные путевые*. В последующих таблицах данного исследования они обозначены как НП-1 — НП-8 (цифры указывают на их разновидность, всего — 8 вариантов).

Теперь обратимся еще к одному типу финалисов, менее распространенному в песнопениях цикла. Эти финалисы можно определить как *совершенные*. Они отличаются от несовершенных тем, что завершают формулу на ладовой опоре в виде целой длительности. Таким ярко выраженным тормозящим ритмом они четко отделяют одну формулу от другой, завершая крупные части тропарей. Совершенные финалисы подразделяются на два вида: в первом завершающий звук *re* или *соль* дублируется (f.1, завершает формулы № 9, 12, 14, 15, 24, 27, 40 и f.2, завершает формулы № 3, 6, 41, 42, 44, 45), во втором конечные ладовые опоры *re* и *ля* даются лишь единожды (f.3, формулы № 8, 17, 23, 26, 38 и f.4, формула № 7).

Первый вид финалисов с дублированием конечного ладового устоя не типичен, например, для Знаменного стиля. Так, в исследовании М.В. Бражникова «Лица и фиты знаменного распева» ни одна из лицевых или фитных формул не заканчивается на двух подряд целых длительностях на одной высоте⁶. Вновь выдвинем предположение, что данное финальное дублирование характерно для Путевого стиля. Поэтому определим данные финалисы как совершенные путевые. Далее в таблицах мы их обозначим как СП-1 — СП-2 (цифры указывают на завершения: 1 — на двойном *re*; 2 — на двойном *соль*). Финалисы же второго вида — без дублирования конечной ладовой опоры — вряд ли стоит относить к особенностям Путе-

вого стиля, они типичны и для Знаменного стиля. Определим их просто как *совершенные*. В таблицах они будут обозначены как С-1 — С-2 (цифрами указываются завершения финалисов: 1 — на целой *re*, 2 — на целой *ля*).

Как особенность «Тропарей иорданских» отметим также некий оборот, включающий знак «статья с сорочьей ножкой». Впервые он дан в третьей формуле первого тропаря. Этот оборот в дальнейшем развитии цикла приобретает ключевое значение и встречается в формулах цикла № 3, 6, 14, 29, 31, 36, 41, 44, 47 и 49, то есть в 10 из 51 формулы. Он выполняет особую формообразующую функцию, всегда участвуя в завершении крупных разделов-частей того или иного тропаря. Оборот включает 10 звуков и представляет собой поступенное мелодическое развитие половинными и четвертями в диапазоне *do—mi*, сначала колеблющееся вокруг ладовой опоры *mi*, а затем — вокруг конечной ладовой опоры *re*. Определим его как *ключевой завершающий оборот*.

Теперь обратимся к формульно-музыкальному строению первого тропаря. Краткий поэтический текст первого тропаря «Гласо Господене» (он, как и все остальные песнопения цикла относится к гласу 8), в котором выражается призыв принять крещение, распадается на две строфы (здесь и в дальнейшем сохраняется раздельное написание авторского списка):

1. Гласо Господене на водахо
вопиете глаголя;
2. Придете примете духо премудрости,
духо разума, духо страха божия
явлешагося Христа.

Представим музыкальную структуру первого тропаря цикла в виде таблицы 1.

Первая строфа текста распевается тремя различными формулами, которые образуют первую часть тропаря (формулы № 1—3). Вторая часть тропаря включает в себе начальный фрагмент второй строфы: «Придете примете духо премудрости, духа разума». Завершающие эту строфу слова «Духо страха божия явлешагося Христа» выделены в особое музыкальное построение — третью часть исследуемого нами тропаря.

Особенностью первой части стало объединение формул благодаря связующим несовершенным путевым финалисам. Так как они не имеют завершения на устойчивой ладовой опоре, то преобладает переменность разных ладовых опор: в первой формуле — *re—mi*, во второй — *фа—соль*, в третьей — *ми—соль*. Особенностью стало и дублирование конечной ладовой опоры *соль* (звуковысотное и ритмическое) в завершающей части третьей формулы. Отметим, что в третьей формуле перед совершенным путевым финалисом еще дан и ключевой завершающий оборот. Здесь он

Музыкальная структура первого тропаря цикла «Тропари иорданские»

№ п/п. в троп.	№ п/п. в цикле	Гимнографический текст — подтекстовка формулы	Тип финалиса	Диапазон	Начальные и срединные ладовые опоры	Конечные ладовые опоры
1	1	Гласо Господене	НП-2	ре–соль	ре – ми	ми
2	2	На водахо	НП-5	ре – ля	фа	соль
3	3	Вопиете глаголя	СП-2	до – соль	ми	соль
4	4	Придете примете	НП-2	ре – соль	соль	ми
5	5	Духо премудрости	НП-3	ре – ля	ми – соль	фа
6	6	Духо разума	СП-2	до – соль	ми	соль
7	7	Духо страха Божия	С-2	до – ля	фа – ре – соль	ля
8	8	Являшагося Христа	С-1	ре – соль	соль – фа	ре

Примечание: Здесь и далее жирным шрифтом выделены начальные формулы крупных частей.

впервые играет особую формообразующую роль, обозначая завершение первой части тропаря. Как отмечалось, и в дальнейшем именно этот оборот будет указывать на подобное явление, маркируя завершение крупных частей других тропарей.

Вторая часть песнопения начинается на кварту ниже. Квартовым скачком и понижением области звучания подчеркивается начало новой части. Первая и вторая части тропаря согласуются единичными фрагментами начальных первой и четвертой и завершающих третьей и шестой формул. Единый диапазон роднит срединные вторую и четвертую формулы. Завершающие первую и вторую части единообразные третья и шестая формулы содержат ключевой оборот и заканчиваются совершенными путевыми финалисами на ладовой опоре *соль*.

И, наконец, третья часть, выполняющая роль завершения тропаря, состоит из двух формул — седьмой и восьмой. Они различаются как между собой, так и с другими формулами песнопения. Седьмая играет кульминационную роль. Она обладает наиболее длительным распевом, наиболее развернутым, предельным для данного песнопения диапазоном *до—ля* и самой высокой конечной ладовой опорой *ля* не только первого тропаря, но и всего цикла. Концовка формулы представляет собой восходящее мелодическое движение к этой ладовой опоре, которая своим тормозящим ритмом целой длительности ясно очерчивает мелодическую границу между седьмой и последующей восьмой формулами. Между ними существует напряженное вопросно-ответное отношение. Восходящая интонация финалиса седьмой формулы сменяется нисходящим движением четвертой в начале восьмой. Седьмая формула в целом воспринимается как интонационно восходящая в своем мелодическом развитии, а восьмая уравновешивает ее нисходящим, ответным движением через ладовые опоры *соль*, *фа* к завершающему мелодическое развитие ла-

довому устою *ре*. Седьмая формула не случайно стала кульминационной, наиболее яркой. Ею акцентируется доминирующее в смысловом отношении словосочетание «Духо страха Божия». Восьмая формула на словах «являшагося Христа» постепенно умиротворяет напряжение и впервые в тропаре приводит развитие формулы к «классическому» совершенному финалису с постепенным ритмическим торможением и нисходящим опеванием конечной ладовой опоры *ре*.

Итак, песнопение «Гласо Господене» — это музыкальное прочтение гимнографического текста, форма и смысл которого раскрыты с помощью музыкальных средств: согласования единичными блоками распевов начальных и завершающих формул каждой из двух частей, акцентирования наиболее ярким и длительным распевом кульминационного построения на ключевых словах «Духо страха Божия», а также завершающего характера финалиса последней восьмой формулы. Особенности Путеевого стиля стали связки-финалисы первой, второй, четвертой и пятой формул, дублирование конечных опор третьей и шестой формул, финалис в восходящем движении к *ля* седьмой формулы.

Как видим, песнопение четко структурировано и его музыкальное строение способствует раскрытию образно-смыслового содержания поэтического текста.

Анализ второго тропаря цикла «Денесе водении» показывает, что его музыкально-поэтический текст по смыслу и по формульному строению можно разделить на три части:

1. Денесе водении освящаются составы,
2. И разделяете Иердано,
и своих вод возвращаете струя,
3. Владыку видя крещающуюся.

Это строение воплощено в музыкальной структуре тропаря. Представим ее в таблице 2.

Музыкальная структура второго тропаря цикла «Тропари иорданские»

№ п/п. в троп.	№ п/п. в цикле	Гимнографический текст — подтекстовка формулы	Тип финалиса	Диапазон	Начальные и срединные ладовые опоры	Конечные ладовые опоры
1	9	Денесе	СП-1	до — ми	до	ре
2	10	Водении	НП-6	до — соль	соль	фа
3	11	Освещаются	НП-1	до — фа	ми	ре
4	12	Состави (фита 1) Часть 1 Часть 2	С-3 СП-1	до — ми до — соль до — фа	ми ми — фа ми	ми ре
5	13	И разделяется	НП-7	до — соль	ми — соль	фа
6	14	Иердано	НП-1	до — фа	ми	ре
7	15	И своих вод возвращаете (подвод) струя (фита 1) Часть 1 Часть 2	С-3 СП-1	ре — соль до — соль до — фа	ми ми — фа ми	ми ре
8	16	Владыку видя	НП-2	до — ля	соль — фа	ми
9	17	Крещаемая	С-1	до — соль	ми — ре	ре

Примечание: Срединный финалис распевает одной и той же фиты на словах «состави» и «струя» (формулы № 4/12 и 7/15)⁷, впервые появившийся в данном тропаре, определяется как совершенный с ладовой опорой на ми (С-3). Подводы (вступления) к фитам не обладают финалисом и конечной ладовой опорой. В таблицах указаны их диапазон и срединная ладовая опора.

Отметим в первой части второго тропаря, включающего строфу «Денесе водении освещаются составы» искусное постепенное расширение мелодического пространства, как в отношении диапазона (*до—ми, до—соль, до—фа*), так и в отношении продолжительности строк: первая формула — 7 звуков, вторая — 13, третья — 16. Но самой длительной стала четвертая формула, включающая развод фиты и составляющая 42 звука в квинтовом диапазоне *до—соль*. Пышным внутрисловным разводом фиты подчеркнуто слово «составы», которым в смысловом отношении завершается первый словесно-смысловый оборот (предложение «Денесе водении освещаются составы»). Роль фиты в данном случае — подчеркнуть завершение первой части тропаря. Развитие фитного развода основано на восходящем в его первой, и нисходящем в его второй половине движении. Оно состоит из секундных опеваний или двух- и трехступенных восхождений к длительным (половинным и целым) ладовым опорам: в первой части — к *ми, фа, соль*, во второй — к *фа, ми, ре*. Как видим, ладовое развитие первой части фитного развода движется в восходящем направлении, а во второй части уравнивается нисходящим движением. В фите, состоящей из двух блоков-частей отмечаем два финалиса: срединный и конечный. Срединный финалис определяем как совершенный с ладовой опорой на *ми* (С-3). Завершающий финалис фиты классифицируем как совершенный путевой с дублированием целой конечной ладо-

вой опоры *ре* (СП-1). Завершая первую и последнюю формулы первой части этот тип финалиса и ладовая опора *ре* приобретают главенствующий характер, объединяя благодаря тоникальности все формулы первой части в единое целое.

Вторая часть тропаря открывается новым предложением «И разделяется Иердано» и начинается с распевания пятой формулы на текст «и разделяется». Отметим, что своим первым блоком она согласуется с первым блоком четвертой формулы первого тропаря. Это не случайно: таким образом подчеркивается, что единым распевом начинаются новые, вторые, части как первого, так и второго песнопения цикла.

Финалис пятой формулы носит связующий характер и переходит в следующую, шестую, формулу «Иердано», которая также имеет аналог в первом тропаре, переключаясь ключевым оборотом с его третьей и шестой формулами. Но, в отличие от них, во втором тропаре ключевой оборот имеет более ярко выраженный кадансирующий характер. Это происходит благодаря его завершению на *двух* целых длительностях, дублирующих конечный тон *ре* по типу совершенного путевого финалиса — СП-1. Ключевым завершающим оборотом обозначается финальное слово предложения «и разделяется Иердано». Вновь, как и в первом тропаре, он указывает на завершение некоего музыкально-словесного смыслового единства.

Следующая, седьмая формула отличается от всех других тем, что предваряется киноварным Э. Этот знак указывает на принадлежность песнопения

ния сложному (не Знаменному) стилю, в данном случае Путевому, а также на то, что распев «захватит» более высокие звуки. Действительно, в начале седьмой формулы распев от *ре* поднимается к *соль*. Уникальность седьмой формулы еще и в том, что она содержит в своем составе не одно, а четыре слова, из которых три первых силлабическим подводом («и своих вод возвращаете») предваряют мелизматiku фитного развода на слово «струя». Последним завершается предложение, которым в свою очередь заканчивается второй раздел песнопения. Вспомним, что этой же фитою на слово «составы» завершается и первая часть. Таким образом, единой фитной формулой обозначены границы двух крупных построений тропаря.

Третья, финальная, часть тропаря состоит из двух длительных распевов формул на словах «владыку видя / крещающуюся». Она драматургически выстроена подобно третьей части первого тропаря. Начальная формула третьей части также занимает кульминационную зону всего песнопения: в ней самый развернутый диапазон *до—ля*, достигающий предельно высокого звука. Но формулы третьих частей первого и второго тропарей не совпадают. В первом тропаре развитие происходит в виде двух волн: первая развивается в восходящем, а вторая, завершающая, — в нисходящем движении. Во втором тропаре также присутствует вопросно-ответное соотношение, но оно проявляется в более слож-

ном виде — не как соотношения между формулами, а как соотношение внутри каждой из них. В первой формуле третьей части наблюдаем восходящее развитие от *ре* к *ля*, которое уравновешивается нисходящим от *ля* к *фа*. Связующий финалис этой формулы вновь устремляется вверх от *ре* к *соль*. Начало последней девятой формулы интересно тем, что оно повторяет этот ход, но в ритмическом замедлении, после чего мелодия движется от вершины *соль* к нижнему *до*. Концовка формулы представляет собой поступенное движение от *до* к ладовой опоре *ми*, которая затем сменяется главенствующей заключительной ладовой опорой *ре*.

Итак, во втором тропаре наблюдается общность с первым, которая проявляется в согласовании распевов начальных формул вторых частей песнопений, а также в том, что кульминационные зоны приходятся на начальные формулы третьих частей. В обоих тропарях в распеве финальных слов предложений участвует ключевой оборот. В обоих тропарях доминирующей конечной ладовой опорой становится звук *ре*. Во втором тропаре его влияние нарастает, так как этим звуком завершается не только последняя, как в первом тропаре, но большинство (шесть из девяти) формул. Существуют и различия. Наиболее яркое состоит в том, что во втором тропаре появляется фита. Ею единообразно завершаются первая и вторая части тропаря.

Таблица 3

Музыкальная структура третьего тропаря цикла «Тропари иорданские»

№ п/п. в троп.	№ п/п. в цикле	Гимнографический текст — подтекстовка формулы	Тип финалиса	Диапазон	Начальные и срединные ладовые опоры	Конечные ладовые опоры
1	18	Яко человеко	НП-8	до — соль	ре — ми	ре
2	19	На реку (фита 1) Часть 1	С-3 НП-1	до — ля до — ми	фа — ля ми — до	ми ре
3	20	Приде Христе царю	НП-7	ре — ля	соль — ми	ре
4	21	И рабеское	НП-2	ре — соль	соль	ми
5	22	Крещение (фита 2) Часть 1 Часть 2	С-4 НП-1	ми — ля ля <i>маж.</i> — ми	соль — ми до	соль ре
6	23	Прияти тщишия блаже	С-1	ре — ля	фа — ми — соль	ре
7	24	От Предотечевы (подвод) руки (фита 3) Часть 1	С-3 СП-1	ре — соль до — соль до — фа	ми ми — фа ми	ми ре
8	25	Грехо ради напихо	НП-2	до — ля	ми	фа
9	26	Человеколюбече	С-1	до — соль	ми	ре

Примечания:

1. Все фиты третьего тропаря различаются между собой, но фита № 7/24 совпадает с обеими фитами второго тропаря (№ 4/12, 7/15).

2. Срединный финалис фиты на слове «крещение» (№ 5/22) классифицируется как совершенный (С-4), он встречается в цикле тропарей впервые и имеет конечную ладовую опору соль.

ря. Особенности Путеевого стиля во втором тропаре стали появление впервые киноварного Э, указывающего на захват более высокой области звучания, а также связки-финалисы второй, третьей, пятой и восьмой формул и дублирование длительной ладовой опоры в четырех из девяти формул.

Обратимся к следующему, третьему, песнопению цикла — тропарю «Яко человека на реку». Его структура по смысловому содержанию текста и по музыкально-формульному строению распадается на три части-строфы:

1. Яко человека на реку приде Христе царю
2. И рабское крещение восприяти тщишиися блаже от Предотечевы руки
3. Грехо ради нашихо человеколюбече.

Музыкальная структура этого тропаря (см. табл. 3), как и предыдущих песнопений, вновь подчеркивает музыкальными средствами данное строение словесно-поэтического текста.

Как и второй тропарь, третий состоит из девяти формул, но фит в нем не две, а три, что значительно расширяет музыкальное пространство песнопения. Фита на слове «руки» та же, что и во втором тропаре на словах «составы» и «струя». Но в состав третьего тропаря вводится и две новые фиты, которыми расппеваются слова «на реку» и «крещение».

Начальная формула третьего тропаря «Яко человека» своим первым блоком совпадает с начальной формулой первого тропаря, чем подчеркивается их единая функция, определяющая начало песнопения. Первая формула имеет несовершенный финалис, последние звуки которого плавно связывают его со второй формулой, начало которой продолжает вариантное развитие финалиса и представляет собой подвод к фитному разводу на словах «на реку». Он дан здесь впервые и состоит из поступенного восходящего движения половинных длительностей от *ми* к *ля* с последующим возвратом к ладовой опоре *ми*. На этом длительном устое, который классифицируется как совершенный, завершается первый блок фиты «на реку», после чего следует краткий второй, который представляет собой нисходящий ход половинными длительностями поступенно от *ми* к *до*, опевание ладовой опоры *ре* и остановку на ней. Каданс несовершенный, так как длительность завершающего ладового устоя всего лишь половинная и следом идет связка в виде двух четвертей *ре—ми*. Как уже указывалось при анализе второго тропаря, данная концовка является типизированной, она встречается в 11 финалисах во втором, третьем и четвертом тропарях цикла, завершая формулы № 11, 19, 22, 30,

31, 33, 34, 35, 37, 39, 48. Исходя из смыслового содержания поэтического текста, следующая третья формула «Приде Христе цесарю» должна выполнить роль завершения первой части песнопения. Действительно, музыкальное содержание третьей формулы как бы подводит итог всего предыдущего развития. Её восходящая интонация от *ми* к *ля* присутствует в первом блоке предшествующей фиты, представляя собой ее ритмическое изменение. По сравнению с фитой эта третья формула, завершающая первую часть тропаря, охватывает более скромный диапазон *ре—ля* (первая формула — *ре—соль*, вторая — *до—ля*, третья — *ре—ля*). Её каданс имеет характер «несовершенного», он не останавливает движение на доминирующей ладовой опоре *ре*, а переходит двумя половинными длительностями *ми—фа* в следующую, четвертую формулу «и рабское», которой начинается вторая часть песнопения.

Пятая формула «крещение» включает подвод к длительному разводу еще одной новой фиты и сам этот развод. В четвертой и пятой формулах наблюдается искусное «плетение» музыкальной ткани, которое показывает, как можно накладывать одно и то же музыкальное содержание на четырехсложные слова «рабское» и «крещение». Идет филигранная работа не только над передачей общего смысла поэтического текста, но и над шлифовкой каких-то особенно тонких структурных моментов. В данном случае — отражение единым распевом единого четырехсложного состава слов.

Пятая формула-фита приходится на последний слог слова «крещение». Это новая формула. Развитие ее первого блока сначала движется вокруг опорного тона *соль*, что приводит к остановке на этом ладовом устое в виде целой длительности. Данный совершенный каданс встречается впервые. Затем во втором блоке распев опускается в более низкую область звучания и останавливается на ладовой опоре *до*. Завершается фита тем же финалисом, которым завершалась фита «на реку» (вторая формула третьего тропаря). Подход к этому финалису осуществляется интересным ходом в квинтовом диапазоне от *ля* малой октавы (предельно низкого звука для тропарей в целом) до *ми* первой. Единообразии финалисов второй и пятой фитных формул рассматриваемого тропаря подчеркивает их одинаковое местоположение в частях. Они занимают срединное место между начальными и завершающими первую и вторую части формулами.

Финалис пятой формулы-фиты незавершен, разомкнут благодаря несовершенному кадансированию и связке двух четвертей *ре—ми*, поэтому первый звук шестой формулы — целая длительность *фа*, которая повторяется и переходит

в целую ми, воспринимается двойственно: и как завершение предыдущего движения и как начало следующего. Затем в шестой формуле «восприяти тщишия блаже» распев движется в восходящем направлении и достигает срединной ладовой опоры *соль*, после чего устремляется в замедленном движении целых и половинных от этой ладовой опоры к доминирующему конечному ладовому устою *ре*. Концовка носит характер совершенного финалиса.

Исходя из смыслового содержания поэтического текста, вторая часть должна завершаться на словах «предотечевы руки». Роль подобного завершения второй части выполняет на этих словах седьмая формула, состоящая из подвода и развода фиты на слове «руки», которая не является новой. Именно эта фита уже выполняла роль завершения как первой, так и второй частей второго тропаря на словах «составы» и «струя». Как во втором тропаре, так и в третьем перед началом седьмой формулы выставлено киноарное Э — свидетельство принадлежности песнопения к Путевому стилю и подъему мелодии в более высокую область звучания. Следовательно, в третьем тропаре вторая часть завершается аналогично завершению второй части второго тропаря. Музыкальное содержание следующих, третьих, частей обоих тропарей также аналогично. Как видим, для формообразования было важно следовать единым распевам, подчеркивающим формообразующее значение последних формул, здесь — последних формул вторых частей и обеих формул заключительных третьих частей песнопений.

Таким образом, структурное развитие третьего тропаря следует за смыслом словесного текста, его оформление достигается музыкальными средствами. Существует согласование средств музыкальной выразительности с первым и вторым тропарями. Оно заключается в использовании единого распева фиты в завершении второго раздела, как это произошло во втором тропаре. Формульный состав третьей части третьего тропаря также аналогичен формульному составу третьей части второго тропаря. Первый и третий тропари открываются едиными музыкальными формулами. В третьем тропаре используются типизированные концовки первого и второго. Преобладает единая доминирующая конечная ладовая опора *ре*. Кульминационные зоны приходятся на начало третьих частей всех изученных песнопений. Особенностью третьего тропаря стало отсутствие в нем ключевого завершающего оборота.

Четвертый тропарь «Прямо гласу вопиющаго» завершает цикл «Тропарей иорданских». В некоторых рукописях указано, что песнопение

исполняется на «слава и ныне», то есть является славником. Он превосходит все предшествующие по длительности мелодического распева и содержит в своем составе 25 формул, что составляет почти общее количество формул всех трех предшествующих тропарей (8 + 9 + 9). Но это песнопение обобщает в себе не только количество формул. В нем дано обобщение всех приемов формообразования в зависимости от смыслового содержания текста, представлены ключевые, общие для всех тропарей формулы, в том числе фитные, продолжено развитие драматургии кульминационных зон и вопросно-ответное соотношение завершающих песнопения формул. Согласно смысловому содержанию гимнографического текста и по формульному строению тропарь можно разделить на пять строчастей.

1. Прямо гласу вопиющаго во пустыни
уготовайте путе Господене.
2. Приде Господе образо рабии восприимо
крещения прося неведьи греха.
3. Видеша тя воды и убояшася,
трепетен быво Предотеца и возопи глаголя.
4. Како просветите светилинико света?
Како руку взложите раб на владыку?
5. Освяти мя и воды спасе во земля
и миру грехи.

Три первых части тропаря содержат единое количество формул — по 5, четвертая — 6 и пятая, финальная, — 4. Покажем особенности музыкальной структуры этого тропаря в таблице 4.

Первая часть тропаря начинается кратким внутрислоговым распевом формулы, мелодия которой развивается в скромном терцовом диапазоне *до—ми*. Отметим, что и в других тропарях начальные построения также обладали кратким распевом и скромным диапазоном. Следующая строка — вторая формула — совпадает распевом с начальным блоком четвертой формулы первого тропаря и целиком с пятой формулой второго. Третья формула согласуется распевом с шестой формулой второго тропаря, включающей ключевой оборот. Отличие заключается в том, что в третьей формуле четвертого тропаря ключевой оборот расширяется за счет добавления финалиса-связки. Если в третьем тропаре ключевой оборот отсутствует, то в четвертом он встречается семь раз, маркируя завершения частей формы (формулы № 3, 5, 10, 15, 18, 21, 23). В данном случае, в третьей формуле, он отмечает завершение предложения. Начальный фрагмент следующей, четвертой, формулы согласуется своим распевом с начальной формулой первого тропаря. Различие их в том, что в первом тропаре дан

Музыкальная структура четвертого тропаря цикла «Тропари иорданские»

№ п/п. в троп.	№ п/п. в цикле	Гимнографический текст — подтекстовка формулы	Тип финалиса	Диапазон	Начальные и срединные ладовые опоры	Конечные ладовые опоры
1	27	Прямо гласу	СП-1	до — ми	ми	ре
2	28	Вопиющего	НП-7	до — соль	ми — соль	фа
3	29	Во пустыни	НП-4	си <i>мал.</i> — фа	ми — ре	ре
4	30	Уголоваите	НП-1	до — фа	ми — ре	ре
5	31	Путе Господене	НП-1	до — соль	соль — ре	ре
6	32	Приде Господи	НП-6	ре — соль	ре — соль	ми
7	33	Образо рабии	НП-1	до — фа	фа — ми	ре
8	34	Восприимо	НП-1	до — фа	ми — ре	ре
9	35	Крещения (подвод) прося (фита) Часть 1 Часть 2	С-4 НП-1	ре — соль ми — соль ля <i>мал.</i> — фа	ре — соль соль — ми до	соль ре
10	36	Неведыйи греха	НП-4	си <i>мал.</i> — соль	соль — ми — ре	ре
11	37	Видеша тя	НП-1	до — фа	ми	ре
12	38	Воды и убояшася	С-1	ля <i>мал.</i> — фа	до — ре	ре
13	39	Трепетен быво	НП-1	до — фа	ми	ре
14	40	Предотеча (фита) Часть 1 Часть 2	С-3 СП-1	до — соль до — фа	ми — фа ми	ми ре
15	41	И возопи глаголя	СП-2	до — соль	соль — ми	соль
16	42	Како (фита) Блок 1 Блок 2	С-5 СП-2	ми — ля ми — ля	фа — ля соль	фа соль
17	43	Просветите	НП-5	ми — ля	соль — ля	фа
18	44	Светиленико света	СП-2	до — соль	ми	соль
19	45	Како (фита) Блок 1 Блок 2 Блок 3	С-5 С-6 СП-2	ми — ля ми — до ми — ля	фа — ля ля соль	фа соль соль
20	46	Руку взложите	НП-3	ре — фа	фа — ми	ми
21	47	Раб на владыку	НП-2	до — фа	ми	ре
22	48	Освяти мя (фита) Часть 1 Часть 2	С-4 НП-1	ми — ля ля <i>мал.</i> — ми	соль — ми до	соль ре
23	49	И воды спасе	НП-4	си <i>мал.</i> — соль	соль — ми — ре	ре
24	50	Во земля	НП-2	до — соль	ре — фа	ре
25	51	И миру грехи	С-1	до — соль	ми — ре	ре

финалис НП-2, а здесь, в четвертом тропаре, — финалис НП-1. Этот пример прекрасно иллюстрирует работу распевщиков по составлению формул из типизированных блоков. Завершение первой части тропаря, приходящееся на пятую формулу, обозначено ключевым оборотом.

Вторая часть песнопения начинается шестой и седьмой формулами, которые вступают друг с другом в вопросно-ответное соотношение и обобщаются в завершающей предлодение восьмой формуле, содержащей вариант ключе-

вого оборота. Он определяет границу первого предложения строфы «Приде Господе образ рабии восприимо». Далее впервые в четвертом тропаре задействована фита, которой в девятой формуле распевается слово «прося». Таким образом акцентируется особое значение словесного оборота «крещения *прося*». Эта фита уже встречалась в третьем тропаре (в формуле № 5/22), где распевала слово «крещение» в обороте «и рабское *крещение*». Она предназначена для подчеркивания доминирующего смысла всего цикла —

таинства Крещения. Завершается вторая часть четвертого тропаря также, как и его первая часть: здесь последняя формула (№ 10/36) почти полностью совпадает с финальной формулой первой части (№ 5/31). И в пятой, и в десятой формулах присутствует ключевой кадансирующий оборот, различия приходится лишь на связующие несовершенные финалисы. Сходством музыкального содержания этих формул подчеркивается единство их функционального значения как завершений крупных первой и второй частей песнопения.

Третья часть начинается «аскетической» одиннадцатой формулой, близкой сдержанной краткостью начальным формулам, особенно второго (№ 1/9) и четвертого (№ 1/27) тропарей. Но эта формула имеет более широкий квартетный диапазон *до—фа*, а не терцовый *до—ми*, как указанные. Следующая, двенадцатая, формула тропаря является ярким примером соответствия музыкального содержания смыслу его текста. Эмоциональный подтекст последнего слова в предложении «видеша ты воды и *убояшася*» подчеркивается музыкальными средствами: мелодия опускается в предельно низкую для данного цикла область звучания, захватывая звуки простого согласия — *ля* и *си* малой октавы (фита № 12/38). Эти звуки впервые появились в распеве одной и той же фиты на словах «крещение» в третьем тропаре (№ 5/22) и «прося» в четвертом (№ 9/35). Но прозвучали они всего один раз во второй части фиты, придавая смыслу слов особое глубокое звучание. Здесь же, в двенадцатой формуле, на слове «убояшася» звук *ля* малой октавы также звучит единожды, но восходящий оборот от *си* малой октавы — *си—до—ре* — повторяется четыре раза, что передает священный трепет, охвативший Иоанна Предтечу: «Трепетен быво Предотеча». Следующая далее тринадцатая формула повторяет одиннадцатую. Это неслучайно. Их единообразие подчеркивает синтаксический параллелизм предложений:

Видеша ты воды и убояшася,
трепетен быво Предотеча.

Слово «Предотеча» акцентируется следующей фитой (формула № 14/40). Безусловно, её красочным длительным распевом подчеркивается доминирующее значение образа Иоанна Предтечи в таинстве Крещения. Этой же фитой распевались слова «состави» и «струя» второго тропаря (№ 4/12, № 7/15) и слово «руки» третьего (№ 7/24). Все эти словесные обороты: «водные составы», «своих вод возвращает струя», «от Предотечевы руки» и «трепетен быво Предотеча» связаны с водами Иордана и с образом Предтечи. Их глубинный символический смысл обобщен единым фитным распевом, который в спис-

ках тропарей зачастую предваряется киноварным Э, указывающим, как уже отмечалось, на принадлежность песнопений Путевому стилю. Возможно, в данном случае этот знак несет еще и особую семантическую нагрузку, выделяя эту фиту как особую некую смысловую доминанту. Завершается третья часть традиционно — формулой с ключевым оборотом (№ 15/41). Напомним, что этот оборот присутствовал и в завершении предыдущей второй части. Отметим, что формула № 15/41 совпадает с третьей и шестой формулами первого тропаря, которые, как отмечалось, также выполняют функцию завершения крупных частей песнопения. Интересно, что единым распевом отмечено единое слово «глаголя» в первом и четвертом тропарях в следующих словосочетаниях: «вопиете глаголя» — формула первого тропаря (№ 3) и «и возопи глаголя» — формула четвертого тропаря (№ 15/41).

Вновь встречаемся с филигранной музыкальной «проработкой» тонкостей словесного текста. Смысловая энергия завершающих восклицательных словесных оборотов «вопиете глаголя» и «возопи глаголя» отмечена энергичным восходящим ходом на *соль* первой октавы и ярким совершенным кадансированием по «путевому типу» — дублированием половинной *соль*. Близкое данному целеустремленное финальное движение к верхнему *соль* присутствовало в четвертом тропаре лишь единожды, и то не в финале всей формулы, а лишь при завершение ее части (первой части фиты «прося»). Этот финалис контрастирует со всеми предшествующими строками, которые, в основном, завершались на единой ладовой опоре *ре*.

Следующая, четвертая, часть последнего тропаря в цикле — кульминационная. Это — прямая речь Иоанна Предтечи, восклицательная: «Како просветите светиленико света? Како руку взложите раб на владыку?». Здесь благодаря красочным распевам двух вариантов новой фиты (формулы № 16/42, 19/45), акцентирующих восклицания «како», достигается предельно напряженная зона звучания на звуках крайне высокой напряженной тесситуры светлого и тресветлого согласий. Это кульминация не только данного песнопения, но и всего цикла.

Распев первого варианта данной фиты (№ 16/42) отличается от всех других фитных распевов. Особо отметим, что оба его блока имеют восходящее (вопросительное) секундовое соотношение конечных ладовых опор — *фа—соль* (в предыдущих фитах это соотношение было нисходящим, утвердительным — *ми—ре, соль—ре*). Все мелодическое развитие фиты захватывает диапазон *ми—ля* (в других фитах: *до—соль, до—ля, ля* малой октавы — *соль*). Ни по широте диапазона, ни по продолжительности распева эта фита

не превосходит другие, иногда даже уступая им. Её отличие заключается в более высокой области звучания, её срединные (*фа—ля*) и конечная (*соль*) ладовые опоры выше. И все же основное отличие данной фиты в том, что ее мелодическое развитие носит характер кратких поступенных восходящих (вопросительных) ходов и их нисходящего заполнения. Завершается фита именно на вопросительной восходящей интонации половинными длительностями (*ми—фа*) и повторением целой (*соль*). Так тонко подчеркивается вопросительный смысл слова «Како?». Этим типом финалиса фита согласуется, например, с третьей и шестой формулами первого тропаря, с формулой № 15/41 четвертого. Как уже отмечалось, данный финалис усиливал эмоционально приподнятый контекст слов «вопие глаголя», «духо разума» и «возопи глаголя».

Следующие формулы — № 17/43 и 18/44 — согласуются распевам со второй и третьей формулами первого тропаря, которые также завершали часть-предложение. Эти формулы в четвертом тропаре уравнивают длительное звучание предшествующего им фитного распева, продолжая его вариантное развитие. В формуле № 18/44 появляется ключевой оборот, как всегда обозначающий завершение раздела, в данном случае — завершение предложения «Како просвети светиленико света?» (вспомним, что эта же формула идентично завершила третью часть рассматриваемого тропаря на словах «и возопи глаголя»).

Единообразие данного предложения с последующим подчеркивается синтаксическим параллелизмом:

Как просвети светиленико света?
Как руку взложите раб на владыку?

Это находит отражение и в музыкальном содержании тропаря. Одинаковые вопросительные частицы «како» распеваются единообразно. Уже упомянутый второй вариант распева фиты на слово «како» (№ 19/45) включает новый тесситурно напряженный блок — кульминационную зону всего цикла в точке его золотого сечения. Фитный распев состоит теперь из двух блоков предыдущего фитного распева, но между ними помещается новый, срединный, блок. Именно в нем достигается наивысшая точка интонационного подъема мелодии — *до* второй октавы. Таким образом диапазон фиты раздвигается до границ *ми—до*. В целом можно отметить, что возвращенная значительная протяженность фитного распева, самого длительного в цикле (из 50 звуков, тогда как другие фиты содержат от 34 до 43 звуков), напряженная предельно высокая тесситура, соотношение конечных ладовых опор трех

блоков, выраженное как восходящий секундовый ход *фа—соль—соль* и завершение всех трех блоков в виде восходящих вопросительных ходов придают фитному распеву вершинный кульминационный смысл. Это узел, стягивающий всю форму не только четвертого тропаря, но и всего цикла.

Гипертрофия кульминационного фитного развода уравнивается в последующих двух формулах (№ 20/46, 21/47) снижением области звучания (*ре—фа* и *до—соль*), сдержанной лаконичностью мелодического развития. Наличие во второй из формул ключевого кадансирующего оборота свидетельствует, что она завершает четвертую часть.

Последняя, пятая, часть тропаря открывается звучанием фитного распева на словах «освяти мя», уже встречавшегося на словах «крещения прося» (формула № 9/35). Эта фита присутствовала и в третьем тропаре (№ 5/22), где распевала слово «крещение» в обороте «и рабское крещение». В четвертом тропаре вновь ею акцентируется доминирующий смысл всего цикла — таинство Крещения. Следующая за фитной формула № 23/49 («и воды спасе») содержит кадансирующий ключевой оборот, что в данном случае свидетельствует о завершении предложения. Она согласуется единым распевом с формулой № 5/31 этого же тропаря на словах «путь Господене», которая также завершала предложение. Обе рассматриваемые формулы № 22/48 и 23/49 одна за другой полностью повторяют музыкальный материал формул № 9/35 и 10/36 четвертого тропаря, которые, как уже было сказано, завершали его вторую часть на словах «крещения прося / неведьи греха». В пятой части они также подытоживают развитие на словах: «освяти мя / и воды Спасе». Единообразие распева подчеркивает заключительный характер данных словесно-музыкальных оборотов во второй и пятой частях тропаря.

Две последние формулы тропаря (№ 24/50, 25/51) воспринимаются как некая «кода» на словах «во земля / и миру грехи». Музыкально они согласуются с завершающими формулами второго и третьего тропарей. Таким образом, подчеркивается функциональное единообразие этих финальных построений. Но если в более кратких втором и третьем тропарях две последние формулы выделялись в отдельную часть, то в четвертом они обе входят в пятую часть как ее завершение.

В целом пятая часть характеризуется возвращением к звукам мрачного и светлого согласий в диапазоне *си—соль*, что постепенно уравнивает взлет мелодии в тресветлом согласии к звуку *до* в кульминации цикла (четвертая часть тропаря). В завершении вновь утверждается ла-

довая опора *ре*.

Итак, исследование показало, что все четыре тропаря образуют единый цикл. С каждым из них последовательно нарастает протяженность мелодии. Первый тропарь, самый краткий, состоит из 8 формул, не имеет фитных распевов. Второй и третий тропари содержат по девять формул, но в третьем музыкальное пространство расширено дополнительной фитой (во втором их 2, в третьем — 3). Количество формул четвертого тропаря почти равняется общему числу формул всех предшествующих. Количество фит в четвертом тропаре равно их количеству в предыдущих тропарях. Четвертый тропарь обобщает не только количество формул. В нем дано обобщение всех приемов формообразования в зависимости от смыслового содержания текста, представлены ключевые, общие для всех тропарей формулы, в том числе фитные, продолжено развитие драматургии кульминационных зон и вопросно-ответное соотношение завершающих песнопения формул. Единство циклу тропарей обеспечивают: типизированные финалисы; ключевой кадансирующий оборот; согласование едиными формулами начальных и завершающих строк крупных разделов-частей, определяющее музыкальные особенности формы; драматургия кульминационных зон, приходящихся на точки золотого сечения каждого тропаря и подобное же кульминационное обобщение всего цикла, приходящееся также на точку золотого сечения всей формы в четвертом тропаре; единая ладовая опора *ре*, несущая тоникальность и, наконец, стилистические особенности Путьевого распева. Все это объединяет цикл в единство, которое служит наиболее полному раскрытию глубокого смысла таинства Крещения. Особую роль в этом играют фиты, которые своими длительными разводами акцентируют ключевые в смысловом отношении образно-символические вершины гимнографического текста, а также формируют кульминационную сферу всего цикла.

Примечания

1. См.: Парфентьева, Н.В. Певческий цикл «Тропари Иорданские» в русской рукописной традиции XII—XVII вв. / Н.В. Парфентьева // *Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр.* — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. — Вып. 5. — С. 83—99; Парфентьева, Н.В. Певческий цикл «Тропари Иорданские» в распеве московского мастера XVI в. Федора Крестьянина / Н.В. Парфентьева // *Традиции и новации в отечественной духовной культуре: сб. материалов Четвертой Южно-Уральской межвуз. науч.-практ. конф.* — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. — С. 3—20.

2. Подробнее см.: Парфентьев, Н.П. О совершенствовании метода исследования произведений мастеров древнерусского музыкально-письменного искусства / Н.П. Парфентьев // *Традиции и новации в отечественной духовной культуре: Сб. материалов Второй Южно-Уральской межвуз. науч.-практич. конф.* — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2005. — С. 4—10.

3. Напр.: РГАДА. Ф. 381. № 282. Л. 129—131об.; № 284. Л. 133—137; № 307. Л. 310—314; РГБ. Ф. 205. № 246. Л. 290—295.

4. Отметим, что реконструированная нами на основе певческого цикла «Тропари иорданские» формульно-интонационная азбука Путьевого распева Федора Крестьянина содержит 51 формулу. Все формулы представлены в таблице в виде крюковых начертаний и их разводов, а также и в переводе на современную нотацию (опубл.: Парфентьева, Н.В. Формульно-интонационная азбука московского распевщика XVI в. Федора Крестьянина / Н.В. Парфентьева // *Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр.* — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2006. — Вып. 4. — С. 186—197). Далее наша работа по выявлению образно-смыслового содержания цикла опирается на данную азбуку мастера. Её уточненный в некоторых деталях вариант помещен в приложении к данной статье.

5 Здесь и далее порядковые номера формул соответствуют их номерам в формульно-интонационной азбуке Путьевого распева Федора Крестьянина (см. приложение).

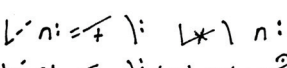
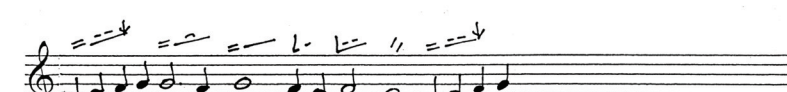
6 См.: Бражников, М.В. Фиты и лица знаменного распева: исследование / М.В. Бражников. — Л. : Музыка, 1984. — 302 с.

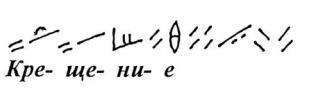

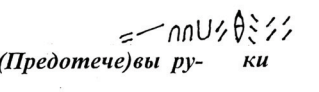

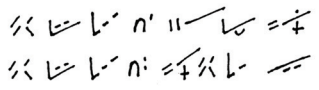
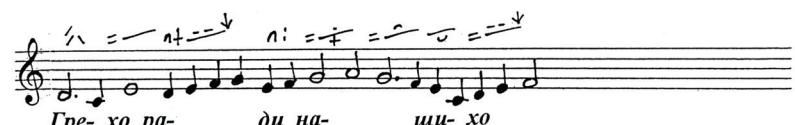
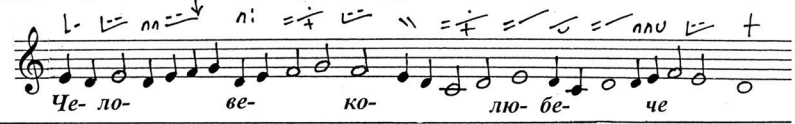
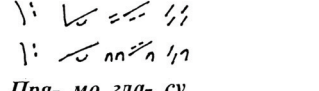
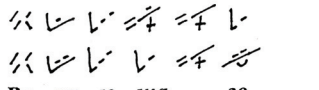
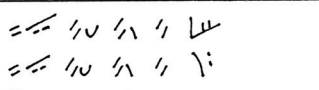

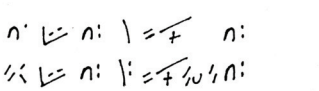

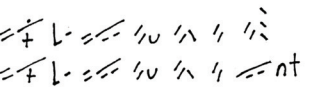

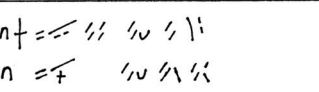
7. Здесь и далее в подобных случаях номера указывают следующее: первая цифра обозначает порядок следования формул в составе данного тропаря, вторая цифра — в составе всего цикла тропарей (см. также приложение).

Формульно-интонационная азбука
Путевого распева московского распевщика Федора Крестьянина

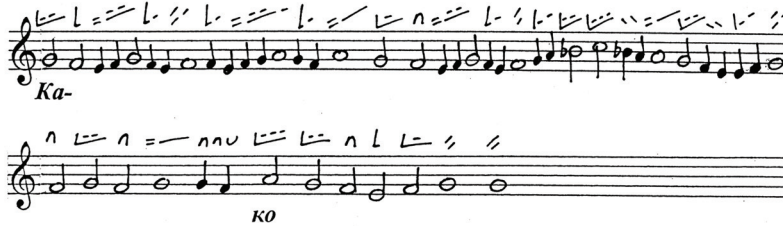
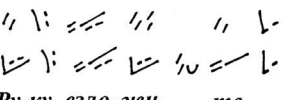
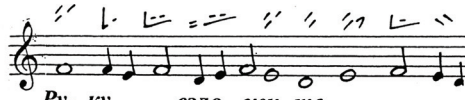
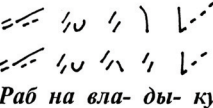

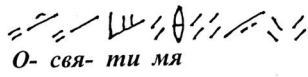
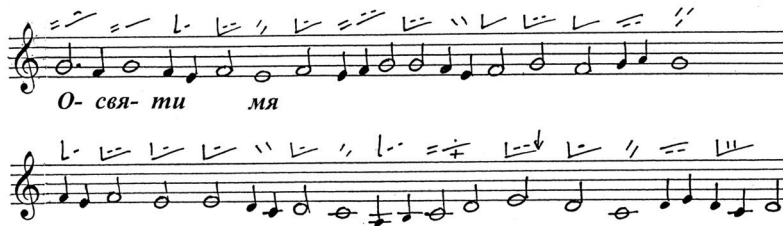
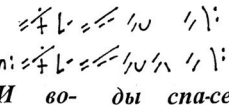

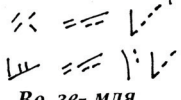

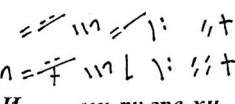
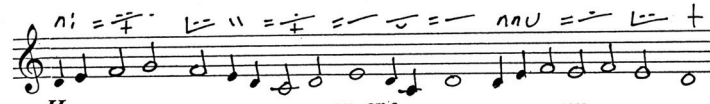
№ п.п.	Начертание формулы	Развод формулы
1	$\begin{matrix} n\ \dot{n}i \\ n\ \dot{n}i \end{matrix}$ Гласо Го-спо-де-не	
2	$\begin{matrix} \dot{v}\ \dot{n}i \\ \dot{v}\ \dot{n}i \end{matrix}$ На во-да-хо	
3	$\begin{matrix} \dot{v}\ \dot{n}i \\ \dot{v}\ \dot{n}i \end{matrix}$ Во-ни-е-те гла-го-ля	
4	$\begin{matrix} \dot{v}\ \dot{v} \\ \dot{v}\ \dot{v} \end{matrix}$ При-де-те приме-те	
5	$\begin{matrix} \dot{v}\ \dot{v} \\ \dot{v}\ \dot{v} \end{matrix}$ Ду-хо пре-му-дро-сти	
6	$\begin{matrix} \dot{v}\ \dot{v} \\ \dot{v}\ \dot{v} \end{matrix}$ Ду-хо ра-зу-ма	
7	$\begin{matrix} \dot{v}\ \dot{v} \\ \dot{v}\ \dot{v} \end{matrix}$ Ду-хо страха бо-жи-я	
8	$\begin{matrix} \dot{v}\ \dot{v} \\ \dot{v}\ \dot{v} \end{matrix}$ Яв-ля-ша-го-ся Христа	
9	$\begin{matrix} \dot{n}i \\ \dot{n}i \end{matrix}$ Де-не-се	
10	$\begin{matrix} \dot{v} \\ \dot{v} \end{matrix}$ Во-де-ни-и	
11	$\begin{matrix} \dot{v} \\ \dot{v} \end{matrix}$ О-свя-ща-ю-те-ся	

Искусствоведение

12	 <p>(Соста)-ви</p>	 <p>Со-ста-вы</p>
13	 <p>И ра-зде-ля-е-те-ся</p>	 <p>И ра-зде-ля-е-те-ся</p>
14	 <p>И-е-рда-но</p>	 <p>И-е-рда-но</p>
15	 <p>(Возвращае)те стру-я</p>	 <p>-те стру-я</p>
16	 <p>Вла-ды-ку ви-дя</p>	 <p>Вла-ды-ку ви-дя</p>
17	 <p>Кре-ща-ю-ща-ся</p>	 <p>Кре-ща-ю-ща-ся</p>
18	 <p>Я-ко че-ло-ве-ко</p>	 <p>Я-ко че-ло-ве-ко</p>
19	 <p>На ре-ку</p>	 <p>На ре-ку</p>
20	 <p>Приде Христе це-са-рю</p>	 <p>При-де Хри-сте ца-рю</p>
21	 <p>И ра-бе-ско-е</p>	 <p>И ра-бе-ско-е</p>

<p>22</p>	 <p>Кре-ще-ни-е</p>	 <p>Кре-ще-ни-е</p>
<p>23</p>	 <p>При-я-ти ти-щи-ши-ся бла-же</p>	 <p>Во-спри-я-ти ти-щи-ши-ся бла-же</p>
<p>24</p>	 <p>(Предотече)вы ру-ки</p>	 <p>Ру-ки</p>
<p>25</p>	 <p>Гре-хо ра-ди на-ши-хо</p>	 <p>Гре-хо ра-ди на-ши-хо</p>
<p>26</p>	 <p>Че-ло-ве-ко-лю-бе-че</p>	 <p>Че-ло-ве-ко-лю-бе-че</p>
<p>27</p>	 <p>Пря-мо гла-су</p>	 <p>Пря-мо гла-су</p>
<p>28</p>	 <p>Во-ни-ю-ща-го</p>	 <p>Во-ни-ю-ща-го</p>
<p>29</p>	 <p>Во пу-сты-ни</p>	 <p>Во пу-сты-ни</p>
<p>30</p>	 <p>У-го-то-ва-и-те</p>	 <p>У-го-то-ва-и-те</p>
<p>31</p>	 <p>Пу-те-Го-спо-де-не</p>	 <p>Пу-те-Го-спо-де-не</p>
<p>32</p>	 <p>При-де Го-спо-де</p>	 <p>При-де Го-спо-де</p>
<p>33</p>	 <p>О-бра-зо ра-би-и</p>	 <p>О-бра-зо ра-би-и</p>

34	 <p>Во-спи- и- мо</p>	 <p>Во- спи- и- мо</p>
35	 <p>(Креще)ни- я про- ся</p>	 <p>ни- я про- ся</p>
36	 <p>Не- ве- ды- и гре- ха</p>	 <p>Не- ве- ды- и гре- ха</p>
37	 <p>Ви- де- ша тя</p>	 <p>Ви- де- ша тя</p>
38	 <p>Во-ды и у- бо- я- ша- ся</p>	 <p>Во- ды и у- бо- я- ша- ся</p>
39	 <p>Тре- не- тен бы- во</p>	 <p>Тре- не- тен бы- во</p>
40	 <p>(Шредо)- те- ча</p>	 <p>Пре-до- те- ча</p>
41	 <p>И во- зо- ни гла- го- ля</p>	 <p>И во- зо- ни гла- го- ля</p>
42	 <p>Ка- ко</p>	 <p>Ка- ко</p>
43	 <p>Про- све- ти- те</p>	 <p>Про- све- ти- те</p>
44	 <p>Светиле-ни- ко све- та</p>	 <p>Све- ти- ле- ни- ко све- та</p>

45	 <p>Ка- ко</p>	 <p>Ка- ко</p>
46	 <p>Ру-ку взло-жи- те</p>	 <p>Ру- ку взло- жи те</p>
47	 <p>Раб на вла- ды- ку</p>	 <p>Раб на вла- ды- ку</p>
48	 <p>О- свя- ти мя</p>	 <p>О- свя- ти мя</p>
49	 <p>И во- ды спа-се</p>	 <p>И во- ды спа- се</p>
50	 <p>Во зе- мля</p>	 <p>Во зе- мля</p>
51	 <p>И ми- ру гре- хи</p>	 <p>И ми- ру гре- хи</p>

Поступила в редакцию 18 августа 2008 г.

Парфентьева Наталья Владимировна, родилась в 1955 г., декан исторического факультета ЮУрГУ, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации. В 1981 г. с отличием окончила Челябинский государственный институт (ныне — академия) искусства и культуры. Автор более 50 трудов, в том числе 3 монографий, в области истории и теории древнерусского искусства. E-mail: panv@susu.ac.ru

Parfentieva Natalia Vladimirovna was born in 1955, is the Dean of the Historical Faculty of SUSU, PhD (Art History), Professor, honored worker of sciences of the Russian Federation. In 1981 she graduated with honors from Chelyabinsk State Institute (now Academy) of Arts and Humanities. She is author of more than 50 works, including 3 monographs in the field of the Old Russian Art. E-mail: panv@susu.ac.ru

НЕИЗВЕСТНОЕ ПАННО ФРИХ-ХАРА

И.Н. Писцова

UNKNOWN PICTURE BY FRIKH-HAR

I.N. Pistsova

В научный оборот вводится хранящееся в собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств монументальное керамическое панно замечательного советского скульптора, заслуженного художника РСФСР Исидора Григорьевича Фрих-Хара. Автор опирается на исследование всех существующих материалов и публикаций по творчеству Фрих-Хара. Целью статьи является атрибуция произведения (точное название, год и место создания), а также определение, когда и при каких обстоятельствах оно попало в музейную коллекцию. В исследовании, кроме искусствоведческого анализа, путем сопоставления с известными аналогами из других музейных коллекций, определяется место произведения в контексте творчества художника, а также в общем контексте советского искусства 1930-х гг. Благодаря изучению каталогов и публикаций, автор определяет наиболее точный временной отрезок создания произведения, а именно — после 1937 и до 1939 г. Введение в научный обиход неизвестного произведения Фрих-Хара дополнит картину творчества знаменитого керамиста.

Ключевые слова: монументальный керамический рельеф, условный язык построения, колористика, пластический язык, динамика композиции, принцип многоярусного построения.

In the article the author introduces into scientific turn monumental ceramic panel of the Soviet sculptor, the Deserved artist of RSFSR Isidor Grigorievich Frikh-Har kept in the collection of the Ekaterinburg museum of the fine arts. The author relies on research of all existing materials and publications on creativity of Frikh-Har. The purpose of this article is ascription of the work (the exact name, year and a place of creation) and definition of time and circumstances and which the work got into the museum collection. Except for art criticism analysis in the research the author defines the place of the work in the context of all artist's works and the general context of Soviet art of 1930s by comparison the work with the other works from other museum collections. Thanks to studying of catalogues and publications the author manages to define the exact time period of creation of the work, namely it is after 1937 and before 1939. Introduction of the unknown work by Frikh-Har into scientific turn will supplement the view of famous ceramist's works.

Keywords: monumental ceramic relief, reference language of construction, coloristics, plastic language, dynamics of composition, multistage construction principle.

В фондах Екатеринбургского музея изобразительных искусств (ЕМИИ) хранится монументальное керамическое панно советского скульптора, заслуженного художника РСФСР, Исидора Григорьевича Фрих-Хара, которое было передано сюда в 1946 г.¹ В акте поступления панно было названо «Праздник». О таком названии майолики свидетельствует надпись, сделанная автором на изображении справа по вертикали на красном фоне белым: «12/ дека-/ бря / 1937/ года».

Указанная художником дата была днем выборов в Верховный Совет и Совет Национальностей СССР, зафиксированным в Конституции 1936 г. и объявленным всенародным праздником.

В ходе исследования — изучения каталогов выставок, публикаций в газетах и журналах по искусству, архивных документов — удалось выяснить, что возможно наше панно экспонировалось на нескольких выставках под названием «Сталинская конституция».

Фрих-Хар впервые представил монументальный керамический рельеф, изображающий исторически важное политическое событие, в 1939 г. на выставке «Сталин и люди советской страны в изобразительном искусстве», проходившей в Государственной Третьяковской галерее. В том же году был издан каталог², но в нем отсутствует воспроизведение панно, лишь названы размеры (300х250 см) и техника (майолика), сообщается также, что выполнено оно было на фаянсовом заводе им. М.И. Калинина в Конаково.

В 1941 г. в «Выставке лучших произведений советских художников», которая также проходила в Государственной Третьяковской галерее, скульптор снова участвует с произведением под тем же названием. В рукописном каталоге 1941 г., хранящемся в отделе рукописей ГТГ указаны: год создания — 1939, техника — майолика, размеры — 320х220. Отмечено, что это панно было приобретено Московской закупочной комиссией³.

На 8-й республиканской «Выставке лучших произведений художников Киргизии 1932—1942», проходившей в 1942 г. в городе Фрунзе, скульптор демонстрировал произведение уже под названием «Празднование Сталинской Конституции в Киргизии». В выпущенном тогда каталоге приведено краткое описание монументального рельефа, совпадающее с нашим: «И.Г. Фрих-Хар показывает на нашей выставке работы, представляющие две различные струи в его творчестве. Один из видных представителей керамической скульптуры, влюбленный в красочное великолепие цветного фаянса, Фрих-Хар полностью раскрывает свое декоративное мастерство в большом рельефе «Празднование Сталинской конституции». В условных формах, близких народному искусству, он дает синтетический образ киргизского нового быта в смелом сочетании горного пейзажа, народных музыкантов, красной конницы, праздничной трибуны»⁴. По данным каталога соответствует техника, но размеры произведения существенно не совпадают с нашим рельефом — 360х230. Трудно предположить, что составители каталога могли допустить такую ошибку при обмерах произведения, скорее всего, Фрих-Хар представил на эту выставку другой барельеф на ту же самую тему. Выше приведенная цитата из вступительной статьи к каталогу позволяет сделать предположение, (если обмеры сделаны точно), что этот рельеф, возможно, является авторским вариантом нашего, тем более что в каталоге указана дата создания 1937—1938 гг.⁵

После выставки в городе Фрунзе в 1942 г. и до 1946 г., когда в фонды Свердловской картинной галереи поступил наш рельеф, участие Фрих-Хара в выставках с произведением подобного названия и размеров пока обнаружить не удалось.

Наше майоликовое панно, представляет собой состоящий из 49 частей монументальный рельеф, его размеры — 320х218 см (рис. 1).

Интересно сравнить его с панно из ГТГ «Праздник в азербайджанском колхозе» (135х265), выполненном в 1936 г. (рис. 2). Особенно наглядно прослеживаются аналогии между двумя произведениями при рассмотрении среднего яруса нашего панно. И в том, и в другом случае четко определен центр, который справа и слева замыкают вертикали ростовых фигур. Фигуры центральных групп срезаны горизонталями трибуны (ЕМИИ) и накрытого стола (ГТГ). На трибуне с группой из пяти человек фигура оратора — главная, она выполнена в высоком рельефе, близком к полному объему. Благодаря цветовому акценту — синий халат — художник дополнительно подчеркивает эту доминанту композиции. Автор, кроме того, расположил ее в точке геометрического центра произведения. Фигуры второго плана — женщина, мальчик и двое мужчин — изображены за фигурой выступающего. В построении всех трех ярусов рельефа ЕМИИ интересна «игра» масштабов — крупные фигуры музыкантов объединяют три пространства: слева у трибуны изображение уходящей в перспективу толпы и скульптурную группу на самой трибуне, далее пространство нижнего яруса, в котором слева направо в размеренном ритме движения изображены всадники и, наконец, пространство верхнего яруса за архитектурным мотивом, простирающегося до горных вершин, в котором тоже есть свой персонаж — пастух со стадом овец. В каждом из трех пространств заданы свои масштабы, и действие развивается по своим законам. Архитектоника построения подчеркнута вытянутыми пропорциями фланкирующих вертикальных фигур, полосы на халатах музыкантов разработаны не цветом, а рельефно, внося особую ноту лаконизма в общий ритм произведений.

При всей сочности колорита преобладание белого цвета усиливает ощущение глубины пространства, несмотря на условный язык его построения. Своеобразие колористики и пластического языка Фрих-Хара, тяготеющего к народному искусству, создает неповторимую органику его произведений. К примеру, красный цвет как атрибут любого советского праздника используется Фрих-Харом здесь очень тактично. Это не подавляюще большие локальные пятна, а яркие, но небольшие всплески на объеме знамени в руках всадника, на флажках, украшающих трибуну и вертикалях флагов и лозунгов слева и справа.

Интерес к подробностям и деталям, в отличие от народного искусства, у Фрих-Хара обрывается остротой характеристики самого времени, в котором происходит действие: это белый цвет бумажного листа с речью в руках оратора,

Рис. 1

Рис. 2

который нарушает ритм ряда флажков справа и привлекает внимание зрителя, это и прославляющие лозунги на русском и киргизском языках, дополняющие повествование. В пространственном и колористическом строе рельефа не последнюю роль играет ритмика двух диагоналей зеленых деревьев, лучами расходящихся от центра к верхнему краю произведения. Этот прием, при всей статичности фигур среднего яруса, дает почувствовать общую динамику композиции, которую завершает снизу горизонталь движения всадников.

Остается только отметить, что в рельефе из ЕМИИ Фрих-Хар впервые, насколько нам известно, применил принцип многоярусного построения композиции. Интересен он и разработкой объемов от контррельефа до горельефа, разнообразием лепки и богатством фактур, обилием белого цвета, делающего его светоносным и в пространственном отношении чрезвычайно выразительным.

Первая попытка определить точную дату создания нашего рельефа, затем проследить его судьбу до передачи в фонды Свердловской картинной галереи позволяет предположить пока, что возможно он был представлен на двух выставках: «Сталин и люди советской страны в изобразительном искусстве» (1939, Москва, ГТГ) и

«Лучшие произведения советских художников в живописи и скульптуре» (1941, Москва, ГТГ).

Было бы большой удачей найти рельеф, который экспонировался в городе Фрунзе, чтобы можно было сравнить с нашим. Для большей уверенности в определении даты создания произведения предстоит уточнить, он ли был представлен на трех выставках, упомянутых нами. Пока можно только определить временной отрезок: после 1937 и до 1939 г.

Примечания

1. ЕМИИ. Отдел хранения. Фонд декоративно-прикладного искусства. Панно передано Государственной закупочной комиссией по акту № 574, на основании распоряжения ГлавИЗО Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР от 3 июня 1946 г.

2. Сталин и люди советской страны в изобразительном искусстве. Каталог. — М., 1939.

3. Выставка «Лучшие произведения советских художников в живописи и скульптуре». Рукописный каталог 1941 г.: ГТГ, ОР, Ф. 8 II. Д. 40. С. 182—183.

4. Выставка лучших произведений художников Киргизии 1932—1942. Каталог. — Фрунзе, 1942. — С. 22—23.

5. Там же. — С. 40: «Празднование Сталинской Конституции в Киргизии. Барельеф, 1937—38 гг. Майолика 360×230».

Поступила в редакцию 15 августа 2008 г.

Писцова Ирина Николаевна. В 2002 г. окончила факультет искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета (Екатеринбург). Работает научным сотрудником Екатеринбургского музея изобразительных искусств. Сфера научных интересов — декоративно-прикладное искусство. E-mail: inpemii@mail.ru.

Pistsova Irina Nikolaevna. In 2002 she graduated from the Art History and Cultural Studies Faculty of Ural State University (city of Ekaterinburg). She works as a research assistant at the Ekaterinburg Museum of Fine Arts. Professional interests: arts and crafts. E-mail: inpemii@mail.ru.

АРХИТЕКТУРА МУСУЛЬМАНСКИХ И ЛАМАИСТСКИХ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ ЮЖНОГО УРАЛА В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА*

Е.В. Пономаренко

ARCHITECTURE OF MUSLEM AND LAMAISTIC BUILDINGS FOR PUBLIC WORSHIP OF SOUTH URAL IN XVIII — FIRST HALF OF XIX CENTURY

E.V. Ponomarenko

Рассматривается широкий круг вопросов, связанных с культовой архитектурой мусульманской и ламаистской групп населения Южного Урала. Выявлен интересный пласт наследия региона. Приведен обширный материал натурных обследований памятников и анализа чертежей. На основе этих материалов и воспоминаний очевидцев проанализированы характерные черты мусульманской и ламаистской культовой архитектуры.

Ключевые слова: этнический и конфессиональный состав населения Южного Урала, особенности архитектуры мечетей XVIII века, особенности архитектуры мечетей XIX века, планировка и характерные черты архитектуры ламаистских сооружений.

The article considers wide range of questions connected with religious architecture of Muslem and Lamaistic groups of population of South Ural. An interesting layer of the regional heritage was revealed. The extensive material of examinations of monument and analysis of drawings is presented. On base of this material and recollections of eyewitnesses typical features of Muslim and Lamaistic religious architecture are analyzed.

The Keywords: ethnic and religious composition of the population of South Ural, particularities of the architecture of the mosques of XVIII century, particularities of the architecture of the mosques of XIX century, planning and features of architecture of Lamaistic buildings.

До начала полномасштабной русской колонизации Южного Урала во второй трети XVIII в. основным населением края было башкирское. В результате строительства русских крепостей и принудительного переселения в них казаков национальный состав жителей Южного Урала оказался весьма пестрым. Вместе с русским населением на территорию региона мигрировали представители различных этнических групп. В результате христианские и исламские конфессиональные общины приобрели неоднородный состав. К христианскому вероисповеданию относились: русские, украинцы, немцы, поляки и др. Особенностью региона являлось значительное количество мусульман, в том числе переселенцев. Третьей конфессиональной группой региона были буддисты-ламаисты. Это была менее многочисленная группа, чем христиане и мусульмане, но и она играла определенную роль в формировании архи-

тектурно-градостроительного наследия региона.

Миграции представителей различных этнических групп привели к тому, что к концу века преобладающим населением края вместо башкирского стало русское. По данным третьей ревизии 1767 года русское население Южного Урала составляло примерно треть всех жителей, а основная часть приходилась на нерусские народности. Самой многочисленной категорией податного населения региона являлось крестьянство — 97,8%. Оно распределялось следующим образом: 46,2% всех жителей приходилось на долю ясачных крестьян, 33,4% — теплярей и бобылей, 8,2% — помещицких, 5,9% — помещицких, 5,7% — экономических, 4% — дворцовых, 2,8% — приписных к частным заводам и т. п.¹

Уже по данным ревизии 1781 года, самыми многочисленными жителями Южного Урала были русские, составлявшие 56,6%. Почти втрое меньше на

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 07-06-96004

территории башкир проживало — 22,8 %. Тепляры составляли 13,9 %, а мещеряки — 5,3 %. Все остальные народности (крещенные калмыки, татары, чуваша, марийцы и др.) — 1,4 %. При этом городское население края составляло 1,01%, а сельское — 98,99%. Татары, согласно ревизии 1745 года впервые появились на Южном Урале в этом году и составляли тогда 2,4 %. В основном это были военные, их называли «служилые татары»².

После завоевания Казани на всей российской территории некоторое время происходило разрушение мусульманских культовых зданий, но положение изменилось после указа Сената 1773 года «О терпимости всех вероисповеданий», в результате которого в российских городах мечети начали широко строиться. Большое количество переселенцев из Поволжья способствовало экспансии волго-камской архитектурной традиции. Как отмечает исследователь мусульманской архитектуры этого региона Н.Х. Халитов, традиция культовой архитектуры поволжских татар сохранила к середине XVIII века два основных типа мечети: центрально-купольные «джамии» и «мэхэлля» — однозальную (столпную) мечеть с минаретом в центре двускатной крыши. Архитектура татарских мечетей в этот период во многом утратила традиции монументальности. Это были небольшие здания, исчез их градообразующий масштабный характер³.

Однозальные мечети XVIII века с минаретом на крыше были однотипны как в плане, так и по композиции. Они ставились на высокий хозяйственный подклет с отдельным входом снаружи. Объемная композиция здания строилась на распластанном четко ограниченном объеме здания и мощной вертикали остроконечного минарета. Эти здания были вытянуты не поперек, а вдоль кыблы (направление на Мекку) и часто имели закрытую площадку (азанчи) на крыше, что объясняется более суровыми климатическими условиями, чем у их среднеазиатских прототипов. Вход в северной или восточной стене вел в сени, где размещалась лестница на чердак и дверь в молельный зал. На чердаке по специальной дощатой дорожке можно было пройти к минарету, на верхнюю площадку которого вела винтовая лестница. Обычно башня завершалась высоким деревянным шатром с полумесяцем. В южной стене молельного зала находилась михрабная ниша, снаружи имевшая вид пристроя прямоугольной формы, в ряде случаев консольно нависавшего над землей. Срубные одно-двухэтажные здания покрывались высокой двускатной крышей. Минарет конструктивно представлял собой бревенчатый восьмигранный каркас, крепившийся к стропилам и балкам перекрытия и обшитый, как правило, горизонтальными рядами досок. Для силуэта характерен контраст

тонкого изящного ажурного минарета и массивного статичного объема здания при общей симметричности композиции. Нижняя часть шатра перебивалась двойным дощатым карнизом. Восьмигранный стержень делился пополам карнизом на уровне площадки. Под восьмериком мог располагаться небольшой четверик. В интерьере мечети наблюдалось разделение на три помещения: первое (сени) — для обуви молящихся, второе — для молящихся, третье пред михрабом — для духовенства. Рядом с михрабом делалось возвышение, откуда мулла произносил проповеди.

Например, в поселке Татарская Каргала Сакмарского района Оренбургской области сохранилась каменная мечеть подобного типа 1749 года строительства, исследованная автором. Ее композиция усложнена дополнительными приделами, фланкирующими вход, что придает плану крестообразную форму. Основной объем — более узкий в районе сеней — расширяется в области молельного зала. Минарет деревянный невысокой с шатровым покрытием. Михраб выступает как эркер полуцилиндрической формы и напоминает небольшую апсиду православного храма, перекрытую конхой. Основным декоративным мотивом стен выступают высокие плоские ниши, в которые заключены окна с полуциркулярным завершением. Все здание опоясывает сильно выступающий профилированный карниз. На главном и боковых фасадах окна имеют плоские наличники с выделенным замковым камнем. Главный фасад и приделы декорированы по углам рустованными лопатками. Таким образом, налицо переплетение черт русской стилиевой и традиционной волго-камской архитектуры.

Мечеть № 8 в поселке Каргалы в Башкирии была построена в 1790 году Махди-Китлов-беом. Она представляла собой одноэтажный объем с купольной главкой на цилиндрическом барабане над главным залом. Вход в мечеть был фланкирован двумя минаретами, внешним видом напоминавшими средневековые болгарские. Акцентированная арка входа между башнями ассоциативно дополняла это сходство. В то же время, в стилиевом отношении мечеть № 8 явно решалась архитектором в духе русского барокко середины XVIII века, в сочетании с упомянутыми башнями придававшими зданию несколько эклектический облик.

Центрально-купольные мечети имели двухэтажные сени и примыкающий по оси здания с севера высокий минарет. Например, мечеть Менового двора в г. Яике (Уральске) зарисованная в середине XVIII в. П.И. Рычковым⁴.

Судя по его рисунку, здание имело прямоугольный или квадратный план, центральный ку-

польный зал и два угловых минарета. Несмотря на схематичность изображения на рисунке хорошо различимы два массивных цилиндрических с утонением минарета, диагонально встроенные в углы здания. Башни увенчаны куполами, имеют внешние консольные галереи. Купол над центральным залом, увенчан цилиндрическим барабаном с маковкой и полумесяцем на шатре. Мечети такой же купольной конструкции распространены в Азербайджане, Турции, Иране, Средней Азии, но южноуральские мечети отличаются приземистостью пропорций, тяжеловесностью форм и лаконичностью внешнего декора.

С начала XIX века в Оренбургской губернии строительство мечетей еще более расширилось, число их к 1833 году достигло 1717. Как доносил в 1806 году пресвященный Августин обер-прокурору Св. Синода А.Н. Голицину, «во всех уездах Оренбургской епархии великое множество татарских селений с их мечетями и училищами»⁵.

Например, старейшая мечеть Оренбурга находилась в центре города между Мечетной улицей и Татарским переулком. Мечеть № 1 была заложена в 1803 году на казенные средства, закончена в 1805 году и расширена в 1874 году. В образном отношении она близка к болгарскому стилю средневековой исламской архитектуры.

Наиболее интересными в архитектурном отношении в Оренбурге были Караван-Сарайская и гостинодворская мечети. Мечеть Караван-сарая архитектора А.П. Брюллова была построена в 1836 году. По замыслу автора — это был композиционный центр комплекса караван-сарая. Расположена она была в центре каре, образованного двухэтажными каменными жилыми и торговыми корпусами. Само здание мечети в соответствии с «образцом» было центричное, в виде стрельчатого купола, поставленного на землю и опирающегося на восемь массивных контрфорсов. При строительстве, в отличие от образцового проекта, автор отнес вертикаль минарета на достаточное расстояние.

Троицкая мечеть № 3 была построена в 1863 году на средства Гыйси Мухаммед Юсуфа Яушева. Ее архитектура — это смесь русского классицизма и болгарско-татарских куполов, маковок, решения минаретов, декоративных деталей.

Интересная мечеть с отдельно стоящим минаретом была построена в Миассе. В настоящее время сохранился только минарет. Вот описание этой мечети конца XIX в.: «Магометанская мечеть в Миассе считается одной из лучших в Приуралье. Минарет ее стоит отдельно от мечети, в отличие от обыкновенного типа мечетей, у которых он пристроен всегда к крыше. Поставлен

он на четырехгранном основании, над которым высоко поднимается гранитная колонна; наверху колонны круглый балкон, обнесенный решеткой, выше балкона верх колонны заканчивается куполом, на котором водружен высокий острый шпиль, заканчивающийся золотым изображением мусульманского полумесяца»⁶.

Особо отмечает миасскую мечеть и М.А. Круковский: «Главной достопримечательностью Миасса можно считать мусульманскую мечеть, преимущественно ее минарет возвышается над всем заводом. Мечеть спрятана в одной из боковых улиц и стеснена домами, а, в сущности, следовало бы поставить это красивое здание на самом видном месте. Минарет стоит отдельно от мечети, в отличие от обыкновенного типа мечетей, у которых он пристроен всегда на крыше здания. Поставлен он на четырехгранном основании, над которым высоко вверх поднимается граненая колонна. Наверху колонны решетка. Мечеть эта справедливо считается самой красивой на Урале. На одной стороне города стоит исполинская ветряная мельница, на другой — заросшее огромными березами кладбище»⁷.

Культовые сооружения калмыков-ламаистов, чувашей и мордвы располагались в значимых для них местах, как правило, в глухих лесах. Это объяснялось почитанием деревьев и необычных природных феноменов. Определенную роль в таком их расположении играла политика принудительного крещения ламаистов. В XVIII веке по воспоминаниям И.И. Лепехина «Чуваши и мордва, хотя просвещены святым крещением, однако между ими попадают семьи, которые живут по старой вере, и редкую можно найти деревню, при которой бы не были видны остатки прежнего их богомолья. Они выбирают на такой конец место несколько отдаленное от своего жилища в лесу, куда для тишины, а может быть и для возбуждения потомков своих к люблению лесов, дабы тем удовлетворить их сохранению, удаляются, а не для сокрытия себя от иноверцев, как некоторые пишут: ибо кому не известно, что уже в самую глубокую древность язычники через такой набожности предмет сохраняли свой лес, посвящая их в покровительство разным ими обожаемым существам»⁸.

Мольбища чувашей назывались «ирзам», а мордвы — «кереметь». Композиционно они были одинаковы. Прямоугольная площадка, ориентированная по сторонам света, огораживалась с четырех сторон тыном. В нем делалось трое ворот: с востока запада и севера. «С восточной стороны вводят они жертвенный свой скот, в западные ворота входят люди, а через северные приносят воду. Причины сему они не знают, но говорят, что так от предков своих полу-

чили». Около восточных ворот вкапывали три столба, из которых к одному привязывали жертвенную лошадь, к другому быка или корову, а к третьему овец. Эти столбы назывались «тиркигать». Около западных ворот возводилось еще три столба, которые назывались «ююба». Жертвенный скот привязывали сначала к восточным столбам, а потом закалывали около западных. После жертвоприношения кожи мелких животных развешивали на восточных столбах, а крупных продавали. На вырученные деньги покупали соль для будущего богомолья. Несколько в стороне от западных ворот ставили «калду» или «поветь». Это сооружение представляло собой два столбика с поперечником, чтобы подвешивать котлы для варки животных, принесенных в жертву. Другое название этого места — «харайжигать», т. е. кухня. У северных ворот устанавливался полог или широкая лавка, на которой разрезали сваренное мясо на столько кусков, сколько было богомольцев. Эту лавку называли «хума».

Калмыки тоже имели свои мольбища, которые назывались «кин». Они располагались, также, в почитаемых местах, около священных природных объектов. «Летописцы их свидетельствуют, что они в старину были не кочевой народ. Да и ныне сии калмыцким именем называют одну пещеру, находящуюся при Соленом озере, отстоящем от Черного яра в 60 верстах на Уральской степи»⁹.

Другой тип мольбища назывался у калмыков «цаца», там проводились годовые (крупные) религиозные церемонии. «Цаца» устраивалась специально для каждой церемонии. По свидетельству И.И. Лепехина: «Тут делают новые капища, цаца называемые, и выбирают к сему угористое место. Цацу украшают вышесказанными уборами. Посередине ставят стол. А на стол ставят своих Бурханов. В цаце освещают все площадками, наполненными коровьим маслом; а святильня неотменно должна быть бумажная. Тут каждый калмык старается со своей стороны способствовать сему празднеству. Зажиточные перед Бурханами ставят благовонные свечи, а другие возжигают с коровьим маслом плошки, и ставят по горе около цацы. Тут бьют всякую скотину, и шесть чаш, называемых таккилин цегуце с сарацинским пшеном вместо жертвоприношения ставят перед Бурханами, вмеща в оные по малой части всякого животного. Во время служения в цаце бывает объявленная музыка [на священных инструментах]. Лама со всем причетом отправляет службу, состоящую в молитвах. Черные калмыки [не священники] ходят около цацы, и по троекратному обходу перед дверьми цацы кладут по три земные поклона, взирая на Бурханов и возлагая руки свои на голову. Когда читают важнейшие

молитвы, тогда молятся с сокрушенным сердцем, подгибая правую ногу, а левую скорча, и сложив ладони. Но чтобы никакой предмет не мог поколебать их мыслей, зашуривают глаза и потупляют голову. Принесенную жертву Бурханам никому есть не дозволяется, но пускают оную в текущую воду, например в ручей, речку и прочие; а остальную скотину едят богомольцы. Первую часть получает духовенство, и каждый из своего блюда по три щепотки откладывает, как некую жертву Бурханам, приговаривая за каждой щепоткой урбанердини»¹⁰.

Кроме того, у калмыков существовала традиция совершать свои богослужения в специальных кибитках или, позднее, в домах. Традиционные погребения калмыков отличались от русских. «Над погребениями ставят четыре шеста, обращенные на все части мира. На шестах вращают значки с надписью года и числа рождения и кончины покойника с молитвою к Бурханам»¹¹.

Таким образом, в южноуральских мечетях периодов барокко и классицизма зодчие использовали традиционные образы, но дополняли фасады элементами стилевой архитектуры: рустовкой, тягами, нишами, лопатками, пилястрами и наличниками, фронтонами, фризами и т.д. Архитектура мечетей Южного Урала второй половины XVIII — середины XIX века в целом не имела выраженного сходства с мечетями среднеазиатских и других южных народов. Более выражена была связь с волго-камским мусульманским зодчеством. В целом архитектура отличалась от традиционных южных типов планировочно и внешне. Культовые сооружения ламаистов этого периода известны нам только из описаний современников и, созданных на их основе, реконструкций.

Примечания

1. Прохоров, М.Ф. Крестьянская колонизация Оренбургского края в середине XVIII века / М.Ф. Прохоров // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. II. — Челябинск, 1995. — С. 11.

2. Пятаков, В.В. История Южного Урала / В.В. Пятаков. — Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1995. — С. 111.

3. Халитов, Н.Х. Мусульманская культовая архитектура Волго-Камья с IX до начала XX вв.: дисс. ... докт. арх. / Н.Х. Халитов. — М., 1992. — С. 152.

4. Мильков, Ф.Н. Жизнь и географические труды / Ф.Н. Мильков, П.И. Рычков. — М. : Гос. изд-во географической литературы, 1953. — С. 61.

5. Халитов, Н.Х. Мусульманская культовая архитектура Волго-Камья с IX до начала XX вв.: Дисс. ... докт. арх. / Н.Х. Халитов. — М., 1992. — С. 154.

6. Доброхотов, Ф.П. Урал Северный, Средний и Южный / Ф.П. Доброхотов. — Спб. : Тип. Б.А. Суворина, 1917. — С. 559.

7. Круковский, М.А. Южный Урал. Путевые очерки / М.А. Круковский. — М. : Изд-во К.И. Тихомирова, 1909. — С. 251.

8. Лепехин, И.И. Записки путешествия академика Ивана Лепехина / И.И. Лепехин. — Спб. : Императ. Акад. наук, 1821. — С. 173.

9. Там же. — С. 366.

10. Там же. — С. 368.

11. Там же. — С. 376.

Поступила в редакцию 20 августа 2008 г.

Пономаренко Елена Владимировна, кандидат архитектуры, доцент кафедры «Искусствоведения и культурологии» ЮУрГУ. Область научных интересов: история и теория архитектуры и градостроительства, реставрация и сохранение памятников архитектуры, градостроительство и архитектура Южного Урала в XVIII — начале XX вв. E-mail: evpon@mail.ru

Ponomarenko Elena Vladimirovna is a Cand.Sc. (Architecture), Associate Professor of the Art History and Cultural Studies Department of SUSU. Professional interests: history and theory of the architecture and town planning, restoration and preservation of the architecture monuments, town planning and architecture of the South Ural in XVII at the beginning of the XX century. E-mail: evpon@mail.ru

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР ЮЖНОГО УРАЛА 1920—1930-х гг.: ЭПОХА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Е.А. Шадрина

MUSICAL THEATRE OF SOUTH URAL IN 1920—1930-s: EPOCH OF ART EXPERIMENT

E.A. Shadrina

Автор рассматривает музыкально-театральные формы как средство агитационно-просветительского воздействия на широкого зрителя. Приводятся факты о «революционном» эксперименте региональных художников с академическими видами и жанрами музыкально-театрального искусства, о содержательных поисках театров художественной мозаики (музыкально-драматического кооператива), малых форм и сатиры (ТАМФС). Отмечается взаимосвязь использовавшихся художественных приемов с эстетическими задачами, преследовавшимися в ходе творческих экспериментов 20—30-х гг. Представленные наблюдения и выводы базируются на документальных материалах.

Ключевые слова: региональный музыкальный театр; формы и средства музыкально-театрального воздействия; творческие эксперименты 1920—1930-х гг.

The author considers the musical-theatrical forms as means of agitation-educational influence on the general public. The facts about «revolutionary» experiment of regional artists with the academic kinds and genres of musical-theatrical art, about substantial search by theatres of art mosaic (musical-drama cooperative society), small forms and satire (TAMFS) are mentioned. The interrelation of used art methods and aesthetic tasks pursued during creative experiments of 20—30 years is marked. The submitted observations and conclusions are based on documentary materials.

Keywords: Regional musical theatre; forms and means of musical-theatrical influence; creative experiments of 1920—1930 years

Решающую роль в самоопределении музыкального театра Южного Урала сыграли 1920—1930-е гг. — время активного утверждения советских государственности и мировоззрения в регионе. Провозглашенные в стране задачи культурного строительства — «идеологизация, утилитарность (ориентация на реализацию ... индустриализации), массовость»¹ — обусловили отношение к сфере искусства и исключительную оценку репрезентативного художественного языка. Общий интерес к театру, столь характерный для Европы и дореволюционной России в начале XX столетия, лишь усилился в стране в связи с возвышением социалистической идеологии. Эпоха, центральным объектом которой явились народные массы (по общеупотребимому высказыванию, «движущие» силы истории), была пронизана духом монументальности и всеобщности. Жизнестроительный пафос, ощущение масштабности совершающихся событий, свойственные 20—30-м гг., нашли отклик в суждениях совре-

менных художников о репрезентативном языке театра, как нельзя более отвечающего грандиозным замыслам времени: «Театр — единственная область, в которой художник еще может мечтать о большом празднике... может найти исход своей тоске о фреске»². Действительно, театральное искусство, по природе органично сочетавшееся с требованиями эпохи (установка на массовость, агитационный характер, монументальность и зрелищность) прочно утвердилось в качестве демократического вида творчества, наряду с кинематографом, книгой и полиграфией. Именно этим объясняется подлинный расцвет всех форм театральности в указанный период. Не было исключением и музыкальный театр, неотъемлемый от монументально-зрелищной атмосферы той эпохи.

Репрезентативность музыкально-театральных форм обладала привлекательностью как мощное средство утверждения и оправдания официальных идеологических программ, которое

можно было использовать в качестве агитационно-просветительского инструмента. Ее значение усиливалось в условиях провинциальной жизни, по мере удаленности от центров социально-политической активности, в повседневности регионов. На это указывают исследователи, обратившиеся к изучению региональной культуры Урала 20—30-х гг.³ Так, в период 30-х гг. музыкально-театральное искусство будет служить проводником идей соцреализма — художественной модели нового общества.

В то же время музыкальный театр стал сферой смелого экспериментирования с традиционными формами и жанрами. Требование времени — создание нового языка искусства — не могло не затронуть и эту область регионального творчества. Южный Урал был вовлечен в процесс распространения идеологии Пролеткульта, официально провозглашенной на страницах советской прессы в начале 20-х гг.⁴ В понимании южно-уральских художественных критиков, «революционные» виды театрального действия воспринимались как «особенная форма борьбы между старым и новым, между отживающим и нарождающимся»⁵. Этим объясняется стремление к всевозможным новациям в области монументально-зрелищного искусства⁶.

Одним из наиболее распространенных способов пролетарского обновления культуры в 20-е гг. становится переделка произведений из классического театрального репертуара. Авангардная установка на актуальность и демократизацию творчества привела к возникновению особой практики — создания осовремененных версий широко известных оперных шедевров. Так, в Челябинске была осуществлена подобная постановка оперы Ш. Гуно «Фауст». Свидетельство о характере и содержании спектакля содержится в короткой газетной заметке: «Сегодня в городском саду «Фауст»». Музыка Морозова, инструментовка с отрывками из оперы Гуно Слоцова. Хормейстер Судариков, постановка Сметанина-Уральского. Перед началом спектакля доклад т. Правдухина»⁷.

В начале 20-х гг. (предположительно, в 1921 г.) один из энтузиастов новой пролетарской культуры в Челябинске, режиссер Сметанин-Уральский создал театральный коллектив, получивший специфическое название, — театр художественной мозаики, или музыкально-драматический кооператив. Среди солистов труппы были как профессиональные вокалисты (певцы П. Корнилов, И. Крупейников, С. Сурьянинова, Т. Шорникова, Т. Славина), так и инструменталисты (пианисты Ю. Пенц и М. Костромина, виолончелист В. Костромин)⁸. Очевидно, что члены труппы должны были обладать навыками драматического мастерства. Идея творческого эксперимен-

та выразилась в синтезе разнообразных музыкально-театральных форм в рамках одного спектакля. Не случайно в репертуаре труппы преобладали постановки «мозаики», в которых смешивались разные жанры — скетчи, интермедии, сольные музыкальные номера, небольшие спектакли, отрывки из опер и симфонических произведений.

Наиболее ярким образцом эксперимента в области музыкально-драматических форм на Урале следует считать организацию театра малых форм и сатиры (ТАМФС). Возникший осенью 1930 г. в Ирбите ТАМФС в дальнейшем стал своеобразным фундаментом челябинского театра оперетты. Динамика творческой эволюции театра свидетельствует о его тесной связи с эстетикой Пролеткульта. Ранние спектакли, поставленные режиссером В. Ахматовым и игравшиеся труппой из тринадцати человек, представляли собой циклы, составленные из «малых форм». Сюитно-монтажному принципу было подчинено действие в постановках «Пятилетка в четыре года», «Джаз-банд», «Красный вымпел», сатирической пьесе «Девушка из семнадцатого»⁹. Намеренная калейдоскопичность содержания, быстрая сменяемость номеров усиливали сходство с традициями «живой газеты», театрализовавшейся синемблужниками, вызывали чувство ритмического динамизма, отражавшего энергию времени.

В критических статьях, посвященных деятельности театра, многократно подчеркивается роль эстетики *актуальности* в его постановках: «ТАМФС является политическим театром, поставил своей целью оздоровление советской эстрады и отражение сегодняшнего дня в актуальных темах»¹⁰. С возрастанием актуального содержания в спектаклях театра связано увеличение количества постановок на осовремененном материале. Так, в 1931—1932 гг. была поставлена оперетта «Дружная горка», авторы которой — В. Дешевов и Н. Двориков — по праву могут считаться «певцами» Пролеткульта в области музыкального театра. Весьма примечательна постановка оперетты «Оксана» Д. Морозова¹¹. Либретто было создано на основе повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» и представляло типичный образец советизации классики. Основу действия составлял идеологический конфликт бывшего красноармейца Вакулы и кулака Чуба, что, несомненно, способствовало актуализации гоголевского шедевра.

Можно предположить, что элементы художественной модернизации использовались и в других спектаклях ТАМФС — таких, как «Гейша» С. Джонса, «Прекрасная Елена» Ж. Оффенбаха. Этому способствовало и расширение спектра творческих возможностей коллектива (организа-

ция балетной студии), и доминирующее значение сатиры в содержании постановок. Не случайно в дальнейшем ТАМФС был переименован в театр классической буффонады.

Важнейшим проявлением экспериментально-го духа эпохи следует считать *студийное движение* на Южном Урале. Атмосфера лабораторности, свободы художественных поисков во многом поддерживалась благодаря деятельности мобильных творческих коллективов — студий, в недрах которых формировались основы профессионального музыкального театра региона. Первые музыкально-драматические студии появляются уже в конце 1910-х гг., на базе кружков самодеятельного творчества пролетариев. Так, в 1919 г. в г. Стерлитамаке (столице Малой Башкирии) возник первый башкирский национальный театр-студия, выросший из кружка татаро-башкирской красноармейской самодеятельности¹². К середине 20-х гг. была сформирована передвижная труппа театра. В дальнейшем «передвижничество» как способ манифестации нового пролетарского искусства стало одной из самых значительных форм эстетического и идеологического воздействия на народные массы. В начале 30-х гг. в Башкирии возникли передвижные колхозно-совхозные театры для сельской публики — Аургазинский, Баймакский, Дюртюлинский, Илишевский, Кигинский и др.¹³

Следует упомянуть о влиянии театральной студии Перми, организованной в 1925 г. и осуществлявшей подготовку артистов балета, драмы, хора и оркестра¹⁴. Пермский опыт послужил примером при организации подобных студийных коллективов в городах Южного Урала.

Студийное движение способствовало развитию музыкально-театральных традиций региона в двух направлениях: профессиональном и самодеятельном. Так, в 1932—1933 гг. в Башкирии возникает ряд оперных студий, становящихся ядром профессионального становления местных артистов и композиторов: Башкирская, Татарская, Узбекская, Туркменская, Казахская оперные студии¹⁵. Самодеятельное направление в 30-е гг. развивалось на базе домов народного творчества и позволяло расширить художественно-творческую среду крупных городов региона.

В целом панорама творческих поисков в области регионального музыкального театра 20—30-х гг. отмечена экспериментальной свободой и лабораторностью. Появление самостоятельных коллективов, активно внедрявших эстетические новации (актуальные образы, новые

жанры и выразительные приемы) послужило предпосылкой для формирования местных художественных традиций и стало источником возникновения самобытной музыкально-театральной школы. Не случайно именно эпоху 20—30-х гг. следует считать временем подлинного рождения южно-уральского музыкального театра, точкой отсчета в процессе его творческого обособления.

Примечания

1. Казакова, Г.М. Культура Южного Урала: локальный вариант регионального измерения / Г.М. Казакова. — СПб.: Росс. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2007. — С. 207.
2. Цит. по: Левая, Т. Русская музыка начала XX в. в художественном контексте эпохи / Т. Левая. — М.: Музыка, 1991. — С. 117.
3. См.: Андрианова, Г.С. Художественная интеллигенция Урала. 1930-е гг. / Г.С. Андрианова. — Екатеринбург: Екатеринбург. гос. пед. ун-т, 1992; Загребин, С.С. Культурная политика государства и ее реализация на Урале в 1900—1940-е гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / С.С. Загребин. — Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1999; Загребин, С.С. Метаморфозы культуры. Культурное строительство на Южном Урале в 1929—1941 гг. / С.С. Загребин. — Челябинск, 1994; Трифонова, Г.С. Становление и развитие художественной культуры на Южном Урале (20—80-е гг. XX в.): дисс. ... канд. ист. наук / Г.С. Трифонова. — Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2000.
4. Березин, А. Жрецы искусства / А. Березин // Советская правда, 1920. — 22 июля.
5. ОГАЧО. Ф. Р-914. — Оп.1. — Д. 264. — Л. 24.
6. О характере творческих поисков регионального Пролеткульта см.: Игнатъев, В. Пути новой культуры / В. Игнатъев // Сдвиг. — Челябинск, 1923. — № 1.
7. Цит. по: Вольфович, В.А. Челябинск музыкальный / В.А. Вольфович. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. — С. 36.
8. Казакова, Г.М. Культура Южного Урала... — С. 204.
9. Андрианова, Г.С. Художественная интеллигенция Урала... — С. 65.
10. ТАМФС неустанно зовет вперед // Коммунар, 1930. — 23 дек.
11. Андрианова, Г.С. Художественная интеллигенция Урала... — С. 66.
12. Очерки по истории башкирской музыки / Е.К. Карпова, Г.А. Курмашева, В.К. Ланге, С.И. Махней. — Уфа: РИЦ УГАИ, 2001. — С. 36.
13. Там же.
14. Степанов, М. Пермский академический театр оперы и балета им. П.И. Чайковского: 125 лет / М. Степанов, Ю. Силин. — Пермь, 1995. — С.13.
15. Очерки по истории башкирской музыки. — С. 38.

Поступила в редакцию 16 августа 2008 г.

Шадрина Елена Анатольевна, родилась в 1979 г., аспирант кафедры искусствоведения и культурологии. Окончила Челябинский государственный институт музыки им. П.И. Чайковского (1988), лауреат международного кон-

курса вокалистов (2005). Круг научных интересов: история и философия музыкального искусства, проблемы актуального состояния музыкальной культуры России, в особенности вопросы региональных музыкально-театральных традиций. E-mail: blv@susu.ac.ru

Shadrina Elena Anatolievna was born in 1979, she is Post-Graduate Student of the Art History and Cultural Studies Department. She was graduated from Tchaikovsky Chelyabinsk State Musical University (1988), winner of the international vocalist contest (2005). Professional interests: history and philosophy of the music, problems of the current status of the Russian musical culture and the issues of the regional musical and theatrical traditions. E-mail: blv@susu.ac.ru.

Социология и культурология

УДК 316.4.06
ББК 60.524.1

СОЦИАЛЬНЫЙ РИСК КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИЕТАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

А.И. Жмайло

SOCIAL RISK IS A INDICATOR OF THE MODERN SOCIETY TRANSFORMATION

A.I. Zhmaylo

Неустойчивый социум создает новые риски. В статье предлагается использовать социальный подход к анализу возникающих рисков. Вводится понятие «социальный риск», приводится обобщенный анализ подходов к его определению. Отмечено, что важнейшим фактором возникновения и накопления социального риска являются модернизационные и трансформационные процессы в современном обществе. Социальный риск рассматривается как интегральная часть процессов социально-культурных и институциональных изменений. Социальный риск выступает показателем несоответствия социальных действий индивидов и групп изменениям социальной среды. Определены общие признаки социального риска как особой разновидности рисков. Дано развернутое определение понятия «социальный риск».

Ключевые слова: социальный риск, социальные изменения, модернизация, трансформация, прогнозирование, управление изменениями.

Social changes in modern society are of unpredictable, nonlinear and irreversible nature. The unstable society creates new risks. Forecast of social consequences of transformations and adaptation of individuals or groups to transformation processes become important problems for the government. For decision of these problems it is offered to use the social approach to the analysis of arising risks. As a special version of risk the concept «social risk» is introduced. The article gives the generalized analysis of various approaches to definition of «social risk». It is noted that the major factor of occurrence and accumulation of social risk is modernization and transformation processes in modern society. The social risk is considered as an integrated part of social-cultural institutional changes. The social risk acts as a indicator of discrepancy between individual or group social actions and social environment changes. The general attributes of social risk as a special version of risk are defined. The detailed definition of concept «social risk» is given.

Keywords: social risk, social changes, modernization, transformation, forecasting, management of changes.

Неустойчивость и непредсказуемость социальных изменений, обусловленные характером динамических процессов в современном обществе приводят к стремительному воспроизводству рисков, формированию «общества всеобщего риска». В сравнительно недавнем прошлом, в условиях жесткой регламентации поведения отдельных индивидов, групп и общества, в целом, нормами, традициями, моделями поведения и

т. д. будущее возможно было прогнозировать, опираясь на настоящее и прошлое.

С одной стороны, такая регламентация минимизировала вероятность зарождения альтернативного развития, принципиальной смены социального порядка. С другой стороны, она способствовала целостности и устойчивости общества, исключала неопределенности и риски социальных потрясений. Как отмечает С. Кравчен-

ко: «Поведение индивидов в рамках традиций не было рискогенным для социума в целом. Лишь тогда, когда традиции нарушались, возникали опасности для девиантов и, соответственно, определенные риски для существовавших норм и стилей жизни. Риски также появлялись с опасностями, приходившими, как правило, извне — природными катаклизмами, эпидемиями или войнами, на что так или иначе нужно было реагировать, выбирать альтернативу действия»¹.

На примере современного российского общества, переживающего драматический процесс трансформации, целью которой является формирование нового экономического порядка в новом демократическом правовом государстве, мы можем заметить, что этот процесс носит непредсказуемый, нелинейный и необратимый характер. Традиции, ценности, мораль прошлых лет уступили место социальным новациям. «Мы ждем перемен!» — эти слова В. Цоя стали лозунгом целого поколения. В результате значимо возросла неустойчивость социума, когда даже незначительные воздействия могут привести к быстрым и радикальным изменениям. Причем, возврат к исходному состоянию невозможен, так как отсутствуют разделяемые всеми акторами и группами ориентиры и нормы.

Подобная социальная и культурная динамика порождает целый комплекс задач, среди которых в качестве важнейших можно выделить, во-первых, задачу прогнозирования социальных последствий проводимых преобразований и, во-вторых, задачу адаптации отдельных индивидов или групп к процессу трансформации. Необходимо «не только описывать, измерять и предугадывать последствия катастроф, но и осмыслить закономерности в реакции индивидов и социальных структур на производимые обществом риски»².

В этой связи появляется необходимость разработки нового направления исследования социального поведения в момент институциональных преобразований и вызванных ими неопределенностей. В данной работе предпринята попытка выделения в качестве основы для разработки данного направления особой категории риска — «социального риска».

Выделяя социальный риск в этом качестве, мы рассматриваем его как на неустранимую, интегральную часть процессов социально-культурных и институциональных изменений, особенно тогда, когда речь идет о социетальной трансформации, подобной той, которая имеет место сегодня в России.

Понятие «риск» стало предметом научного исследования сравнительно недавно. До начала XX века риск рассматривался как характеристика активного, сознательного действия человека

с надеждой на удачу в условиях неопределенности итога действий. При этом уделялось внимание волевым качествам личности: отвага, смелость, решительность, предприимчивость.

Постепенно центр исследовательского интереса переместился к решению связанных с риском организационно-управленческих задач (разрушительное воздействие факторов риска на те или иные социальные группы, императивы справедливого распределения издержек, психология восприятия риска и оценки вероятности тех или иных событий, общественно-экономическая и общественно-политическая целесообразность действий и решений).

Социальный подход к анализу риска ощутил о себе лишь в 60-е годы XX века в контексте споров о социальных аспектах атомных технологий. Опыт последующих десятилетий продемонстрировал решающее, значение «системного» видения проблемы. В отличие от «технического», «социальный» подход усматривает непосредственную связь оценок риска с ценностями и нормами социального характера и учитывает политические, этические, социологические, психологические, экономические и проч. аспекты, которые тесно переплетены между собой, так что невозможно, обращаясь к одному из них, не сталкиваться с другими³.

Сегодня понятие риска прочно вошло в понятийные ряды многих дисциплин, в том числе и термин «социальный риск» широко используется в различных отраслях общественных наук: социологии, правоведении, менеджменте.

Исследования, посвященные различным аспектам социальных рисков, многочисленны и разнообразны. Однако, несмотря на обширное количество работ зарубежных (У. Бек, Э. Гиденс, Н. Луман, О. Ренн) и отечественных (В. Зубков, А. Мозговая, С. Кравченко, О. Яницкий) авторов, раскрывающих понятие риска и классифицирующих риски по различным основаниям и типам, вопрос определения «социального риска» как их особой разновидности остается недостаточно проработанным. Остаются практически не исследованными теоретические аспекты формирующих его факторов, особенностей его возникновения в различных социальных группах и, в целом, в современном российском обществе, масштабов и последствий социальных рисков для отдельных групп и территорий. Даже само понятие «социальный риск» трактуется по-разному.

Признавая возможность выделения двух типов рисков: техногенного и социогенного, — а также противопоставления социального риска технологическому, экономическому и другим видам риска, исследователи при этом дают обобщенное определение «социального риска», применимое либо к общему понятию «риск»: «Риск

всегда социален, поскольку продуцируется социальными субъектами, а его последствия влияют на их существование и взаимодействие»⁴. Либо — ко всем рискам, объектами которых являются индивиды или социальные группы: «Социальный риск — это способность восприятия индивидом или группой неблагоприятных условий среды, в зависимости от субъективных личностных особенностей и возможностей»⁵. Характеризуя этот («обобщенный») подход, С. Кравченко констатирует: «Понятие «социальный риск» указывает, прежде всего, на сферу, в которой складывается и возможно осуществляется неблагоприятное для людей событие. Разумеется, неблагоприятные события имеют как природное, так и общественное происхождение, возникая в результате сочетания определенных физических, химических, биологических, социально-экономических и политико-культурных факторов. Исторически в социологии при использовании этого понятия на первый план выступают последствия антропогенного воздействия на природу и опасности, порождаемые во всех сферах жизни общества в контексте конкретной культуры»⁶.

Существует и противоположная («узкая») точка зрения, трактующая социальный риск как характеристику определенных социальных групп людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, которые в силу сложившихся обстоятельств, своего социального положения и образа жизни подвержены негативным воздействиям. С социальной точки зрения под трудной ситуацией следует понимать ситуацию, объективно нарушающую жизнедеятельность человека, которую он не может преодолеть самостоятельно и нуждается в социальной помощи. Зачастую трудные жизненные ситуации стимулируют образование у человека девиантных форм поведения как способов реагирования на изменившиеся условия⁷.

Следует отметить, что понятие «социальный риск» — единственный используемый в социологии риска термин, получивший в Российской Федерации правовое толкование. В статье 3 Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» социальный риск определяется как «предполагаемое событие, влекущее изменение материального и (или) социального положения работающих граждан и иных категорий граждан, в случае наступления которого осуществляется обязательное социальное страхование». Анализируя положения указанного закона, можно понять, что с правовой точки зрения формами проявления социальных рисков являются сугубо индивидуальные факты: снижение (утрата) трудоспособности либо вынужденное отсутствие на

работе по социально значимой причине, потеря места работы и постоянного заработка, несение повышенных расходов по социально значимым причинам, получение дохода ниже прожиточного минимума. Нетрудно заметить, что такие формы проявления социального риска могут иметь место только у экономически активного населения из-за отсутствия спроса на труд или потери работником способности к труду по уважительным причинам: биологическим (болезнь, инвалидность, старость), производственным (несчастный случай, трудовое увечье или профессиональное заболевание), экономическим (безработица) или социального характера (рождение и воспитание детей).

В качестве показателей социального риска сторонники такого подхода предлагают применять: степень адаптации/дезадаптации к произошедшим в последнее десятилетие переменам; снижение уровня доходов и качества питания за последние 12 месяцев; рассогласование между реальным среднедушевым доходом и доходом, достаточным, по представлениям респондентов, для поддержания нормального существования; риск потери работы⁸. А средством снижения и управления указанными рискам признаются определяемые государством формы социальной защиты: социальное страхование, социальная помощь (поддержка), социальное обеспечение.

Основным способом решения ключевых социальных проблем в масштабах государства становится выявление, прогнозирование и упреждение приоритетных социальных угроз и факторов, влияющих на национальную безопасность и устойчивость развития. В этой связи необходима оценка «социального риска» как особого вида риска, возникающего в социальной сфере, и последствия которого в первую очередь отражаются на ней. Немаловажным является и тот факт, что содержание понятия «социальный риск» значительно расширяется за счет рассмотрения его связанности с социальными изменениями. В современных условиях повышение социального риска связано с объективным ростом неопределенности, сопровождающегося социальной нестабильностью, сложностью, а порой невозможностью оценки вероятных последствий тех или иных действий.

В большинстве исследований социальный риск выступает как явление, сущностью которого представляется решение, субъективное по своей природе, и другим оно быть не может. Риск — одно из проявлений решения. В то же время, трактовка рисков исключительно с рационалистических позиций, когда «поведение человека считается всегда предсказуемым, исход всех событий и поступков предсказуемым, а сама проблема риска сводится к нахождению способа

более или менее точной калькуляции вероятности самого неблагоприятного события и связанного с ней ущерба»⁹ применительно к отдельным группам или сообществам индивидов представляется недостаточной. Необходимо принимать во внимание культурную и психологическую стороны общественной жизни, которые определяют особенности отношения человека или сообщества к риску, его определению и смысловой интерпретации.

Однако и такой подход лишь отчасти применим к анализу рисков современного общества. С одной стороны, многие кризисные явления носят смешанный, природно-антропогенный, характер (экологические катастрофы, глобальное потепление и т. д. — «когда разрушительное воздействие сил видоизмененной в результате антропогенного влияния природы на людей и объекты экономики превышает имеющиеся ресурсы их защиты»¹⁰). С другой стороны, подавляющее большинство действий и решений, определяющих существование человека в современном мире, принимаются либо другими людьми (правовые нормы, рыночные отношения), либо принимаются человеком под влиянием (мораль, реклама).

В связи с этим представляется возможным рассматривать окружающую индивида социальную среду как особую форму объективной реальности, повлиять на которую индивид не в состоянии. В рамках такого подхода вполне оправданно рассмотрение социального риска в контексте роста социальной неопределенности, сложности и турбулентности социальной реальности, несоответствия социальных действий индивидов и групп изменениям социальной среды, что усиливает социальный диссонанс и влечет за собой недостижение социальных целей управления.

В современном обществе повседневной практикой индивидуального и группового поведения становятся терпение как «способ экономии и накопления жизненного ресурса»¹¹. Однако, терпение как экономия креативных ресурсов (жизнеобеспечения, самоопределения), как правило, сопровождается накоплением негативных ресурсов (стресса, страхов, фобий и других сил саморазрушения личности или группы). Иными словами, потенциально терпение есть процесс накопления рисков, которые могут быть направлены как вовнутрь (психическое заболевание, аномия, суицид), так и вовне — на общество или других людей (агрессия)¹².

В XX веке одной из основных философских предпосылок становится убеждение в возможности «влияния на будущее» в сторону снижения потенциальных опасностей и «управления» риском. На основе этой концепции проблема оценки социальных рисков как особого типа рисков

и управления ими приобретает самостоятельное теоретическое и прикладное значение как важная составная часть теории и практики управления.

Неконтролируемое ускорение социальных изменений, вызываемое неравномерностью развития, неспособностью правящей элиты и общества овладеть темпом перемен, таят в себе риск дестабилизации и распада общественного порядка. Социальные изменения поддаются контролю до тех пор, пока затронутые ими люди способны осмыслить и истолковать перемены в позитивном духе, придать им положительный смысл.

Моделирование социальных процессов невозможно без полномасштабных исследований возникновения, распространения и возможностей управления социальными рисками. В связи с этим на первый план выходит необходимость разработки системного подхода к определению социальных рисков.

Применительно к социальным рискам важнейшим фактором их возникновения и накопления являются модернизационные и трансформационные процессы в современном обществе. Характер рисков в меняющемся обществе определяется характером этих изменений. Так, на начальном этапе российских реформ считалось, что все политические и экономические институциональные изменения — позитивное направление развития. Их социальные последствия оценивались лишь как трудный, но неизбежный этап процесса неизбежных исторических перемен. Ошибочность такого подхода в процессе управления привела к серьезным проблемам в социальной организации российского общества, стала серьезным препятствием на пути его реформирования.

Несмотря на то, что в процессе перемен преследуется одна благая цель — повышение жизнеспособности общества, рост эффективности управления и процессов воспроизводства (в широком понимании), нелинейный и разнонаправленный характер трансформации, в результате которой общество утрачивает традиционные ориентиры и не успевает формировать новые нормы и алгоритмы поведения, приводит к ускоренному производству и распространению рисков, обусловленных реакцией общества на наблюдаемые изменения, а также несоответствием реально получаемых результатов имеющимся ожиданиям.

В результате продолжительного периода трансформации теряется основа общественного согласия, ибо нет общей цели, ради достижения которой это согласие необходимо. Следовательно, уменьшается «запас прочности», позволявший противостоять негативным воздействиям.

Продолжительный период трансформации, включающий многократное изменение направления и темпа общественных преобразований, приводит к разрушению общества, утрате обществом способности к развитию. Основными целями появляющегося в результате такого разрушения общества становится обеспечение безопасности, создание все более усложняющихся защитных систем. Производительных ресурсов общества оказывается недостаточно для производства благ. Суть изменения состоит в том, что «логика производства богатства» сегодня уступает «логике производства риска». Современное общество становится, по определению У. Бека, «обществом риска».

На основании вышесказанного возможно выделить общие характеристики социального риска:

1. Социальные риски не являются следствием причин, обусловленных природными или технологическими процессами, а также индивидуальными биологическими и поведенческими особенностями отдельных индивидов.

2. Социальный риск — это, прежде всего, вероятность наступления неблагоприятных последствий, обусловленная разнонаправленностью и несинхронизированностью поведения субъектов (группы) риска и конкретного социально-культурного пространства, в которое субъекты (группа) интегрированы.

3. Социальный риск рассматривается в связи с социальными изменениями, как результат несоответствия действий субъекта и объекта риска изменениям социальной среды.

4. Используя предложенную В. Зубковым классификацию, социальные риски можно отнести к рискам второго порядка, являющимся комплексным результатом различных действий множества социальных субъектов и затрагивающими функционирование всего общества или отдельных его институтов.

Обобщение приведенных характеристик можно определить «социальный риск» как особую разновидность риска, где субъектом и объектом риска является индивид, определенная социальная группа или общество, вероятность наступления негативных последствий для которых обусловлена несоответствием индивидуальных (групповых) социальных действий процессам в окружающем социальном пространстве, протекающим в обстановке реально существующей неопределенности, вызванной социальной трансформацией.

Дальнейшая детализация определения «социальный риск» и связанного с ним понятийного аппарата должно происходить через выявление и анализ объективных (изменения социального

пространства, трансформация социальной структуры, системы социальных отношений, социокультурные трансформации) и субъективных (рискоориентированная организационная культура, коммуникативная компетентность членов сообщества, индивидуальное и групповое восприятие рисков) составляющие социального риска.

Предложенный в данной работе подход к выделению социального риска в особую категорию имманентно присущих обществу рисков позволяет точнее определить как само понятие, так и возможные варианты возникновения рисков, их влияние на жизнедеятельность сообщества. Кроме того, предложенный подход позволяет объяснить различия в восприятии отдельных социальных рисков разными группами, а также минимизировать проблему различий в групповом и индивидуальном восприятии одних и тех же угроз. Например, безработица, рассматриваемая как один из видов социального риска, является безусловно негативной угрозой для индивида. В то же время для общества определенный уровень безработицы является необходимым условием для эффективного функционирования рынка трудовых ресурсов.

Используя предложенный подход, возможно качественно определить «социально приемлемый» уровень риска, а применительно к отдельным сообществам оценить угрозы превышения этого уровня.

Примечания

1. Кравченко, С.А. Социология риска: полипарадигмальный подход: учебное пособие / С.А. Кравченко, С.А. Красиков. — М.: Анкил, 2004. — С. 34.

2. Яницкий, О.Н. Россия: риски и опасности «переходного» общества: сборник статей / отв. ред. О.Н. Яницкий. — М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. — С. 8.

3. Никитин, С.М. Социологическая теория риска в поисках предмета / С.М. Никитин, К.А. Феофанов / Социологические исследования. — 1992. — № 10. — С. 121—122.

4. Зубков, В.И. Социологическая теория риска: монография / В.И. Зубков. — М.: Изд-во РУДН, 2003. — С. 10.

5. Бек, У. Общество риска на пути к другому модерну / У. Бек. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — С. 12.

6. Кравченко, С.А. и др. Указ. соч. — С. 15.

7. Социальная работа: словарь-справочник / под ред. В.И. Филоненко — М.: Контур, 1998. — С. 298.

8. Азарх, Э. Перспективная социальная политика в глазах населения / Э. Азарх // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2001. — № 1 (51). — С. 43—46.

9. Азарх, Э. Указ. соч. — С. 40.

10. Азарх, Э. Указ. соч. — С. 43.

11. Риск в социальном пространстве / РАН. Ин-т социологии / под ред. А.В. Мозговой. — М., 2001. — С. 110.

12. Риск в социальном пространстве... — С. 111.
13. Яницкий О.Н. Социология риска / О.Н. Яницкий. — М. : Изд-во LVS, 2003. — 192 с.

Поступила в редакцию 26 августа 2008 г.

Жмайло Александр Иванович, старший преподаватель кафедры экономики и управления Озерского технологического института (МИФИ). Соискатель кафедры социологии и управления общественными отношениями Уральской Академии государственной службы.

Zhmailo Aleksandr Ivanovich is Senior Teacher of the Economics and Management Department of the Ozersky Technological Institute (MEPhI). He is a candidate at the Sociology and Public Relations Department of the Russian Academy of Public Administration.

СВОЕОБРАЗИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ХАКАСОВ И РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

С.В. Кокорина

PECULARITY OF THE ETHNOCULTURAL INTERACTION OF THE KHAKASS AND THE RUSSIAN MIGRANTS

S.V. Kokorina

Представлено исследование этнокультурного взаимодействия в Сибирском регионе, который в силу географического положения и особенностей исторического развития является своеобразным каналом коммуникации в диалоге культур Запада и Востока. Анализ особенностей ценностных оснований культур и национальных менталитетов хакасского и русского этносов дает основание полагать, что общие евразийские черты в культуре двух народов способствовали быстрому налаживанию этнокультурных отношений и в целом благоприятно влияли на процессы межкультурного взаимодействия как в материальной, так и в духовной сфере.

Ключевые слова: культура, этнос, этнокультурное взаимодействие, межкультурные коммуникации, менталитет, национальный характер, ценности, евразийские черты.

The study of the ethnocultural interaction in the Siberian region is presented in the article. Owing to its geographical position and specific historical development this region is a peculiar communication channel between Western and Eastern cultures. The analysis of values and national mentality of the Khakass and Russian ethnicities makes it possible to assume that the common Eurasian characteristics of both cultures facilitated the rapid ethnocultural adjustment and as a whole favourably influenced on the processes of intercultural interaction in both material and spiritual sphere.

Keywords: culture, ethnicity, ethnocultural interaction, intercultural communication, mentality, national character, values, Eurasian characteristics.

За последние десятилетия во всем мире, в том числе в России, произошли серьезные изменения, повлиявшие на культуру народов, населяющих нашу страну. Все более углубляющаяся глобализация экономики, интернационализация социокультурных процессов в современном мире приводят не только к позитивным результатам, но и к возникновению острых противоречий на всем пространстве жизнедеятельности человека. Культурные общности, различные по своей истории, традициям, языку, религии развиваются, взаимодействуют и влияют друг на друга на основе межкультурной коммуникации по внутренне присутствующим им законам. Культурные различия сказываются на отношении к множеству проблем, составляющих суть современной мировой политики, что приводит к неизбежным столкновениям и конфликтам. Весьма часто эти конфликты происходят из-за элементарного незнания как на уровне индивида или социальной группы, так и на уровне отдельных этносов, особенностей, ценностных

оснований инокультур, неразвитости или даже полного отсутствия каналов их трансляции.

В этих условиях со всей остротой встает задача исследования проблем межкультурной коммуникации, то есть теоретического осмысления условий и возможностей максимального взаимопонимания, позитивного отношения к наличию в обществе различных этнокультурных групп.

Актуальность этой проблемы еще более возрастает, когда речь идет об этнокультурном взаимодействии в таком регионе России, как Сибирь, которая в силу географического положения и особенностей исторического развития является своеобразным каналом коммуникации в диалоге культур Запада и Востока.

Среди сибирских этносов процессы этнокультурного взаимодействия с русскими переселенцами происходили неоднородно, что обусловлено целым рядом обстоятельств: различием в численности этнических групп, уровнем их социально-экономического и культурного развития, изо-

лированностью, отдаленностью от очагов цивилизации, а также ориентацией молодого поколения этнических групп на принятие культурных ценностей и элементов культуры «вмещающего этноса». В этой связи межкультурные коммуникации хакасского и русского народов представляют наибольший интерес, так как являются ярким примером тесного взаимодействия, взаимобогащения культур.

Сибирь как часть Евразии в полной мере отражает евразийскую сущность России, характеризуя не только ее ресурсную и геополитическую доминанту, но и итоги многовекового взаимодействия славянских, тюркских, монгольских народов, а также пространство диалога христианства, буддизма, шаманства. Поэтому, говоря о своеобразии этнокультурного взаимодействия хакасов и русских переселенцев, необходимо, прежде всего, отметить евразийскую основу их этнокультурных контактов.

Для выяснения сущности своеобразия межкультурной коммуникации необходимо изучить особенности ценностных оснований культур и национальных менталитетов. Психологическую характеристику любого этноса определяет менталитет, который проявляется в мышлении людей, миропонимании и способе деятельности. Центральным компонентом ментальности человека является модель мира. Русский менталитет как образ мыслей, душевный склад, глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания представляет собой совокупность целого ряда психологических и поведенческих установок народа. В общих чертах русскому менталитету присущи стремление к социальной справедливости, равенству и свободе, милосердие и взаимопонимание, подчинение личного общественному, соблюдение православных христианских традиций.

С понятием «национального менталитета» тесно связано понятие «национального характера», который представляет собой совокупность важнейших способов регулирования деятельности и общения, сложившихся на основании системы ценностей общества, созданного нацией. Знание черт национального характера помогает в процессе межкультурной коммуникации.

На русский национальный характер повлияли две тенденции — Западная и Восточная. Россия — целая часть света Восток-Запад, она соединяет два мира, и всегда в русской душе борются два начала — восточное и западное, поэтому в русском характере проявляются противоречия между долготерпением и приступами бурного протеста, трудолюбием и небрежностью, деспотизмом власти и стихийностью народа. Русскому менталитету присуща вера в великую миссию своего народа в поиске правды, добра и справедливости [1, с. 121].

Нельзя отрицать, что характер русских сибиряков несет в себе не только типичные, но и особые черты. В течение трех столетий (XVII—XIX вв.) складывалась уникальная сибирская культура, сплав культурных диалектов разных регионов России. На основе древнерусской культуры, благодаря творчеству русских переселенцев, был создан свой «мир», сохранявший и умножавший русские национальные традиции, обряды и ритуалы, являющиеся смыслом этого миропорядка.

Процесс освоения Сибири русскими переселенцами был продиктован не только прагматическими причинами экономического характера, но в значительной степени социокультурными и психологическими потребностями русских людей. Освоение сибирского края соответствовало русскому менталитету с его творческим энтузиазмом и стремлением к совершенству. Традиционное сознание сибирских крестьян объединило архаичные иррациональные, русские рациональные и вновь приобретенные элементы.

Культура хакасского народа — часть общемирового наследия. Ее историческую основу составляют ценности, созданные веками. В ней обозначились тюркские, китайско-конфуцианские, индо-тибетские и русско-европейские компоненты, свидетельствующие об активных контактах предков хакасов с другими этносами в различные периоды истории. В становлении и развитии хакасской культуры важную роль сыграли шаманизм и христианство. Они стали частью самосознания и менталитета народа. В целом, если по генезису Хакасия связана с Востоком, то через посредство русского языка и русской культуры — с Западом.

В формировании хакасской культуры большую роль сыграла тесная связь человека с природой, зависимость от ее сил. Тяжелая жизнь в условиях изолированности и отдаленности от других, борьба за существование в суровых природно-климатических условиях сформировала у людей такую черту характера, как коллективизм. Среди хакасов всегда высоко ценилась дружба и товарищество, а одиночество всегда осуждалось, что отражено в таких пословицах как: «Дружная жизнь длинна, недружная жизнь — коротка», «Вместе голодай, вместе жаждай, но друга не бросай».

Русская культура также традиционно считается коллективистской, соборной. Ценности русской культуры в большей степени являются ценностями русской общины. Среди них древнейшей и важнейшей является сама община, «мир» как основа и предпосылка существования любого индивида. Ради «мира» человек должен быть готов пожертвовать всем, в том числе и своей жизнью.

На формирование характера русских переселенцев оказала влияние географическая среда. Постоянная борьба с суровой природой, освоение новых земель не могли не выявить чувство коллективизма, желание помочь ближнему. В русской сибирской деревне существовал и существует по сей день обычай «помочей», носивший характер взаимной услуги, взаимной помощи. Во время летних полевых работ, жатвы устраивались помочи. В праздничные или воскресные дни, обычные для этого события, приглашаются желающие оказать услугу, поддержку в выполнении определенных работ в тех случаях, где требуется много рук и времени. Приглашали на помочь для разных целей — заготовки и вывозки леса, починки построек, сооружения дома. Всем миром помогали погорельцам, пострадавшим от наводнения и других бедствий. Без взаимной поддержки, помощи крестьянское хозяйство не могло бы выстоять в повседневной борьбе с социальными и природными бедствиями.

Взаимопомощь у хакасов всегда являлась важной формой общения между людьми. Содержание ее довольно широкое. Это и гостеприимство, которое рассматривалось как источник симпатии, взаимного понимания и поддержки, жалость к старикам, маленьким детям, сиротам, нищим. Любого человека здесь встречают как желанного, соседи всегда делятся продуктами питания друг с другом, орудиями труда и т. д.

В этикете общественной жизни как хакасов, так и русских большое значение имеет гостеприимство. Общей чертой двух народов является чрезвычайное радушие, доходящее порой до самопожертвования.

Прием и хождение в гости — частые события в быту народов Сибири. Это вызвано подвижным характером образа жизни кочевников — скотоводов, охотников, оленеводов. Гость у хакасов всегда желанный человек, так как в прошлом люди здесь жили очень небольшими коллективами, и жажда общения со свежим человеком была всегда хронической. Она сама по себе нередко служила причиной того, что человек снимался с места, садился на коня и отправлялся за многие десятки верст в гости к другу или родственнику.

Гостей приглашали по любому поводу: соседей в случае убоя скота, всю округу на свадьбу или на праздники. Прием гостей начинается с их встречи. Этикет всех народов Сибири предписывает встречать гостей самому хозяину и его ближайшим родственникам-мужчинам. Общими чертами обряда приветствия являются следующие поведенческие элементы: поднятая правая рука, благопожелания. Довольно распространенной особенностью является приветствие двумя руками, выражающее особое почтение или теплые чувства. Приветствуя, хакасы гово-

рят: «Все ли у вас хорошо?», «Здоровы ли?». После этих слов принято, в первую очередь, осведомиться о здоровье скота «Как поживает ваш скот?». Поскольку эти народы в прошлом были дифференцированы в социальном отношении, положение собеседника всегда учитывалось в этикете общения, что отчасти сказывается и сейчас в существовании более почтительных и менее почтительных формул общения. Теперь почтительные обороты адресуются пожилым людям, — например, вместо обычного приветствия говорят: «Разрешите осведомиться о Вашем здоровье?». К старшим обязательно обращаются на «Вы».

После приветствий принято усаживать гостей на почетном месте, первым делом давать им напиток кумысом или чаем и обязательно вначале занимать их «приличной», то есть неинформативной беседой о погоде, пути, по которому следовали прибывшие, здоровье и т. п. И только после этого приличия позволяли приступить к трапезе.

Гостеприимство также стояло на одном из первых мест в деревенской этике русских переселенцев, так что не принять гостя или отказать от приглашения считалось проявлением невежества. «Приходи, кума, чай пить», «милости просим», «благодарствуйте за угощение» — устойчивые словесные формулы, бытовавшие в Приенисейском крае. В них неперемное соблюдение учтивости и уважительного отношения друг к другу. Гостю предлагалось лучшее место за столом и лучшее угощение, а он, в свою очередь, не должен проявлять спесивость, быть умеренным в еде и питье. В деревне говорили: «Для спесивого гостя и дверь пола», «сытого гостя легко потчевать», «от чужого стола не стыдно не евши уйти». За «хлеб-соль» было принято благодарить хозяйку низким поклоном [1, с. 139]. Характерный для русского человека обычай — пригласить прохожего и приезжего в дом, накормить его и по возможности успокоить. С прохожих денег не брали; существовала пословица «хлеб-соль разбойника побеждает».

Особое место в психологической характеристике хакасов занимают устойчивые традиции культа предков, родителей, старших. Следует подчеркнуть, что почтительное отношение к старшим — качество, особо ценное у многих азиатских народов. Люди почтенного возраста олицетворяли собой мудрость, являлись главными хранителями житейской мудрости и опыта, норм поведения.

Поведение взрослых по отношению к детям были окрашены сдержанностью, мягкостью, уважительностью, что не противоречило установкам на подчинение взрослым и почтительность по отношению к ним. Детей по народным тра-

дициям не принято бить или унижать другим способом. Подобные действия везде воспринимались как признак слабости взрослого. У хакасов детям запрещалось стоять на пороге, сидеть, опираясь двумя руками о землю, закладывая руки за спину, сидеть, обхватив ноги руками, хлопая в ладоши (знак траура).

У народов Южной Сибири принято было вести с детьми игру, опрашивая имена их предков до определенного (сейчас до седьмого, а в старину до двенадцатого и более) колена, обязательно вручая награду за полные ответы. Эта игра стала своеобразной этикетной деталью обычая гостеприимства и в то же время эффективным средством воспроизводства генеалогической памяти, которая, как известно, является идейной основой социальной организации кочевников.

Культ предков и родителей тесно связан с любовью к родным местам, бережным отношением к флоре и фауне родного края. Привязанность к ним у хакасов тесно связана с тем, что жизнь их проходит в каждодневном общении с живой природой, без которой они не сознают себя. Они поклонялись священным горам, деревьям, распространяя на весь окружающий мир «золотое правило морали», выражавшееся через определенные табу, которые отчасти имели религиозную окраску. Например, нельзя шуметь в лесу, так как ему нужна тишина, рубить дерево ночью, так как оно спит, переходить без разрешения ручей или речку. Считалось, что любое нарушение человеком гармонии, равновесия в целостном мире неизбежно влечет за собой наказание в виде потери урожая, неудач на охоте, болезней, несчастий в семье, физической смерти и, что самое худшее, — смерти души через вымирание рода [2, с. 146].

Одной из важных ценностей традиционной культуры хакасов является отношение к труду: «Не приложишь труда, и шапки не заимеешь», «У трудолюбивого человека дети не голодают», «Кто хорошо работает, у того губы в сале, а у лентяя голова в грязи». К семи годам ребенок считался повзрослевшим. Мальчиков с пяти — шести лет приучали к лошади, а с восьми лет он пас скот. С тринадцати лет дети участвовали в уборке урожая, косили сено, а с пятнадцати лет мальчики ходили с отцом на охоту. Девочек с раннего возраста приучали к работе по дому. В тринадцать лет они умели печь хлеб, а в семнадцать — самостоятельно шили шубы, платья, обувь.

В русских семьях также было принято почтительное отношение к старшим. Главой семейства был родоначальник или отец, дети беспрекословно повиновались главе.

Среди ценностных компонентов старожильческой семьи важное место занимало воспитание подрастающего поколения. В задачу семьи вхо-

дило такое воспитание детей, которое обеспечивало бы им полноценную трудовую жизнь. В сознании сибиряков труд стал мерой оценки «праведного человека», имеющего свое хозяйство. Об отношении к труду говорят многие пословицы: «терпенье и труд все перетрут», «мертвый не без могилы, а живой не без подворья», «по труду и доход». В понимании крестьянина собственность должна приносить хозяину доход, что определяло установки поведения и рыночный характер мышления крестьянина-сибиряка, поэтому хороший хозяин строго вел учет урожая ржи, овса, пшеницы и высчитывал доход от их продажи.

Подрастая, ребенок овладевал крестьянскими умениями и навыками труда и принимал участие в семейных делах в соответствии со своим возрастом. К девяти годам мальчикам поручали стеречь лошадей, пригонять с речки гусей, загонять скот во двор по возвращении с пастбища. Ребята подросткового возраста учились пахать, работали на покосе, самостоятельно водили лошадей в луга. Девочки к одиннадцати годам должны были научиться прясть и обрабатывать пряжу, выполнять посильные работы дома и на подворье. К четырнадцати годам девочки умели вязать, вышивать, белить холсты, шить рубахи, ухаживать за скотом. К семнадцати годам девушки овладевали всеми женскими видами работ: готовили пищу, вели домашнее хозяйство, выполняли все ручные работы — шили, вышивали, вязали.

Крестьянская община в Сибири заботилась об охране окружающей среды. Опыт убеждал деревенских жителей в том, что успешная хозяйственная деятельность возможна только при сохранении определенных экологических условий. Крестьяне старательно вели учет и фиксировали изменение природной среды на протяжении длительного времени: обмеление озер, понижение вод в реках, вырубку лесов, ценность которых сибиряки отлично понимали.

Нравственная сфера сибирских крестьян ярко отражена в фольклоре. Многие пословицы и поговорки русской речи несут нравственный заряд, учат поведению, поступкам в быту и в работе. «Другу удружи — себе досади», «Дал слово — держись», «Гол да не вор», «Добрая слава лежит, а худая бежит», «Для друга семь верст — не околица», «Не рой другому яму — сам в нее попадешь», «Знай, сверчок, свой шесток», «Не летай высоко, не упасть бы низко». Этическая нагрузка произведений устного народного творчества способствовала воспитанию молодого поколения и укрепляла нравственные отношения в крестьянской общине.

Одним из сопоставительных параметров, наиболее ярко отражающим ценностные ориентации культур, является их отношение ко времени. Как для русской, так и для хакасской культуры ха-

рактерна приверженность традициям и обращение к прошлому как основе для настоящего.

Таким образом, можно отметить такие общие ценностные позиции хакасской культуры и культуры русских переселенцев, как коллективизм, взаимопомощь, трудолюбие, гостеприимство, бережное отношение к природе, почитание старших, приверженность традициям. Все перечисленные преобладающие ориентации характеризуют типично восточные ценности.

Однако нельзя отрицать, что в менталитете русских переселенцев присутствуют и типично западные ценности. В процессе их адаптации к новым сибирским условиям сформировалось новое самосознание и психология старожилов. Здесь складывались условия реализации вечно-го социального идеала свободной, сытой жизни, свободного труда «на себя» и получения его реальных результатов. Сложилась ценностная позиция социального идеала русских переселенцев: ценность свободы, расчетливость и практичность, богатство, бережливость.

Так, центральное место в картине мира сибиряка занимала высокая ценность свободы. Именно стремление к свободе и независимости влекло людей к широким сибирским просторам, где властям трудно было контролировать их хозяйственную деятельность.

Русский человек нередко полагается «на авось», сибиряк-крестьянин не мог себе позволить такого и обрек семью на лишения, поэтому выполнял любое дело добротой, аккуратно, в срок, заранее планируя результат. Расчетливость и практичность русских людей в Сибири ярко отразилась в местном фольклоре, в пословицах и поговорках: «на чужой каравай рот не разевай», «слово — серебро, а молчание — золото», «не мылся зря, бриться не будешь» и др.

Отношение к богатству в ментальной картине мира сибиряков также имело свои особенно-

сти. Бытовавшее в крестьянском сознании христианское отрицательное отношение к богатству меняется в сибирском хлебном достатке. Богатство здесь стали понимать как угодное Богу, само слово «богатый» означает «наделенный божьей милостью». В картине мира крестьянина — сибиряк богатый — это «сытой мужик, полномочный, живет словуто (достойно)» [1, с. 117]. Обеспеченность в понятии крестьян несовместима с жадностью. Правда, скупость часто понималась как бережливость, характерная для русского человека. При этом она совсем не противоречит щедрому гостеприимству и взаимопомощи крестьян в сибирской деревне. «Скуп, да не глуп», — говорит пословица. Жадного человека высмеивали, давали обидные прозвища — «жила», «хапуга».

В целом, несмотря на определенное распространение у русских переселенцев ценностей западной цивилизации, менталитет хакасского и русского народа характеризуется чертами, доминирующими в восточных цивилизациях, что еще раз подчеркивает синтетический характер евразийского социокультурного типа обоих этносов. На наш взгляд, именно общие евразийские черты в культуре двух народов способствовали быстрому налаживанию этнокультурных отношений и в целом благоприятно влияли на процессы межкультурного взаимодействия как в материальной, так и в духовной сфере.

Примечания

1. Евменова, Л.Н. Культура русских переселенцев Приенисейского края: монография / Л.Н. Евменова. — Красноярск: ВСИТ, 2006. — 228 с.

2. Пенювич, С.В. Взаимодействие хакасской и русской национальных религиозных традиций с начала XVIII в. по 1917 год / С.В. Пенювич // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. — Новосибирск, 1999. — Вып. 1 — С. 146—148.

Поступила в редакцию 15 августа 2008 г.

Кокорина Светлана Вячеславовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Сибирского федерального университета, соискатель кафедры культурологии и социологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск), член Восточно-сибирского культурологического общества. E-mail: amalia81@mail.ru

Kokorina Svetlana Vyacheslavovna, Senior Teacher of the Foreign Languages Department of Siberian Federal University, candidate at the Culturology and Sociology Department of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk), member of the Eastern-Siberian Culturology Society. E-mail: amalia81@mail.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВКЛАДА Д. ЛИХАЧЕВА В ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

С.В. Рыжова

CULTURAL SIGNIFICANCE OF D. LIHACHOV'S CONTRIBUTION IN HUMANITIES

S.V. Ryzhova

Статья рассматривает составляющие творческого наследия Д. Лихачева, которое интегрирует в себе вопросы философии, истории, педагогики, искусствознания. Автор отмечает значительность вклада академика в данные науки и делает вывод о том, что все его работы, выполненные в рамках социально-гуманитарных наук, являются в тоже время работами в области культурологического знания.

Ключевые слова: вклад, творческое наследие, интегрировать, культурология, гуманитарные науки, просвещать, нравственность, воспитание, концепция, искусствознание, традиции, историческая перспектива.

The article considers the components of creative heritage of D. Lihachov which integrates the questions of philosophy, history, pedagogics, science of art. The author makes special mention of the academician's great contribution to these sciences and concludes that all his works made in the area of social-humanitarian sciences are at the same time the works in the sphere of cultural science.

Keywords: contribution, creative heritage, to integrate, cultural studies, humanities, to enlighten, morality, education, conception, science of art, traditions, historical perspective.

Творческое наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева, отразившее его научные интересы, позволяет говорить об ученом, сумевшем внести значительный вклад в различные области гуманитарного знания: литературу, историю, педагогику, философию, этику, краеведение, искусствознание. Задача вычленения культурологической тематики в многочисленных трудах Д.С. Лихачева достаточно сложна. Но это обращение к научному наследию академика плодотворно, поскольку значительно обогащает гуманитарные науки.

Академик Д.С. Лихачев не был профессиональным философом, но он являлся ярким представителем той отечественной традиции, для которой подлинным фундаментом философской мысли была литература.

Эта философская традиция возникла еще в Киевской Руси. Ее яркие примеры — «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, «Поучения Владимира Мономаха». В истории древнерусской литературы философский аспект всегда присутствовал, но этим связи философии и литературы на Руси не исчерпываются. Их глубокое взаимопроникновение характерно для XIX — начала XX века, когда философия, почти

вытесненная из университетов, часто выступала в «толстых» литературных журналах. В текстах Д.С. Лихачева значительное внимание уделяется философам этого периода — П.А. Флоренскому, Н.А. Бердяеву.

Особого внимания заслуживает небольшая по объему книга Д. С. Лихачева «Без доказательств» [1]. Автор предлагает читать ее с любой страницы, от начала до конца и наоборот. Это возможно, поскольку перед нами эссеистика — жанр, в котором работали М. Монтень, Ф. Ларошфуко и Б. Паскаль. Основной предмет рассмотрения в этой работе — философия и методология науки в неразрывной связи с научной этикой.

Отечественные богословие и философия, построенные на основе толкования Библии и творений патристики, не были сферой деятельности узкого круга профессионалов, но распространились во всем контексте культуры, рассредоточились во многих сферах творческой деятельности. В западной традиции мыслитель-философ — это удалившийся из мира интеллектуал-профессионал, совершенствующий свой ум чтением книг и публичными диспутами с себе подобными. На Руси он всегда был пророком, учителем, государственным деятелем. «Философ в исход-

ной Кирилло-мефодиевской традиции есть просветитель, подвижник, публицист, участник сократического диалога, защитник исповедуемых ценностей, готовый потерпеть и пострадать за них. Он не творец умозрительных систем, но учитель и наставник, созидатель жизнестроительную философию. Он учит не только тому, как надо думать, но, прежде всего тому, как надо жить» [2, с. 89]. Эта цитата характерна для деятельности Дмитрия Сергеевича.

Задачей своей научной и общественной деятельности академик Дмитрий Сергеевич Лихачев считал возвращение гуманистического начала, с целью сохранения человеческого рода. В этой связи понятно его особое внимание к образованию как институту культурной преемственности поколений.

В данном направлении Д.С. Лихачев продолжил лучшие традиции российской гуманитарной мысли, заложенные М.В. Ломоносовым, В.Н. Татищевым, Н.М. Карамзиным, Л.Н. Толстым. Немало внимания проблемам воспитания посвятили врач Н.И. Пирогов, химик Д.И. Менделеев, историк В.О. Ключевский. Для Д.С. Лихачева внимание к образованию было, как нам представляется, органично связано с предметом его исследований.

Среди огромного количества научных и публицистических работ академика Д.С. Лихачева более ста наименований можно отнести к педагогическим, полностью или частично раскрывающим актуальные вопросы образования и воспитания молодого поколения современной России. Другие работы ученого, посвященные проблемам культуры, истории и литературы, хотя прямо и не ставят педагогические вопросы, но по своей сути и гуманистической направленности (обращенности к человеку, его исторической памяти, культуре, гражданственности и нравственным ценностям) содержат огромный воспитательный потенциал.

Обзор педагогических работ Д.С. Лихачева позволяет вычленить некоторые стержневые направления его педагогических раздумий и поиска. Образование (как среднее, так и высшее) Д.С. Лихачев не мыслил без воспитания. Образование обеспечивает накопление знаний, создает научную эрудицию, развивает интеллект, формирует профессионализм. Однако даже высокое общее и профессиональное образование, лишенное нравственной основы, усвоения гуманистических общечеловеческих ценностей и превращения их в нормы поведения, не позволяет сформировать полноценную личность российского интеллигента. «Средняя школа должна воспитывать человека, способного осваивать новую профессию, быть достаточно способным к различным профессиям и быть, прежде всего, нрав-

ственным. Ибо нравственная основа — это главное, что определяет жизнеспособность общества: экономическую, государственную, творческую» [3, с. 154]. С этих позиций Д.С. Лихачев выступал как ученый-культуролог и моралист, разработавший нравственный кодекс третьего тысячелетия. Для педагогической науки этот кодекс является теоретической основой содержания нравственного воспитания. Научно-педагогическая ценность наследия Д.С. Лихачева — это, прежде всего, его вклад в разработку современной гуманистической концепции воспитания с позиций культуроцентризма и культурологии.

Размышляя об исторической миссии России, о сущности развития культуры, Д.С. Лихачев ставил вопрос об исторической и культурной преемственности поколений, который в современных условиях является актуальным. В Национальной доктрине образования РФ (2000) обеспечение преемственности поколений выдвинуто на первый план как одна из важнейших задач образования и воспитания, решение которой способствует стабилизации общества. Д.С. Лихачев подходил к решению этой задачи с культурологических позиций: культура, по его мысли, обладает свойством преодолевать время, соединять прошлое, настоящее и будущее. Без прошлого нет будущего, тот, кто не знает прошлого, не может предвидеть будущее. Это положение должно стать убеждением молодого поколения. Для формирования личности молодого человека чрезвычайно важна социокультурная среда, созданная культурой его предков, лучшими представителями старшего поколения его современников и им самим.

Важным направлением педагогических раздумий Д.С. Лихачева явилось воспитание патриотизма и гражданственности. Решение этих педагогических задач ученый связывал с современным обострением проявления национализма в молодежной среде. Национализм — страшное бедствие современности. Его причину Д.С. Лихачев видел в недостатках образования и воспитания: народы слишком мало знают друг о друге, не знают культуры своих соседей; в исторической науке много мифов и фальсификаций; культуру часто подчиняют политике. Обращаясь к молодому поколению, ученый говорил о том, что мы еще не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм («зло маскируется под добро»). В своих работах Д.С. Лихачев четко разграничивал эти понятия, что очень важно для теории и практики воспитания. Истинный патриотизм состоит не только в любви к своей Родине, но и в том, чтобы, обогащаясь самому культурно и духовно, обогащать другие народы и культуры. Национализм — это проявление слабости нации, а не ее силы.

Наиболее весомый, с нашей точки зрения, вклад Д.С. Лихачев внес в развитие концепции

нравственного воспитания. Он обогатил педагогическую теорию, раскрыв содержание многих нравственных понятий, которых нет в современной российской педагогике. Например, совесть и честь, тревоги совести. Совесть всегда исходит из глубины души, она подсказывает человеку, как надо поступать, и никогда не бывает ложной. А представление человека о чести бывает ложным. Так, «честь мундира» заставляет некоторых людей (чиновников, руководителей) отстаивать ложные или порочные проекты и решения. Честь истинная — это достоинство нравственно живущего человека.

Социальная значимость педагогического наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева была отмечена избранием его Почетным членом Российской Академии образования.

Заметное место в обширном творческом наследии Дмитрия Сергеевича Лихачева занимают труды по краеведению (региональной культурологии), посвященные преимущественно Петербургу. Дмитрий Сергеевич неоднократно подчеркивал важность краеведения, причем не только в научном, познавательном, но и в воспитательном плане.

Суждения о неповторимости каждого культурного объекта и необходимости бережного к нему отношения; суждения о том, что градостроители не имеют права распоряжаться только по своему усмотрению историческими зданиями и историческими городами, так как они принадлежат всему народу, в том числе и будущим поколениям, звучат всегда актуально.

Сегодня ученые краеведы в своей деятельности могут широко использовать концепции экологии культуры и культурной среды, учения, разработанные Д.С. Лихачевым о влиянии социально-культурной среды на формирование личности.

Велико также значение вклада Д.С. Лихачева в развитие современного искусствознания как части художественной культуры.

В наследии Д.С. Лихачева четко выделяются работы «чисто» искусствоведческого цикла, среди которых наиболее значимыми представляются статьи, вошедшие в сборник «Очерки по философии художественного творчества» [4], а также труды, опубликованные в монографии, подготовленной и изданной СПбГУП, «Дмитрий Лихачев. Избранные труды по русской и мировой культуре», являющейся самым полным изданием культурологического и историко-художественного наследия ученого [5]. Все эти работы служат наглядным практическим выражением концептуального взгляда Д. С. Лихачева на историю русского искусства, как неотъемлемой части всей русской культуры.

В этих работах получили четкое выражение теоретические размышления Д.С. Лихачева, отражающие актуальные вопросы современного

искусствознания, а также его взгляды на процесс и основные этапы исторического развития русского искусства.

В теоретических взглядах Д.С. Лихачева, посвященных истории и теории искусства выделяются две группы идей. Первую группу составляют мысли ученого о происхождении и природе искусства, а вторую — размышления о способе существования и закономерностях развития художественного процесса. Идеи и той, и другой группы неразрывно связаны и свободно перетекают из работы в работу, в зависимости от темы и задачи исследования.

Мысли Д.С. Лихачева о происхождении искусства привлекают своей оригинальностью и глубоким пониманием природы художественного. В своей работе «Заметки об истоках искусства» [6] ученый говорил о происхождении художественного творчества как о непрерывном процессе, неограниченном каким-либо историческим периодом. Кроме того, важной причиной зарождения художественного творчества он считал страх и говорил о том, что именно это чувство лежит в основе потребности в физическом и эстетическом преодолении мира. Необходимость преодоления хаоса в мире и во внутреннем мире личности — третья причина происхождения искусства и одна из его важнейших функций.

Размышления о художественном процессе направлены на выявление закономерностей, обеспечивающих единство этого процесса, что потребовало осмысления категории «стиль», введения нового искусствоведческого понятия «контрапункт стилей». Ученый обращает внимание на то, что каждое произведение искусства есть средоточие нескольких стилей и такой контрапункт является залогом развития художественного творчества в целом. В работах Д.С. Лихачева разрабатываются понятия Предвозрождения и Проторенессанса.

Важно заметить, что во всех основных трудах ученого историко-художественная, эстетическая и культурологическая проблематика выступает как основание его конкретных и узкоспециальных размышлений. Например, в своих трудах он касался проблематики традиций на материале живописи, архитектуры, литературы. Исследователь отмечал, что «произведения искусства воплощают в себе длительные народные традиции. Они продолжают жить и за пределами своей эпохи» [7, с. 285]. Размышляя об открытии человеческой личности в произведениях XVII века, ученый говорил о возникновении принципиально новых явлений, новаций в изобразительном искусстве, превратившихся постепенно в традиции. В изобразительном искусстве открытие ценности человеческой личности проявляется в появлении парсун (портретов), линейной перспективы, иллюст-

раций к произведениям демократической литературы с изображением «среднего» человека.

Проследившая путь развития русского искусства, в работе «Русская культура Нового времени и Древняя Русь» [8, с. 171—190.] Д.С. Лихачев отмечал, что с конца XIX века возникло стремление ввести древнерусское искусство в «большое» искусство России. В связи с этим Д. С. Лихачев показывает разные пути возрождения традиций в русском искусстве конца XIX — начала XX века. Во-первых, это было своеобразное возвращение к древнему искусству иконописи в творчестве Врубеля, Васнецова, Нестерова, Рериха. Во-вторых, наметилось стремление присоединиться к тому потоку русского искусства, которое продолжило традиционное русское искусство: Рябушкин, Кустодиев, Петров-Водкин испытывают на себе влияние парусного письма и провинциальных вывесок, глиняной игрушки — их цвета и «первозданности». Особенно отчетливо, по мнению Д.С. Лихачева, возвращение к народной вывеске прослеживается у Шагала. Дмитрий Сергеевич определил и третий путь воссоединения с традиционным искусством — это путь, открытый авангардом начала XX века. Авангардисты стремились продолжить непосредственность лубочных изданий в своих работах, перенести в свои произведения экспрессию крестьянской и древнерусской иконы, фресок, лубочных картинок, чистоту и яркость красок, выразительность образов. Наметилась тенденция — соединения живой традиции и обращение к древнерусской классике в произведениях Петрова-Водкина. Его «Богоматерь — Умиление злых сердец» становится своего рода классикой русской иконописи.

Д.С. Лихачев предложил культуроцентричную модель истории. История человечества интересовала Дмитрия Сергеевича не как череда войн и смена экономических формаций, а как история культуры. Культурологическое значение для отечественной науки имеет признание ученым в качестве главного двигателя истории воли человека-творца, воли свободной личности. «Я лично верю в случайность в истории, то есть я верю в волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как “что ждет нас в будущем?”, не имеют смысла. Нам ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали отклониться, в истории нет» [9, с. 70]. С этим положением тесно связано и другое суждение Д. С. Лихачева. В центре изучения в гуманитарных науках должна стоять человеческая личность: «Человек, его личность — в центре изучения гуманитарных наук. Именно поэтому они и гуманитарные» [10, с. 259].

Отдельных исторических деятелей, по убеждению Д. С. Лихачева, следует оценивать не по

степени успешности в войнах, не по территориальным приращениям, а по их влиянию на развитие культуры.

Так, оценка личности и деятельности Ивана Грозного носит у Д.С. Лихачева негативный характер, несмотря на признание несомненных талантов царя, в том числе литературных. Сопоставляя XVI век с периодом феодальной раздробленности, Д.С. Лихачев писал: «Государство взяло на себя решение всех этических вопросов за своих граждан, казнило людей за отступление от этических норм всевозможного порядка. Возникла страшная этическая система Грозного... Грозный взял на себя невероятный груз ответственности. Он залил страну кровью во имя соблюдения этических норм или того, что ему казалось этическими нормами» [11, с. 193].

Именно политический террор Ивана Грозного, по убеждению Д.С. Лихачева, способствовал подавлению личного начала в художественном творчестве и стал, в результате, одной из причин, воспрепятствовавших расцвету Возрождения в России. Тем же принципом, хотя и с иными выводами, руководствовался Д.С. Лихачев при оценке деятельности Петра I.

Ученый отмечал, что появление в русской культуре первой четверти XVIII века множества новаторских динамичных элементов, явились результатом реформы, проведенной Петром I. Однако в исторической перспективе петровская «индустриализация», отнявшая и искалечившая жизни сотен тысяч безмянных тружеников, во многом напоминает сталинскую — те же варварские методы, тот же временный успех, позволивший резко усилить военный потенциал страны, — и та же бесперспективность принудительного низкооплачиваемого труда, ведущая к нравственной и физической деградации рабочих и, в конечном счете, к неизбежному отставанию экономики страны от уровня развитых экономических стран.

Испытав на себе условия жесточайших преследований, явившихся следствием попытки государства решать все этические вопросы за своих граждан, Дмитрий Сергеевич пришел к выводу, что надежной защитой от насильственной унификации культуры политическими и репрессивными средствами, может быть многомерность и многозначность культурных феноменов. Все усилия свести культурный плюрализм к монистическому целому, приводит к изменению его формы и адаптации к социально-политическим, экономическим и военным условиям.

Таким образом, ученый значительно обогатил такие сферы гуманитарного знания как философия, педагогика, искусство, краеведение, история. Свою деятельность в гуманитарной области Дмитрий Сергеевич рассматривал как чрезвычайно важную, так как полагал, что всесто-

роннее развитие общества невозможно без гуманитарных наук, поскольку они питают духовную жизнь человека, являются вкладом в общее состояние духовной жизни народа, делают общество морально здоровым. Без нравственной основы не действуют законы экономики и государства, невозможно прекратить коррупцию и взяточничество. Во всех сферах деятельности людей культура придает упорядоченность и самоорганизацию, снижает процессы, ведущие к беспорядку, поднимает уровень духовной и экономической жизни. Именно по этой причине все труды академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, выполненные в рамках частных социально-гуманитарных наук, являются в то же время работами в области культурологического знания.

Примечания

1. Лихачев, Д.С. Без доказательств / Д.С. Лихачев. — СПб. : БЛИЦ, 1996. — 159 с.
2. Громов, М.Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии / М.Н. Громов // Вопросы философии. — 1994. — № 1. — С. 89.
3. Лихачев, Д.С. Русская культура / Д.С. Лихачев. — М. : Искусство, 2000. — 439 с.
4. Лихачев, Д.С. Очерки по философии художественного творчества / Д.С. Лихачев. — СПб. : Блиц, 1999. — 191 с.
5. Лихачев, Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре / Д.С. Лихачев. — СПб. : СПбГУП, 2006. — 416 с.
6. Лихачев, Д.С. Заметки об истоках искусства / Д.С. Лихачев // Alma mater (вестник высшей школы). — 2006. — № 10. — С. 3—6.
7. Лихачев, Д.С. Избранное: великое наследие: классические произведения литературы Древней Руси: Заметки о русском / Д.С. Лихачев. — СПб. : Logos, 1998. — 560 с.
8. Лихачев, Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре / Д.С. Лихачев. — СПб. : СПбГУП, 2006. — 416 с.
9. Лихачев, Д.С. Нас ждет то, что мы сделаем сами: дискуссия «Россия во мгле: оптимизм или отчаяние?», окт. 1998г. Дворец Белосельских-Белозерских / Д.С. Лихачев // Университетские встречи. 16 текстов. — СПб. : СПбГУП., 2006. — С. 70.
10. Лихачев, Д.С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет / Д.С. Лихачев. — Л. : Сов. писатель, 1989. — 607 с.
11. Лихачев, Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре / Д.С. Лихачев. — СПб. : СПбГУП, 2006. — 416 с.

Поступила в редакцию 22 августа 2008 г.

Рыжова Светлана Валерьевна. Старший преподаватель кафедры иностранных языков, соискатель кафедры культурологии и социологии Сибирского федерального университета. Член Восточно-сибирского культурологического общества. E-mail: rsv67x@mail.ru

Rozhova Svetlana Valerievna is the Senior Teacher of the Foreign Languages Department, candidate at the Cultural Studies and Sociology Department of Siberian Federal University. She is a member of the Eastern-Siberian Culturology Society. E-mail: rsv67x@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ КАТЕГОРИИ «КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»

И.А. Филюков

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF DEFINITION AND ESTIMATION OF THE CATEGORY «QUALITY OF LIFE»

I.A. Filjukov

В статье приведен обзор основных точек зрения на категорию «качество жизни» и синонимические дефиниции и предложена оригинальная авторская концепция определения уровня качества жизни в обществе.

Ключевые слова: человеческий капитал, стиль жизни, качество жизни эталон сравнения, уровень жизни, стандарт жизни, потенциал, социальное настроение.

The article gives the review of the basic points of view on the category «quality of life» and synonymic definitions and suggests the original author's concept how to define the degree of quality of life in society.

Keywords: human capital, style of life, quality of life, standard of comparison, level of life, standard of life, potential, social mood.

На современном этапе общественного и экономического развития все большее влияние на темпы социально-экономического и инновационного развития оказывает способность государства и общества обеспечивать развитие и реализацию человеческого потенциала населения. В условиях формирования постиндустриального общества резко возрастает зависимость экономической эффективности производства от величины и качества человеческого капитала, наследуемого с позиций образования, культуры и, в первую очередь, здоровья предыдущих поколений и наращивания потенциала через накопление знаний, опыта, умения, уровня физического и интеллектуального развития людей.

Стоит отметить, что в современном мире потребности бессмысленно и неограниченно расширяются, диктуемые уже не самим человеком, а создаваемые извне. Стремясь максимально облегчить свою жизнь, человек незаметно теряет ее духовную составляющую, обретая взамен постоянное смятение и вечную неудовлетворенность и, соответственно, падение качества жизни.

Возрастание доли человеческого капитала в структуре национального богатства требует более полного учета физических, духовно-нравственных и социальных потребностей людей, обеспечения возможностей для каждого человека вести здоровую, полноценную, творческую, активную жизнь. По оценкам Всемирного банка, проведенным по 192 странам, на долю физического капитала приходится около 16% националь-

ного богатств, природного капитала — 20%, человеческого — 64%. Для России эта пропорция иная 14, 72 и 14%, то есть в стране роль природных богатств является доминирующей. В таких промышленно развитых странах, как Германия, Япония и Швеция, доля человеческого капитала достигла 80%¹. Таким образом, экспертные оценки свидетельствуют о том, что главным компонентом национального богатства в современных условиях должно стать развитие человеческого потенциала и увеличение человеческого капитала, а условием его накопления является высокое и все повышающееся качество жизни.

Вступление человечества в постиндустриальную эпоху требует пересмотра экономических подходов и ориентиров представлений о человеке. Это приводит, во-первых, к появлению новых концепции, объединяющей человеческий и социальный капиталы, а во-вторых, к включению человеческого потенциала в понятие «человеческое развитие».

В России пока еще не выработано единого подхода к методике оценки качества жизни. Для построения интегрального индикатора качества жизни предлагаются такие «частные индикаторы», как условия и охрана труда, доступность информации, обеспеченность населения продукцией собственного производства уровень обеспеченности автомобилями, природно-климатический фактор, жилищные условия и бытовое обслуживание, социальная безопасность, репродуктивная деятельность, состояние окружающей

среды и др. Поэтому определение, содержание и структура этой категории продолжают оставаться темой научных дискуссий.

Уже С. Маккол отмечал, что счастье человека тесно связано (и может быть даже идентичным) с выполнением чего-то. Каждая личность имеет определенные таланты, способности, потенциальные возможности. Счастлива она или нет в большей степени зависит от того, реализуются ли эти способности⁵. Качество жизни, по мнению Маккола, состоит в удовлетворении необходимых условий для общего счастья. Если такие условия создаются в том или ином обществе или регионе, то качество жизни высокое, если нет — низкое.

Многие современные исследователи начинают склоняться к мнению, что качество жизни отражает не только условия жизнедеятельности, но и результат этой жизнедеятельности — реализацию человеческих способностей, возможностей или более правомерным понятием человеческого потенциала. Например, Н.С. Маликов определяет качество жизни «как функцию и результат жизнедеятельности социального субъекта, который определяется реализуемым потенциалом человека в существующих условиях»³.

Действительно, определение качества жизни как удовлетворение потребностей является недостаточно корректным. Потребности определяются как нужда в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом. Основными причинами активности человека выступают интересы, являющиеся формой выражения и реализации потребностей личности. Чем больше свободы в выборе человеком способов реализации своих интересов, тем выше его качество жизни. Следуя данной концепции, нами предлагается следующее определение качества жизни.

Качество жизни — это комплексное понятие, отражающее степень развития человеческого потенциала, объективные условия проживания и субъективную оценку его реализации в процессе жизнедеятельности человека, социальной группы и общества в целом. Человеческий потенциал ученые определяют как совокупность параметров, обуславливающих определенные возможности, способности, внутренние ресурсы для реализации тех или иных усилий, направленных на самосохранение и развитие, а также преобразование окружающих условий⁹. Авторы рассматривают человеческий потенциал как способность, возможность и потребность людей трудиться в условиях постиндустриального общества. При этом способность человека трудиться определяется в первую очередь величиной его человеческого капитала как совокупности врожденных способностей и

таланта, запаса здоровья, приобретенных знаний, опыта и квалификации. Потребность трудиться связана с системой его ценностей и предпочтений, наличием мотивации, структурой его интересов, степенью активности; возможность полноценного, творческого и доставляющего удовлетворение труда, что во многом зависит от качества жизни населения. Человеческий потенциал только отчасти представляет собой нечто данное людям от рождения — в значительной мере он формируется, развивается в процессах социализации личности. И актуально имеющийся, сформированный человеческий потенциал в зависимости от существующих условий может раскрываться, реализовываться в разной степени. Совокупность же условий для реализации всех человеческих потенциалов является примерно одинаковой для большинства людей.

В первую очередь — это удовлетворение потребностей людей. В то же время сам потенциал у разных людей сильно различается. У каждого индивида имеется свой набор потенциалов, о наличии которых человек может и сам даже не подозревать. Потенциалы индивидов реализуются в течение всей жизни человека, на каждом этапе жизненного пути раскрывая все новые и новые потенциалы человека. Следует выделить два элемента человеческого потенциала. Первая часть человеческого потенциала объективно существует, реализуется в деятельности. Это совокупность тех потенциалов человека, которые уже имеются в наличии. Вторая часть потенциала не видна, быть может, она даже не образована или находится в состоянии зарождения. Но при определенных условиях, эта часть потенциала может проявиться в будущем.

Приведенное определение качества жизни позволяет четко разделить смежные с ним категории: «образ жизни», «уровень жизни» и «социальное настроение». Последняя понимается авторами как субъективная оценка удовлетворенности индивида степенью реализации существующего потенциала.

В процессе анализа обратимся к рассмотрению данных категорий и их соотношениям.

Н.П. Федоренко и Н.М. Римашевская, разделяя понятия «благосостояние», «уровень», «качество» и «образ жизни», следующим образом определили их соотношения. Если считать, что уровень жизни отражает комплекс условий и характер функционирования человека в сфере потребления («по ту сторону производства»), образ жизни — особенности деятельности (поведения) людей во всех сферах их проявления, а качество жизни — состояние населения применительно к его существенным характеристикам, то народное благосостояние отражает развитие потребностей людей применительно к основным

сферам жизнедеятельности: сфере труда, потребления, культуры, репродуктивного поведения, общественно-политической жизни и др.².

В основном, ученые признают прямую зависимость качества жизни от ее уровня. Но были и случаи противопоставления «уровня жизни» ее «качеству». Основанием для этого послужило следующее методологическое положение: с возрастанием уровня жизни возрастает и ритм жизни, повышаются нервно-психические нагрузки, ухудшается окружающая среда. Все это, по мнению сторонников данной точки зрения, приводит к снижению качества жизни.

Структура категории «уровень жизни» включает потребление материальных благ, удовлетворение потребностей людей в жилище, услугах, досуге. Уровень жизни, в отличие от качества жизни, предполагает прямое количественное измерение в денежных или натуральных единицах. Анализ уровня жизни населения позволяет оценить эти условия — составную часть качества жизни. С этой точки зрения уровень жизни рассматривается как составная категория качества жизни.

Тем не менее, высокий уровень жизни еще не означает высокий уровень ее качества. Имея все условия для реализации своего потенциала, жизнь индивидуума, в силу его образа и стиля, может характеризоваться низким качеством. Высокое качество жизни предполагает человеческую деятельность именно в сферах, одобряемых социальными нормами, полезных и нужных для человека и для общества. Поэтому высокое качество жизни предполагает и соответствующий образ жизни. Образ жизни — категория, которая получила широкое рассмотрение и советской социологической литературе⁶.

В широком понимании образ жизни — способ, форма деятельности социального субъекта в объективных условиях. С точки зрения рассматриваемой нами концепции, образ жизни должен отражать типичные формы деятельности индивидов и социальных групп в различных сферах жизни, совокупность видов социальной активности. При этом образ жизни во многом зависит от производственно-территориальных, природно-климатических, культурных, национальных и других факторов.

С этой точки зрения наиболее полным представляется нам определение академика Ф.С. Файзуллина, по которому образ жизни характеризуется как «тип социально-значимой жизнедеятельности индивидов, социальных групп или классов, зависящий от места, занимаемого ими в определенной системе производства и конкретно — исторических условий существования»¹⁰.

Дальнейший анализ проблемы невозможен без четкого определения терминов «деятельность» и «жизнедеятельность». Данные категории находятся в родовидовых отношениях. Под

«жизнедеятельностью» понимают способ существования живого организма (имея в виду все виды активности, направленные на воспроизведение самой жизни), в то же время термином «деятельность» принято определять осознанную мотивированную и целенаправленную активность, в которой реализуется совокупность общественных по своей природе отношений к миру.

Если деятельность — осознанная, целенаправленная, то поведение больше характеризуется как неосознанная деятельность. С нашей точки зрения, данная категория также важна для анализа качества жизни, т. к. необходимость эта возникает вследствие рассмотрения субъективной стороны активности индивидов. Поведение является основой категории «стиль жизни».

На протяжении 60-х — первой половины 70-х гг. понятие «стиль жизни» разрабатывалось не только в США и Западной Европе, но и в ряде социалистических стран, причем нередко рассматривалось в качестве тождественного понятию «образ жизни» и на этом основании встречало поначалу негативное отношение со стороны некоторых советских ученых. Позднее «стиль жизни» все чаще стал рассматриваться как социально-психологическая категория, как четко определенный аспект общей проблематики образа жизни, ориентированный на оценку поведения людей. Поведение индивида, как известно, имеет две стороны: объективную и субъективную. Обстоятельства заставляют человека действовать так, а не иначе. Но нередко люди поступают вопреки обстоятельствам, ориентируясь в своем выборе на определенные ценности. Это обуславливает наше обращение не только к вопросу образа жизни, но и к ценностным ориентациям людей.

Наряду с выделением данных понятий рассмотрим термин «стандарт жизни». Под «стандартом жизни» мы понимаем некий нормативно-предписанный показатель уровня жизни. Например, величина прожиточного минимума и среднедушевые денежные доходы можно отнести к показателю стандарта жизни.

«Качество жизни» включает также субъективную оценку степени реализации потенциала. Роль субъективной оценки степени реализации человеческого потенциала заключается в том что, становясь мотивом поведения, самочувствие отражается в различных формах активности личности. Субъективная оценка реализации потенциала формируется под влиянием многих факторов. Оценку реализации своего потенциала индивиды производят на основе оценки удовлетворенности отдельных своих потребностей, т. е. мерой субъективной оценки реализации потенциала выступает категория удовлетворенности.

Г.В. Осипов определяет удовлетворенность как степень разрыва между ожиданиями человека и его реальным положением, как некую равнодействующую величину, определяющую взаимосвязь объективных и субъективных условий социального положения личности⁴.

Удовлетворенность мы определяем как степень разрыва между реальными удовлетворенными потребностями и уровнем притязаний индивида. Надо заметить, что индивидов, полностью удовлетворенных своей жизнью и реализацией своих потребностей, нет. Согласно пирамиде Маслоу, чем выше у индивида уровень жизни и чем больше своих потребностей он удовлетворяет, тем больше он стремится к удовлетворению других, более высших своих потребностей.

Для характеристики субъективной оценки степени реализации человеческого потенциала используем понятие «социальное настроение». Необходимо отметить, что под термином «социальное настроение» трактуется широкий круг явлений. Социальное настроение служит промежуточным звеном между объективным миром и человеческой деятельностью в процессе преобразования мира и самого субъекта деятельности. Оно формируется при взаимодействии различных факторов человеческой практики, непосредственно вплетено в жизнедеятельность и фиксируется в психике, сознании человека в понятиях положительных и отрицательных, устойчивых и динамичных эмоциях, чувствах, ощущениях, и представлениях.

Социальное настроение, следовательно, проявляет себя как функциональная единица социального, психосоциального и психосознательного освоения действительности. Говоря о сущности социального настроения, следует иметь в виду, что наряду со статическим оно обладает динамическим измерением, которое определяет не только его изменяющиеся элементы, стадии и формы, но и его сущность. Социальное настроение порождается противоречиями в социальном бытии, специфически отражает социальные цели людей, вступающих нередко в конфликт с возможностями их удовлетворения. Анализируя социальное настроение, следует обратить внимание и на то, что оно по своей сути представляет эмоционально-рациональное состояние, реакцию на что-то, предполагающие взаимный обмен между участниками реального и предполагаемого события и зависящие от степени разрешимости социальных проблем в интересах людей и социальных групп, организаций, институтов⁸.

Можно предложить в качестве социального настроения выделять:

- удовлетворенность отдельными аспектами жизни и перспективы решения проблем;
- оценку социальной значимости социально-экономических и политических реформ;

- степень адаптации к новым переменам, связанным с изменениями в жизни;
- отношение к деятельности властных структур.

Степень удовлетворенности формируется под влиянием множества факторов. По мнению Г.В. Осипова, формирование чувства удовлетворенности включает: а) объективные характеристики социального положения; б) субъективные характеристики восприятия этого положения; в) оценочные характеристики. Оценочные характеристики, по мнению американского исследователя А. Кэмпбелла формируются из двух факторов: оценки среды и эталонов сравнения. Понятие «эталон сравнения» складывается из одной или нескольких основ оценки, включающих уровень устремлений (то, чего человек стремится достичь), уровень ожиданий (то положение, которое человек надеется достичь в ближайшее время), уровень равенства (то положение, которого человек считает себя достойным), уровень референтной группы (т. е. группы, с которой он себя идентифицирует), личные потребности (предполагаемый размер вознаграждения) и другие. Таким образом, социальное самочувствие определяется не только объективными условиями и психическими особенностями индивида, но зависит и от того, с какой группой данный индивид себя идентифицирует¹⁰.

Во многом характер удовлетворенности населения формируется под воздействием ценностных ориентации как общества в целом, так и индивида в частности. Общество может быть нацелено на различные ценности. В обществе, где преобладают духовные ценности, где обеспечивается равенство возможностей и справедливое распределение благ, социальное самочувствие большинства людей будет высоким, даже если уровень жизни населения недостаточно высок.

Для объяснения механизмов формирования и действия субъективной оценки приведем в пример советское общество. Уровень жизни населения в советский период был достаточно низок, хотя в 60—80-е годы в стране практически не было глубокой бедности. Успешно осуществляемая политика государственного патернализма обеспечивала граждан страны бесплатным обучением, медицинским обслуживанием, работой и жильем. Основные приоритеты (удовлетворение самых низших потребностей — материальных) государство учитывало и удовлетворяло. Основная ценность общества социальное равенство — позволяло создавать ощущение социальной справедливости существующего строя. На фоне всего этого субъективная оценка качества жизни населения была достаточно высокой.

С переходом к рыночной экономике ценности общества кардинальным образом изменились.

Огромное значение стали играть материальная обеспеченность, власть, социальный статус индивидов. В обществе появились богатые и бедные. Если одни группы населения не имели возможностей для удовлетворения своих даже низших потребностей, то другие группы получили неограниченные возможности. Существенные изменения в уровне жизни и огромная социально-экономическая дифференциация общества, изменение ценностей общества привели к существенным изменениям в субъективных оценках населения. Таким образом, объективные условия жизнедеятельности человека оказывают огромное влияние на субъективную оценку качества жизни¹¹.

В то же время существует много факторов, которые в реальности уменьшают взаимовлияние между условиями жизни людей и их оценкой. В число этих факторов входят: возраст, образование, социальная самоидентификация индивида, семейное положение, физиологическое состояние и многие другие факторы. Комбинация этих факторов может привести к ситуациям, когда хорошие условия совмещаются с негативной оценкой качества жизни, и наоборот, плохие условия — с позитивной оценкой.

Итак, мы пришли к выводу, поскольку под качеством жизни в исследовании подразумевается комплексное понятие, отражающее степень развития человеческого потенциала, условия, формы и субъективную оценку его реализации индивидом, социальной группой и населением в целом в процессе жизнедеятельности, социальные различия в качестве жизни нужно рассматривать в единстве образа жизни, уровня жизни, социального самочувствия и ценностных ориентации.

Интегральной характеристикой деятельности людей является образ жизни. Характеристикой условий жизни уровень жизни. Социально-психологические установки отражаются в стиле жи-

ни индивидуумов, а оценка собственных достижений — в социальном настроении.

Примечания

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации (2004): На пути к обществу, основанному на знаниях. — М. : Весь мир, 2004. — С. 107.
2. Жеребин, В.М. Уровень жизни населения / В.М. Жеребин, А.И. Романов. — М. : Наука, 2002. — С. 15.
3. Маликов, Н.С. К вопросу о содержании понятия «качество жизни» и его измерению / Н. С. Маликов // Уровень жизни населения регионов России. — М. : Наука, 2002. — 216 с.
4. Осипов, Г.В. Теория и практика социологического исследования в СССР / Г.В. Осипов. — М. : Наука, 1979. — С. 241.
5. Попов, С.И. Проблема «качества жизни» в современной идеологической борьбе / С.И. Попов. — М. : Политиздат, 1977. — 279 с.
6. Социальные показатели образа жизни советского общества: методологические проблемы / отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. — М. : Наука, 1980. — С. 21—25.
7. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор Г.В. Осипов. — М. : ИНФРА М-НОРМА, 1998. — 488 с.
8. Тощенко, Ж. Т. Социальное настроение / Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко. — М. : Academia, 1996. — 292 с.
9. Файзуллин, Ф. С. Социальные факторы развития человеческого потенциала. Поиск методологии исследования / Ф. С. Файзуллин // Социальные факторы развития человеческого потенциала на региональном уровне : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. — Уфа : БашГУ, 2003. — С. 9.
10. Файзуллин, Ф.С. Социология города : монография / Ф.С. Файзуллин. — Уфа. : Гилем, 1997. — С. 118.
11. Яппарова, Р.Р. Качество жизни городского населения: объективные и субъективные оценки / Р.Р. Яппарова // Рос. экон. интернет-журнал [Электронный ресурс]: Интернет-журнал АТиСО / Акад. труда и социал. отношений. — Электрон. журн. АТиСО, 2002.
12. Cambell, A. The American Voter / A. Cambell, P. Converse, W. Miller, D. Stokes. New York, 1960. — P. 12.

Поступила в редакцию 15 августа 2008 г.

Филюков Игорь Анатольевич, родился в 1962 году в Челябинске, окончил Московский инженерно-физический институт, Уральскую Академию государственной службы при Президенте РФ г. Екатеринбург, соискатель Российской Академии государственной службы при Президенте РФ г. Москва по специальности «Экономическая социология и демография». Заместитель начальника управления экономической политики аппарата Законодательного Собрания Челябинской области.

Filyukov Igor Anatolievich was born in 1962 in Chelyabinsk, graduated from the Moscow Engineering Physics Institute, Ural Academy of Public Administration under the Russian Federation President in the city of Ekaterinburg, candidate of the Russian Academy of Public Administration under the Russian Federation President, city of Moscow, major of Economical Sociology and Population Science. Deputy Head of the Economic Policy Department of the Legislative Assembly Administration of the Chelyabinsk region.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ «ИНФОРМАЦИОННОГО НЕРАВЕНСТВА»: ОТ ГОСУДАРСТВА К ОБЩЕСТВУ

Е.Г. Дьякова

CONSTRUCTING OF “INFORMATION INEQUALITY” PROBLEM: FROM STATE TO CIVIL SOCIETY

E.G. Dyakova

С позиций социального конструкционизма рассматривается превращение «информационного неравенства» в значимую социальную проблему. Показывается, что несмотря на значительные социокультурные различия между США, Европейским Союзом и Россией основным субъектом, конструирующим данную проблему, является государство, в то время как институты гражданского общества действуют внутри уже сложившегося «большого нарратива». Обсуждается, как повысить роль институтов гражданского общества в преодолении информационного неравенства.

Ключевые слова: информационное неравенство, конструирование социальных проблем, цикл социальной проблемы, легитимация, «большой нарратив», «риторика американской мечты», «риторика равенства», развитие информационного общества в России.

The article considers transformation of “information inequality” into socially important problem from the position of social constructionism. It is shown that despite of significant social-cultural differences between the USA, European Union and Russia the main subject controlling the given problem is the state and all institutions of civil society act within the formed “big narrative”. The ways to increase the role of institutions of civil societies in overcoming the information inequality are discussed.

Keywords: information inequality, constructing of social problems, cycle of a social problem, legitimation, “big narrative”, “rhetoric of American Dream”, “rhetoric of equality”, development of information society in Russia”.

Теория конструирования социальных проблем исходит из того, что они являются не объективно существующими социальными дисфункциями, которые приводят общество в неравновесное состояние (как трактует их функционализм), и тем более не проявлением и следствием классовых и иных социальных противоречий (подход, характерный для марксистской социологии), а результатом борьбы за право субъективного определения социальных условий как проблемных. Конструкционистский подход помещает в центр внимания вопрос о том, кто является субъектом конструирования проблемы, то есть чьи утверждения-требования превращают ее в предмет общественного внимания. Согласно классической модели, конструирование социальной проблемы начинается с того, что некая группа (группы) заявляют, что некое существующее условия является вредным, оскорбительным и нежелательным и

пытается сделать его предметом общественного внимания. Затем происходит легитимация данной группы со стороны официальных институтов, что предполагает некую официальную реакцию и поиски путей решения проблемы, и может породить новый цикл, связанный с недовольством представителей группы-инициатора бюрократическим подходом к решению проблемы, и даже отказ группы от участия в деятельности официальной организации и разворачивание параллельных институтов решения проблемы [8, с. 163].

Особый интерес с точки зрения социального конструкционизма представляет собой процесс появления новых, нетрадиционных социальных проблем. Как показал Д. Лозик, ни одна проблема не может быть сконструирована как абсолютно новая, так как «совершенно новые утверждения-требования могут быть безуспешными, если аудитория не обладает категориями, позволяю-

щими их понять» [13, с. 93]. Поэтому при выдвигании новой проблемы используются две основных дискурсивных стратегии: конструирование ее как частного случая или следствия уже существующей проблемы, или расширение содержания категории, обозначающей уже известную социальную проблему, чтобы включить в нее новые утверждения-требования.

Проблема «информационного неравенства», или, в более жесткой риторической формулировке «цифрового раскола», относится к числу новых социальных проблем. Под «информационным неравенством» понимается неравенство в доступе к современным информационно-коммуникационным технологиям. Обычно оно рассматривается как проявление и частный случай социального неравенства, поскольку «пораженными в информационных правах» оказываются прежде всего социальные низы, в том расширительном толковании, какое дает этому понятию постмарксистская социология (где акцент делается не на традиционном классовом неравенстве, а на сексизме, расизме, эйджизме и т. п.). В связи с этим логично было бы предложить, что субъектом утверждений-требований об информационном неравенстве являются некие институты гражданского общества, которым удалось пройти стадию легитимации, а сама она формулируется в рамках традиционной левой «риторики равенства».

Однако это не так. На самом деле понятие «цифровой раскол», было сформулировано в 1996 г. вице-президентом Соединенных Штатов Америки А. Гором в так называемом «Докладе Клинтона — Гора» в Ноксвилле, причем в основе его выступления лежала отнюдь не «риторика равенства», а традиционная «риторика американской мечты». Выступая в Университете штата Теннесси в ходе предвыборной компании, Гор заявил: «Мы бросили вызов нации, чтобы убедиться, что наши дети никогда не будут разделены цифровым расколом. И Америка ответила на этот вызов» [20]¹. Затем Б. Клинтон, представленный как «лидер, который стремится сделать так, чтобы каждый ученик, и каждая семья в Америке получили возможность участвовать в нашем беспредельном технологическом будущем», в речи, перегруженной традиционными тропами, повторил: «Может возникнуть огромный цифровой раскол. Если мы не распространим как можно шире развивающиеся знание и технологию, они могут начать работать на усиление неравенства, напряженности и тревоги людей. Но если мы будем поступать правильно, они станут великой силой, которая поможет нам ответить на вызовы [времени] и соединенными усилиями защитить наши ценности» [20].

Речь Б. Клинтона была смоделирована в лучших американских риторических традициях по

образцу знаменитых речей Дж. Кеннеди о «Новом Фронтире», начиная с самой первой, на конвенте Демократической партии в 1960 г. Тогда Кеннеди также говорил о вызове, стоящем перед нацией и необходимости на него ответить, о том, что за границами Нового Фронтiera «лежат неизведанные пространства науки и космоса», и ставил тот же вопрос о ценностях: «Может ли выжить нация, организованная и управляемая так, как наша? Это и есть главный вопрос. Хватит ли нам выдержки и воли? Сможем ли мы пройти испытание веком, который стал свидетелем прорыва не только в оружии массового уничтожения, но и гонке за владычество над небом и дождем, океаном и его приливами, глубинами космоса и глубинами человеческого разума?» [14].

Дж. Кеннеди считал нужным дополнить свой гимн научно-техническому прогрессу ссылкой на фразу пророка Исаии об «обновлении в силе»², тем самым возвращаясь к базовому для американской традиции мифу о «Городе на холме» и «Новом Иерусалиме», созданном свободными и ответственными только перед собой и Богом индивидами на основе договорных отношений. Б. Клинтон уже не нуждался в библейских аллюзиях, однако очевидно, что «цифровой раскол» в его речи является частью большого американского нарратива «ответа на вызов», в рамках которой достижения в научно-техническом прогрессе — еще один способ подтвердить достоинство нации в соответствии с протестантской доктриной успеха как избранности Богом³.

Как и следовало ожидать, рамки, в которых легитимируется проблема «цифрового неравенства», при перемещении из Америки в Европу сдвинулись, и в свои права вступил левый дискурс «равных возможностей», который до определенной степени (но далеко не до конца) вытесняет риторику вызова. Как показали К. Паувельс и Ж.-К. Буржельман, конструирование «европейского пути к информационному обществу» и преодоления «цифрового неравенства» осуществлялось и продолжает осуществляться на пересечении дискурса «глобализации и либерализации» и левого дискурса «информационного общества для всех». Но ориентировались ли творцы «Электронной Европы» на то, что рынок сам решит проблему «информационного неравенства», или же рассуждали о необходимости «сделать новое общество знаний обществом для всех», подчеркивая, что «делая акцент на всеобщем цифровом включении, Европейская комиссия стремится отделить европейский подход к информационному обществу от того, который существует в других частях света» (цит. по 18, с. 42), они исходили из убеждения, что проблема информационного неравенства — это проблема физического доступа, так что для его преодоления дос-

таточно создать технологическую инфраструктуру. Иными словами, решение проблемы информационного неравенства виделось в рамках применения соответствующих информационно-коммуникационных технологий, как торжество научно-технического прогресса, или, если воспользоваться выражением Дж. Кеннеди, «энергии и мастерства». Создатели европейской модели информационного общества были отнюдь не чужды логики «ответа на вызов», однако в их интерпретации она практически утратила американские мессианские обертоны, и превратилась в стремление не отстать от США и Японии по темпам научно-технического прогресса.

Однако «информационное неравенство» не сводится только к отсутствию доступа к компьютерам и Интернету: мало обеспечить доступ — необходимо, чтобы люди могли этим доступом воспользоваться. Осведомленность и квалификация в сфере современных информационных технологий — это социальный навык, который стремительно становится «навыком всеобщего распределения», таким же, как умение читать и писать на родном языке. Следует учесть, что за неравенством по уровню компьютерной/информационной грамотности населения скрываются еще как минимум два тесно связанных между собой аспекта информационного неравенства. Во-первых, это проблема отсутствия мотивации, когда люди не хотят пользоваться информационно-компьютерными технологиями, хотя и имеют такую возможность. Во-вторых, информационное неравенство порождается еще и недостаточностью контента: отсутствие мотивации зачастую объясняется именно тем, что люди не могут найти в Интернет-пространстве то, что им нужно, или получить нужные услуги.

Именно эти аспекты информационного неравенства оказались в центре публичного обсуждения, инициированного институтами гражданского общества Европейского Союза, которые широко использовали возможности, предоставляемые дискурсом «информационного общества для всех» и «всеобщего цифрового включения». Так, было заявлено, что «за отсутствием мотивации часто скрывается невежество, страх или нехватка средств» [19, с. 24].

Однако пока попытки общественной, неофициальной легитимации проблемы «цифрового неравенства» не увенчались особым успехом. Это убедительно показал осуществленный в 2006 г. группой европейских ученых под руководством Яна Сервэ и Нико Карпентье анализ первого этапа Всемирной встречи по информационному обществу, завершившегося в Женеве в 2003 г. На этой встрече была впервые сделана попытка объединить в едином публичном пространстве государственные и общественные структуры, что

сразу породило ситуацию взаимного непонимания, вызванную принципиальной разницей риторических требований.

Всемирная встреча по информационного обществу стала первым международным саммитом, на котором был применен так называемый «акционерный подход» («multi-stakeholder approach»): сделана попытка собрать вместе представителей государственной власти, бизнеса и гражданского общества для выработки общей перспективы будущего информационного общества. Однако гражданские активисты с самого начала жаловались, что процедура отбора и участия как в самой Всемирной встрече, так и к подготовительным мероприятиям к ней, крайне забюрократизирована, а само участие сведено к роли наблюдателей, так что возможности высказать свою позицию у них практически нет.

Впрочем, как показал анализ подготовленных в ходе подготовке к Встрече и самой Встрече документов, главная проблема была связана не с доступом, а с представлениями о том, каким должно быть информационное общество [см. 17]. Если представители государственных структур, участвовавших во Встрече, стремились как можно четче описать уровни управления и основных агентов информатизации (включая неправительственные организации), взаимодействующих на международном и региональном уровне, и делали акцент на эффективности их деятельности, то в «Декларации гражданского общества», наоборот, просматривалась тенденция к тому, чтобы сделать информатизацию «общим делом», в котором должны участвовать «все», и акцент делался именно на полноте участия, на диалоге и на возможности влиять на принятие решений — см. таблицу⁴.

Семантические поля итогового документа ВВУИО (Женева, 2003) и Декларации гражданского общества⁵

Итоговый документ ВВУИО	«Декларация гражданского общества»
Различные уровни взаимодействия	Участие всех секторов
Международный и региональный уровень	Предоставление новых возможностей всем
Развитие и развивающиеся страны	Участие в принятии решений
Правительства	Прозрачность
Рынок	Ответственность
Конкуренция	Подотчетность перед гражданами
Эффективность	Партнерство
Сотрудничество	Регулирование на глобальном уровне

Таким образом, когда речь идет о «цифровом включении», европейское государство и европейское гражданское общество говорят на разных языках: в первом случае подразумевается включение граждан в технологическую инфраструктуру, во втором — участие в принятии решений.

В целом можно сделать вывод о том, что цикл конструирования проблемы «информационного неравенства» носит обратный характер по сравнению с классическим циклом, описанным в социальном конструкционизме: конструирование движется от государственной легитимации к общественной, а не наоборот. «Цифровой раскол» изначально возникает как *легитимированная* социальная проблема и попадает в сферу действия больших государственных нарративов, на базе которых различные социальные силы стремятся отстоять свои позиции и предложить свои пути ее решения данной проблемы. При этом действует описанный Дж. Кингдоном механизм, когда не проблемы порождают решения, а существующие решения ищут проблемы, к которым они могли бы быть приложены: «решения и проблемы имеют равный статус в качестве самостоятельных потоков внутри системы, и популярность определенного решения в определенный промежуток времени часто влияет на то, какие проблемы станут предметом рассмотрения». То, какие проблемы в результате все-таки будут решены, зависит от того, насколько совпадут между собой проблемы, решения, лоббисты и случайные возможности в «мусорном ящике», которым, по определению Дж. Кингдона, являются правительственные структуры [16, с. 91]. Конкретные решения, направленные на преодоление «информационного неравенства» могут быть самыми разнообразными (и достаточно успешными), однако в их основе будет лежать логика «ответа на вызов» и вера во всемогущество научно-технического прогресса, дары которого в конечном счете окажутся доступными для всех.

Ситуация, сложившаяся в России, в этом плане вполне типична и ничем не отличается от общемировой. Тревогу об отставании страны в сфере информационно-коммуникационных технологий забила именно государственная власть. С конца 80-х годов по указанию М.С. Горбачева и «в связи с необходимостью отражения в ней средств персональной информатики» [см. 2] разрабатывалась «Концепция информатизации СССР», породившая принятую в 1990 г. «Концепцию информатизации России»⁶. Все эти меры лежали вполне в русле общей советской политики в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, которая традиционно строилась под лозунгом «Догнать и перегнать!» и может считаться образцом догоняющей модернизации.

Впрочем, к началу 1990-х гг. ситуация в сфере информатизации казалась совершенно безнадежной: рассуждения о «нашем беспросветном отставании по всем направлениям» [см. 5] превратились в общее место. Если бы в то время уже сложилась концепция «информационного неравенства», Россия уверенно была бы отнесена к «информационно бедным» и не имеющим никаких шансов выйти из этого состояния странам. Следует отметить, что риторика «беспросветного отставания оказалась очень устойчивой». Еще в 1995 г. авторы популярного учебника по социальной информатике уверенно писали о том, что «сегодня в России идет процесс разрушения складывавшихся предпосылок информатизации, соответствующих классическому подходу к информатизации общества. Необходимы неординарные решения, позволяющие преодолеть технологическое отставание России от передовых стран мира» [2]⁷, а в статье, размещенной в 2001 г. (!) в Интернет-издании «Газета.ру» автор с удовольствием рассуждал о том, что «Интернета в России практически нет» [1]. Впрочем, подобные рассуждения вполне ложатся в структуру так называемого «народнического дискурса», отказывающегося видеть в стране что-либо, кроме «разрухи»⁸.

В реальности ситуация начала быстро меняться, причем почти исключительно стихийно, усилиями бизнеса. Информатизация России пошла вовсе не тем путем, который намечался в амбициозных государственных программах советских времен. Тем не менее ее успехи оказались весьма впечатляющими: за 10 лет, с 1996 г. число пользователей Интернета возросло на порядок, и к весне 2008 года достигло 40 миллионов человек. Важнейший барьер в 10 компьютеров на 100 человек населения был преодолен еще в 2004 г.

Однако границы «информатизации снизу» за последние десять лет обозначились достаточно четко: она охватывает в первую очередь мегаполисы и постепенно распространяется на менее крупные города. Очевидно, что ее было необходимо дополнить «информатизацией сверху», направленной на преодоление информационного неравенства прежде всего в его территориальном аспекте. Важным шагом, свидетельствующим о том, что государство приступило к конструированию, а, значит, и решению проблемы «информационного неравенства» стало принятие в январе 2002 года Федеральной целевой программы «Электронная Россия» (2002—2006 гг.)⁹. Авторы этой программы исходили из того, что решение проблем информатизации страны в приемлемые сроки невозможно только за счет использования существующего рыночного механизма и требует государственной поддержки. Недостаточное развитие современных информационных технологий в России, по их мнению,

объяснялось прежде всего отставанием с их применением в области государственного управления и неготовностью органов власти всех уровней к использованию этих технологий в процессе взаимодействия с гражданами. Именно это отставание и создавало барьер для ускоренного распространения новых коммуникативных технологий в российском обществе.

Сам факт появления федеральной программы «Электронная Россия» свидетельствовал о том, что информатизация стала элементом государственной политики и обрела первоначальную легитимацию путем использования тропа «повышения эффективности», заимствованного из советского «киберязыка» в его поздней брежневской версии¹⁰. Однако настоящий прорыв в данной сфере произошел с утверждением Президентом РФ «Стратегии развития информационного общества в России». Это произошло 7 февраля 2008 г., а уже 8 февраля В.В. Путин выступил на расширенном заседании Государственного Совета с докладом «О стратегии развития России до 2020 года». «Стратегия развития информационного общества» была вписана в более глобальную стратегию развития страны на основе модернизационных тропов: «улучшение качества жизни» и «инновационное развитие». Тем самым можно говорить о завершении легитимации проблемы информационного неравенства и включении ее в общегосударственную повестку дня.

В «Стратегии развития информационного общества России» проблема информатизации была переведена на язык конкретных контрольных значений. Так, согласно Стратегии, к 2015 г. доля государственных услуг, которые население может получить с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, от общего числа государственных услуг в Российской Федерации должна достигнуть 100 %, а доля электронного документооборота между органами государственной власти — 70 % по отношению к общему объему документооборота. В дальнейшем эти контрольные значения были еще более конкретизированы, так что в настоящее время поставлена задача к 2010 г. обеспечить все федеральные и региональные органы власти собственными центрами телефонного обслуживания населения, Интернет-сайтами, соответствующими единым требованиям, а также системами управления по результатам.

Таким образом, государственная стратегия в сфере информатизации уже проработана не только на уровне общих принципов, но и на уровне конкретных решений и регулируется многочисленными подзаконными актами (только в 2007 г. их было принято свыше десятка).

Однако в какой мере успешной является стратегия преодоления «информационного неравен-

ства» сверху? С одной стороны, как показал обзор внедрения информационных технологий в государственное управление в 2007 г., подготовленный компанией CNews Analytics, «органы государственной власти России перешли к масштабному применению информационных технологий не только на федеральном уровне, но и в значительной степени на региональном» [3].

С другой стороны, несмотря на наличие Федеральной целевой программы «Электронная Россия», Концепции региональной информатизации (утверждена в 2006 г.) и «Стратегии развития информационного общества в России», процессы информатизации продолжают оставаться локальными: сохраняется разобщенность систем в плане стандартов на функциональность и на технологию. Традиционный государственный дискурс служит как бы «зонтиком», позволяющим различным группам влияния ставить и достигать свои цели. В рамках этого же «зонтика» работают разнообразные общественные организации, представляющие (а фактически, лоббирующие) интересы IT-бизнеса. Например, учрежденный в феврале 2007 г. «Союз IT-директоров России» видит свои задачи прежде всего в повышении статуса IT-директоров путем привлечения их к участию в государственных проектах по информатизации и установления диалога по всем направлениям развития информационно-коммуникационных технологий с крупными поставщиками продуктов и услуг, а также с интеграторами и консультантами [7]. Нетрудно заметить, что гражданам в этих задачах места просто не нашлось.

В результате государственная политика в сфере информатизации практически не ориентирована на запрос общества, а участие институтов гражданского общества в решении проблем информатизации носит даже не лоскутный, а «очаговый» характер.

Российский «третий сектор» пока находится в стороне от информационной революции. Это не означает, что общественные организации, занимающиеся проблемами информатизации, вообще отсутствуют, однако большинство таких организаций существуют при соответствующих государственных структурах (прежде всего при Министерстве информации и связи Российской Федерации) и работают в рамках все того же дискурсивного «зонтика», не пытаясь дать ему самостоятельную интерпретацию. Исключение составляют такие организации, как Института развития свободы информации (г. Санкт-Петербург) или Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», чья деятельность сильнее ориентирована на европейский дискурс «информационного общества для всех» и «цифрового включения». Однако в целом ин-

ституты гражданского общества в России явно отстают от органов государственной власти в вопросах легитимации проблемы «информационного неравенства».

За последние годы ситуация несколько улучшилась, однако проблема информационного неравенства пока конструируется в нашей стране почти исключительно усилиями государства, и, соответственно, меры по ее решению предпринимает также только государство, что накладывает вполне определенный отпечаток на получающиеся результаты. Запрос граждан в сфере информационно-коммуникационных технологий только начал формироваться и осознаваться, так что пока в цикле существования социальной проблемы отсутствует важнейшее звено — она так и не превратилась в предмет публичного обсуждения, что содействует ее ускоренной фрагментации, но препятствует эффективному снятию.

Примечания

1. «We challenged the nation to make sure that our children will never be separated by a digital divide. And America has responded to that challenge». Адекватно перевести эту фразу чрезвычайно сложно, что косвенно доказывает глубокую укорененность риторики вызова и ответа на вызов в американской культуре.

2. «Надеющиеся на Господа обновятся в силе; поднимут крылья, как орлы, потекут, но не устанут, пойдут, но не утомятся», Ис. 40:31.

3. Ср. «Те, кто были перед нами, добились, чтобы эта страна первой использовала достижения индустриальной революции, достижения современного изобретательства, достижения победы над атомом, и это поколение не собирается оставаться позади в космический век. Мы намерены стать его частью — мы намерены его возглавить... Мы решили отправиться на Луну. Мы решили отправиться на Луну в этом десятилетии и совершить многое другое не потому, что это легко, но потому, что это трудно, потому что это требует всей нашей энергии и мастерства, потому что мы готовы принять этот вызов, не собираемся его избегать и намерены выиграть, и все остальные вместе с нами — тоже» [12]. В настоящее время предметом вызова стали не роботы и ракеты, а компьютеры и Интернет, но это не повлияло на структуру большого нарратива.

4. Следует подчеркнуть, что речь идет об активистах европейских общественных организаций. Представители «третьего мира» делали акцент исключительно на обязанности развитых стран содействовать развитию информационной инфраструктуры путем безвозмездного выделения соответствующих средств, а также осуждали монополию ICANN на регулирование Интернета как проявление культурного империализма. Краткое описание их позиции — см. 6. Проверено 01.04.2008. Особенно характерно замечание противника данной позиции о том, что «те, кто предлагает, чтобы Интернетом ведали все государства под эгидой, например, ООН, апеллируют к отсутствующей структуре. А такая структура абсолютно необходима для обсуждения массы проблем, в том числе технических: архитектуры, стандартизации, технологического обновления».

5. Таблица составлена на основе [14, с. 63].

6. Разработана рабочей группой Комиссии Президиума Совета Министров РСФСР по научно-техническому развитию и информатизации во исполнение распоряжения Совета Министров РСФСР от 30 октября 1990 г. № 1259-р.

7. Авторы рекомендовали «активный поиск конструктивных решений социальных проблем на основе симбиоза «левополушарных» и «правополушарных» механизмов коммуникации. В мире господствует западный, рассчитанный на рациональное восприятие вариант информатизации. Россия же — «правополушарный» регион и грамотный учет этого обстоятельства может позволить стране резко увеличить темпы информатизации, своим путем догнать передовые в информационном отношении страны» (там же). Как видим, преодоление информационного неравенства может мыслиться в рамках своеобразной славянофильской интерпретации М. Маклюэна.

8. Подробнее см. 9.

9. В 2006 г. программа ФЦП «Электронная Россия» с учетом накопленного опыта получила новую редакцию, причем упор был сделан на информатизацию государственного управления. См. описание ФЦП «Электронная Россия» (2002—2010 гг.) на официальном сайте Министерства информации и связи РФ // URL: http://www.inforegion.ru/ru/main/government/federal_program_erussia/

10. О взаимодействии «киберязы» с официальным советским «новоязом» см. 10, С. 253—293.

Литература

1. Галицких, Г. Интернета в России практически нет / Г. Галицких // [Электронный ресурс] «Газета.Ру», 1 сентября 2001 г. — Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/2001/01/09/internetavro.shtml>. Проверено 1.06.2008.

2. Дубровский, Е.Н. Основы социальной информатики / Е.Н. Дубровский, И.В. Соколова. [Электронный ресурс] — М. : Наука, 1995. — Режим доступа: http://www.history.ru/index.php?option=com_ewriting&Itemid=0&func=chapterinfo&chapter=29851&story=21342. Проверено 1.06.2008.

3. Информационные технологии в органах государственной власти в 2007 г. Обзор подготовлен компанией CNews Analytics. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.cnews.ru/reviews/free/gov2007?print>. Проверено 1.06.2008.

4. Концепция информатизации России. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.cplire.ru/koi/os/3_1/1.htm. Проверено 01.06.2008.

5. Лесков, С. ЭВМ: роскошь или панацея? / С. Лесков // Известия. 1991. 23 июня.

6. «Противопоставить американскому соло беспорядочный хор народов — это не решение» // [Электронный ресурс] Ежедневный информационно-аналитический журнал «GlobalRus.ru». — Режим доступа: <http://potrebности.globalrus.ru/pragmatics/779440/>. Проверено 1.06.2008.

7. Семенов, А. Учредительный съезд Союза ИТ-директоров / А. Семенов // [Электронный ресурс] Журнал «CIO». — № 10. — 21.03.2007 — Режим доступа: <http://offline.cio-world.ru/2002/9/311692/>. Проверено 1.06.2008.

8. Спектор, М. Конструирование социальных проблем / М. Спектор, Дж. Китсьюз // Контексты современности-II. — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2001.
9. Трахтенберг, А.Д. Рунет как публичная сфера: хабермасианский идеал и реальность / А.Д. Трахтенберг // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах. — Екатеринбург : УрО РАН, 2006. — С. 299—306.
10. Стратегия развития информационного общества в России, 2007 [Электронный ресурс]. «Российская газета», 16 февраля 2007 г. — Режим доступа: www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html. Проверено 1.06.2008.
11. Cammaerts, B. The Unbearable Lightness of Full Participation in a Global Context: WSIS and Civil Society Participation / B. Cammaerts, N. Carpentier // Towards a Sustainable Information Society. Deconstructing WSIS. Bristol, UK, 2006.
12. Gerovitch, S. From Newspeak to Cyberspeak. A History of Soviet Cybernetics / S. Gerovitch. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002.
13. Loseke, D.R. Thinking About Social Problems: an Introduction to Constructionists Perspectives / D.R. Loseke. — N.-Y., 1999.
14. Kennedy, J.F., 1960 Democratic National Convention Acceptance Address / J.F. Kennedy. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/jfk1960dnc.htm>. Проверено 1.06.2008.
15. Kennedy, J.F., 1962 Speech at Rice University in Houston, Texas / J.F. Kennedy. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.historyplace.com/speeches/jfk-space.htm>. Проверено 1.06.2008.
16. Kingdon, J.W. Agendas, Alternatives and Public Policies / J.W. Kingdon. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1984.
17. Padovani, C. Communication Governance and the Role of the Civil Society / C. Padovani, A. Tuzzi // Towards a Sustainable Information Society. Deconstructing WSIS. — Bristol, UK, 2006. — P. 51—93.
18. Pauwels, C. Policy Challenges to the Creation of a European Information Society: A Critical Analysis / C. Pauwels, J.-C. Burgelman // The European Information Society: Reality Check. — Bristol, UK, 2003.
19. Preston, P. European Union ICT Policies: Neglected Social and Cultural Dimensions / P. Preston // The European Information Society: Reality Check. Bristol, UK, 2003.
20. Remarks by President and VP in Knoxville TN. 1996. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.clintonpresidentialcenter.org/legacy/101096-remarks-by-president-and-vp-in-knoxville-tn.htm>. Проверено 1.06.2008.

Поступила в редакцию 22 августа 2008 г.

Дьякова Елена Григорьевна, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, доктор политических наук. Член Общественной палаты Российской Федерации, руководитель Рабочей группы по развитию информационного общества в России ОП РФ. Сфера научных интересов — теория идеологии, дискурс-анализ, теория информационного общества.

Dyakova Elena Grigorievna is chief researcher of the Philosophy and Right Institute of Ural Department of the Russian Academy of Science, PhD (Politics), member of the Public Chamber of the Russian Federation, leader of the working group on Development of Information Society in Russia, Public Chamber of the Russian Federation. Professional Interests: theory of ideology, discourse analysis, theory of the information society

ИНТЕРНЕТ КАК ИДЕОЛОГИЯ: АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ И АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕВОЙ МЫСЛИ)

А.Д. Трахтенберг

INTERNET AS IDEOLOGY: ALTERNATIVE COMMUNITY AND ALTERNATIVE REALITY (INTERPRETATION OF INFORMATION REVOLUTION IN MODERN LEFT VIEWS)

A.D. Trakhtenberg

Рассмотрена эволюция подходов к анализу Интернета в современной критической традиции: от утопической веры в то, что Интернет обеспечит переход к «сообществу равных» и разрушит существующие властные иерархии до попыток развернуть «позиционную войну» внутри сетей для подрыва властных отношений, сформировавших сам Интернет. Также показано, что в основе данных подходов лежит отношение к Интернету как к возвышенному объекту, наделенному трансцендентальными характеристиками.

Ключевые слова: Интернет, «Электрическое возвышенное», «универсальная машина», инструментальная логика, альтернативная социальность, альтернативная реальность, преодоление телесности, «спекулятивное программирование».

The author describes the evolution of approaches to Internet analysis in the modern critical theory: starting with utopian hope to make the Internet the basis for the transition to “community of equals” and destruction of existing power hierarchies and finishing with attempts to organize “war of positions” inside the nets to undermine the power relations which formed Internet. Also it is shown that presented approaches are based on the attitude to Internet as to sublime object with transcendental features.

Keywords: Internet, “Electric Sublime”, “Universal Machine”, instrumental logics, alternate sociality, alternate reality, discorporation of the body”, “speculative software”.

В недавней работе «Соппротивление — это сдача», Славой Жижек, обсуждая кризис подстmodernистской левой мысли, обратил внимание на ее симбиотические отношения с тем самым глобальным капитализмом и его политическим выражением — либеральным государством, которое она так резко критикует: левые «действуют как супер-эго, с комфортом бомбардируя государство все новыми и новыми требованиями; и чем сильнее государство старается удовлетворить эти требования, тем большая вина на него возлагается» [22]. Именно поэтому главным объектом критики левых являются не откровенные диктатуры, но либеральные демократии, которые постоянно обвиняются в лицемерии. Однако для того, чтобы занять позицию «супер-эго», необходимо опираться на некие трансцендентальные ценности, что ставит левых мыслителей,

гордящихся отрицанием любых «больших нарративов» в весьма парадоксальную позицию. Им нужен возвышенный объект, с помощью которого возможен выход за пределы инструментальной логики позднего капитализма, однако этот объект не должен быть трансцендентальным, являться сверхценностью и т. п.

Как известно, сам С. Жижек нашел выход из этого парадокса с помощью теории Лакана о Реальном, поставив на место трансцендентального объекта Реальное как разрыв символического порядка, обнажающий «Ничто абсолютной негативности». Это позволило ему определить возвышенное не как эмпирический объект, своим несоответствием Идее указывающий на наличие трансцендентальной вещи-в-себе, а как «объект, замещающий, занимающий, восполняющий пустующее место вещи как вакуума, как чистого Ничто абсолютной

негативности» [2, с. 206]. Абсолютная негативность по Жижеку может воплотиться только в «жалких, совершенно случайных вещественных ошметках», к которым, собственно, и сводится возвышенное в современных условиях, а актом символизации *par excellence* становится ритуал погребения [2, с. 218]. С позиций этого подхода Интернет и прочие современные коммуникационные технологии являются не более, чем одними из множества симптомов, свидетельствующих об омертвлении и истощении полноты Реального.

Однако «диалектическая спекуляция» Жижека — это далеко не единственно возможный способ поиска возвышенного объекта в современности. Если словенский философ ищет выход за границы символического порядка позднего капитализма на путях апологии Ничто, другие критики капитализма пытаются найти Нечто, выражающееся не в «ошметках», а имеющее собственную символическую логику, противостоящую господствующей инструментальной иерархической логике.

Взяв за основу все того же Лакана, крупнейший немецкий теоретик медиа Фридрих Киттлер, как и подобает фрайбургскому приватдоценту, поставил его «с головы на ноги», указав, что в построениях французских постструктуралистов имеется слепое пятно, связанное с непониманием роли технологии в генезисе их собственной теории. По формулировке Киттлера, «технологически возможные манипуляции фактически определяют, что станет дискурсом» [11, с. 10] и детерминируют формирование и эволюцию дискурсивных систем (“Aufshreiber-system”¹). Дискурсивные системы — это прежде всего системы технологий и связанных с ними социальных институтов, которые позволяют отбирать, сохранять и производить значимую с точки зрения той или иной культуры информацию. С этих позиций структурализм де Соссюра — не более, чем производное от изобретения пишущей машинки, а постструктурализм Лакана — производное от возникновения компьютера [11, с. 142—143]).

Ф. Киттлер жестко увязал три основные категории Лакана — Реальное, Воображаемое и Символическое с техническими изобретениями в сфере медиа, разрушившими монополию алфавитной письменности на сохранение и производство социально значимой информации. В гомогенном, полностью «алфавитизированном» (еще один введенный Ф. Киттлером термин) мире классической европейской культуры письменное слово выступало как носитель трансцендентального внутреннего голоса, предшествующего любому акту письма, а чтение представляло собой письменно или типографски наведенную галлюцинацию, посредством которой алфавитные

значки превращались в звуки и образы. Соответственно, в этой культуре, которую Ф. Киттлер кратко определяет «Дискурсивная система 1800» Символическое торжествует над Реальным и Воображаемым, что находит свое наиболее яркое выражение в немецком романтизме.

В тот момент, когда появились фонограф Эдисона и аппарат братьев Люмьер, возникла возможность хранить и воспроизводить звуки и образы, не прибегая к их кодированию через алфавитное письмо. Классическая «Дискурсивная система 1800» распалась на три основных регистра, и превратилась в «Дискурсивную систему 1900». Главное отличие этой дискурсивной системы от предыдущей состояло именно в том, что она построена не на символической медиации, а на записи с помощью звуковых и электромагнитных волн, визуальных и акустических эффектов. В результате Воображаемое начало формироваться за счет кино: последовательность кадров в киноленте в точности соответствует «зеркальной стадии» Лакана, когда ребенок переживает свое несовершенное тело как совершенное отражение в зеркале. Реальному соответствует фонограф, который, вне зависимости от намерений и желания записывающего, фиксирует наряду со значимыми словами шумы и помехи, которые и образуют исходный предсимволический порядок. Письмо остается носителем Символического, однако после изобретения пишущей машинки это символическое сводится к конечному набору алфавитных значков и утрачивает трансцендентальную составляющую. Складывается принципиально новая дискурсивная система, породившая, в числе прочих Фрейда и Лакана.

Наибольший интерес для Киттлера представляет переход от «Дискурсивной системы 1900» к «Дискурсивной системе 2000», в центре которой оказывается компьютер. В «Дискурсивной системе 2000» все до этого различавшиеся способы хранения и производства информации объединяются на основе дигитализации, так что само понятие «медиа» как посредника утрачивает смысл. Исчезают и последние остатки классической дискурсивной системы: письма более не существует, его замещают «микроскопические записи [на компьютерном чипе], которые, в противоположность историческим инструментам письма, могут читать и писать самостоятельно» [11, с. 147]. Тем самым на место гегельянского идеала полностью опосредованной Историей и поэтому разумной Реальности становится реальность, опосредованная компьютерной операционной базой, а Символическое и Возвышенное становятся характеристиками компьютерной коммуникации. Соответственно, «следует отказаться от традиционного подхода к власти как к функции так называемого общества, и, напротив,

попытаться создать социологию на основе архитектуры компьютерного чипа» [11, с. 162].

Таким образом, технологический редукционизм Киттлера превращает возвышенный объект идеологии в компьютерную коммуникацию, субъектом, а точнее носителем которой (поскольку для воинствующего антигуманиста Киттлера субъект — не более, чем эпифеномен, порожденный «Дискурсивной системой 1800») является не конечное человеческое тело, а компьютер как универсальная машина. Инструментальная логика оказывается единственно возможной логикой, а для борьбы с ней оказывается необходимым перейти к машинам, которые программировали бы себя сами, порождая максимальное количество шума². Безусловно, к построениям Киттлера вполне относятся все упреки, которые высказывались в адрес технологического детерминизма. Не случайно в предисловии к английскому изданию работ Ф. Киттлера Дж. Уинтроп-Янг определил его как «МакНицше», т.е. как германскую версию Маклюэна [10, с. XXVII]. Однако для нас наибольший интерес представляет апология «универсальной машины» как носительницы тех характеристик, которые в классической немецкой философии приписывались Абсолютному Духу.

Как видим, отказ от Трансцендентального в конечном счете заставляет выбирать между «Ничто» и «Универсальной машиной». Попытки Жижека и Киттлера выйти за пределы истории и преодолеть человеческую телесность и конечность отличаются крайним радикализмом. Существуют и менее радикальные версии «трансцендентализации» компьютерно опосредованной коммуникации, не претендующие на исторический статус.

Интернет в каком-то смысле явился для современного левого дискурса «подарком судьбы», настолько идеально он вписался в существующие теоретические модели. В нем с равной легкостью можно обнаружить хабермасианское гражданское общество, «семантическую геррилью», излюбленную теоретиками культурных исследований, ризомные структуры, описанные Делезом, буквальное воплощение рассуждений Деррида о «децентрации» и т. д. и т. п.

При этом сами создатели соответствующих теорий могли и не подозревать, что именно Интернет явится их буквальным воплощением. Типичным для этого направления являются рассуждения типа: «Десять лет назад Фредрик Джеймсон написал классическую статью о постмодерне. Он включил в свою характеристику постмодерна торжество поверхности над глубиной, симуляции над реальностью, игр над серьезностью, то есть те самые качества, которые характеризуют компьютерную эстетику. В то время, по мне-

нию Джеймсона, постмодерну недоставало объекта, который мог бы его репрезентировать... Десять лет спустя после того, как Джеймс написал свое эссе, такой объект появился» [20, с. 45—46]. Данное высказывание принадлежит автору одного из первых исследований о конструировании идентичности в Интернете Ш. Таркл и датируется 1995 годом. Еще примерно десять лет спустя М. Фуллер написал уже не о Ф. Джеймсоне, а о Ж. Делезе и Ф. Гваттари, что «хотя они почти бесполезны, когда речь заходит об электронных медиа, в их книгах можно найти инструменты для их критического описания» [7, с. 20]. Так, Делез и Гваттари не сознавали, что идеальной машиной для ассамбляжа как способа войны с позиционными системами является именно подключенный к Интернету компьютер и т.п. Подобные высказывания можно множить и дальше, но смысл очевиден — Интернет стал воплощением тех представлений об альтернативной социальности, которые существуют в современной (и не только современной левой мысли). Как не без яда заметил в связи с этим Дж. Уинтроп-Янг, можно говорить о счастливом спасении старомодной теории с помощью современной технологии, так что «технология обосновывает теорию, а теория возвышает технологию» [21, с. 96].

Невольно возникает подозрение, что объект, так легко укладывающийся в любые разновидности постмодернистского левого дискурса, на самом деле не соответствует ни одной из них, особенно с учетом того, как быстро исследователи Интернета в свое время перешли от осторожной оценки открывающихся перспектив к безоглядным восторгам по поводу того, что именно сулит появление Всемирной Сети.

В самом начале 90-х годов, когда Всемирная Сеть только начинала развиваться, один из ранних пионеров киберпространства Г. Рейнгольд, описывая новые возможности, открывающиеся перед пользователями, предупреждал, что, хотя новые технологии обладают гигантским уравнивающим потенциалом, «всегда существует опасность, что большая власть и большие деньги найдут способ подчинить себе виртуальные сообщества; большая власть и большие деньги всегда находили способы подчинить себе новые сообщества, которые возникали в прошлом. Сеть пока еще в основном находится вне контроля, но как долго это будет продолжаться?» [14].

Однако последующая эпоха «Бури и натиска» заставила забыть об этом осторожном предупреждении, и породила экстаические ожидания выхода за пределы реальности и преодоления телесности. Например, Е. Сааринен заявляла, что «в двадцатом веке гегелевское Понятие стало реальным в мире электронных коммуникаций. Компьютерные сети связывают мир для гегелев-

ского Духа» [15, с. 3], а другой неофит киберпространства М. Бенедикт, восклицал, впадая в мистический экстаз: «Мы все станем ангелами в вечности! Изменчивыми ангелами-гермафродитами, навеки запечатленными в компьютерной памяти!» [Цит. по 18, с. 23] и сравнивал киберпространство с Градом Небесным, который, в противоположность Эдему, воплощает мудрость, а не невинность, преодоление природы и материи, а не интимный контакт с ними, символическое общение, а не асоциальную реальность.

Можно было бы отнести эти высказывания на счет непосредственного восторга, вызванного столкновением с новой технологией коммуникации, если бы они не вписывались в давнюю интеллектуальную традицию отождествления Технологии и альтернативной социальности/реальности.

Впервые на связь между кантианской категорией «возвышенное» и образом Машины в индустриальном обществе указал в 1964 году Лео Маркс в классической работе «Машина в саду» [см. 13], положившей начало «символической школе» культурно-технологических исследований. Анализ Л. Маркса был осуществлен на дискурсивном материале «американской мечты», но описанный им феномен оказался типичным не только для американской культуры, хотя в ней он, разумеется, приобрел свою специфическую форму. Л. Маркс ввел особый термин «Технологическое возвышенное» (“Technological Sublime”) для описания отношения к машине как «к трансцендентному символу, физическому объекту, наделенному политическими и метафизическими идеальными свойствами» [13, с. 206].

Л. Маркса открыл новое направление культурно-технологических исследований. Вместо того, чтобы рассматривать технологическое развитие как автономный процесс, подчиняющийся исключительно внутренней логике (или логике Истории, как это имеет место у Киттлера), исследователи научились видеть в технологических изобретениях и устройствах «социально обусловленные структуры коммуникации, которые включают и сами технологические формы, и связанные с ними [нормативные] протоколы» [8, с. 7], а саму коммуникацию рассматривать как культурную практику и как ритуальное взаимодействие, основанное на общих онтологиях репрезентации.

Не случайно именно создатель теории коммуникации как ритуала Дж. Кэри ввел уточняющий термин «Электрическое возвышенное» (“Electric Sublime”), с помощью которого описал риторику «секулярного миллениаризма», окружающую первого средства коммуникации, использующего электричество — электрический телеграф [см. 4]. Он показал, что в отличие от телеграфа оптического, который так и остался полезным, но чрезвычайно ограниченным в применении техниче-

ским изобретением (только для государственных нужд, только в хорошую погоду, только днем и т. п.³), электрический телеграф знаменовал культурный и социальный прорыв не просто в технике, но в самом понимании коммуникации. По мнению Дж. Кэри, телеграф впервые отделил трансляцию символов от транспортировки вещей и тем самым создал модель коммуникации как передачи информации (“transmission model”), которая впоследствии, преобразованная усилиями Шэннона, Уивера и Винера, легла в основу современной модели компьютерной коммуникации. Парадокс состоял в том, что телеграф, разрушая традиционную религиозную модель коммуникации-ритуала, одновременно понимался и описывался в сугубо религиозных терминах.

Не случайно первой фразой, переданной С. Морзе по электрическому телеграфу, была фраза: «Что сотворил Господь?», а статьям об электрическом телеграфе традиционно предпосылалась библейская цитата: «Можешь ли ты посылать молнии, и пойдут ли они и скажут ли тебе: “Вот мы”!» [Иов, 38:35] Это был один из бесчисленных укоров Господа Иову, с целью доказать ограниченность и слабость человека. Теперь на этот риторический вопрос можно было дать утвердительный ответ — благодаря электричеству. Телеграф как универсальное средство коммуникации одновременно знаменовал торжество над пространством и временем⁴, победу «духа» над «материей» и приобщение человека к божественной власти и всемогуществу. При этом на «Электрическое возвышенное», эта «таинственную, загадочную, неосязаемую силу, живущую на небесах и соединяющую духовное и материальное» [5, с. 9] возлагались двойные надежды.

Во-первых, с помощью телеграфа казалось возможным уничтожить пространственные барьеры и воплотить в реальность идеалы «прямой демократии» и соседского сообщества. Уже в 1838 году, пытаясь убедить конгресс выделить средства на свою работу, С. Морзе сформулировал классическую метафору «электронного сообщества», которую вслед за ним повторило множество пророков коммуникативной революции, включая М. МакЛюэна и А. Тоффлера: «настанет пора, когда вся поверхность этой страны будет покрыта нервами, которые будут, со скоростью мысли распространять известия о том, что случилось по всей стране; все жители на деле будут превращены в соседей» [Цит. по 5, с. 12].

Во-вторых, телеграф должен был позволить снять не только ограничения, наложенные социальной реальностью, но и ограничения, наложенные реальностью как таковой, и обеспечить прямой выход за ее пределы. Дж. Скоунз подробно описал такое явление, как «небесный телеграф», использовавшийся спиритами в ходе своих сеан-

сов и пришел к выводу, что «спиритуализм породил первый образ «электрического того света», невидимого утопического царства, порожденного электронными технологиями, и достижимого их посредством» [16, с. 57]. На технологию были возложены функции, которые в традиционном обществе выполняет религия: именно технология должна была обеспечить преодоление телесности и конечности бытия. Именно поэтому Дж. Скоунз не скрывает своего скептического отношения к постмодернистской метафизике поверхности, симуляции и множественной идентичности и риторике преодоления телесности. Для этого историка культуры «киберпространство», «виртуальная реальность» и прочие манифестации Интернета являются не более, чем очередной «совместной иллюзией», а сам постмодернизм имеет мало общего с реальным человеческим опытом взаимодействия с медиа и миром, и представляет собой только «более специализированную инкарнацию популярных форм оккультной литературы» [16, с. 192].

При всей суровости замечаний Дж. Скоунса они имеют под собой основу. К настоящему времени сетевое сообщество стало очередным воплощением мечты о «великом сообществе», которое способно заменить холодные и бездушные отношения господства и подчинения общением равных в виртуальном пространстве и вернуть индивидам и сообществам ту власть, которую у них отняли «большие корпорации» и выражающее их интересы государство.

Однако время безоглядных восторгов и «ангелов в вечности» все-таки прошло. Современные исследователи все чаще осознают, что в Сети начинают доминировать процессы «закрытия» и она все больше приобретает черты, характерные для средств массовой информации. В Интернете явно преобладают коммерческие структуры, озабоченные исключительно производством и поставкой пользующейся спросом информации. Пользователи, со своей стороны, концентрируются на небольшом количестве наиболее популярных порталов и сайтов, и в значительной степени игнорируют возможности для гражданского участия, предоставляемые Сетью (или же требуются направленные усилия для того, чтобы их к этому побудить, о чем свидетельствует опыт социальных сетей). Уже высказываются опасения, что если эти тенденции возобладают, модель Интернета как публичной сферы, основанной на прямом участии граждан в рациональной дискуссии на основе открытого доступа и уважения принципов культурного многообразия «станет заповедником для кучки твердолобых теоретиков, с одной стороны, и для самых бедных и недопредставленных сообществ — с другой» [6, с. 91], и превратится в маргинальную, не представляющую ни коммерческо-

го интереса для рынка, ни стратегической угрозы для государства.

Однако эти опасения вписываются во всю ту же логику противопоставления сущего (Интернет, каким он становится) и должного (Интернет каким он должен быть), в рамках которой Интернет как должное выполняет сразу функции Воображаемого и Реального, в то время как на долю реального Интернета остается только функция Символического.

Соответственно, вполне логичным шагом становится поиск уже не альтернативной социальности, а альтернативного Интернета. Первый шаг в этом направлении сделал Ф. Киттлер, когда указал на необходимость «максимизации шума» и создания непрограммируемых, и, следовательно, не подчиненных иерархической логике «Майкрософта» и «IBM» систем. Впрочем, для теоретиков гражданского общества и публичной сферы такой подход оказался слишком радикальным. Они пытаются найти способы формирования новых организационных структур, способных предотвратить коммерциализацию и идеологическое «закрытие» Интернета, и с неохотой признают, что «понятие «полного участия» является «демократическим воображаемым» или утопией» [3, с. 23].

Однако в рамках критической теории более популярным является поиск новых форм «медиа-активизма», которые позволили бы взорвать коммерциализирующийся, т.е. все более подчиняющийся логике глобального капитализма, Интернет изнутри. Соответственно, на место семантической геррильи в классическом понимании Стюарта Холла приходит «спекулятивный софтвер» М. Фуллера. Этот теоретик исходит из того, что необходимо «вытащить ковер из-под ног» традиционного нормализованного софтвера, который формирует пользователей по своему образцу, и тем самым купит их протестный потенциал и лишает их свободы в общении с компьютером. Для этого необходимо покончить с представлением о компьютерах как о воплощении Символического (как справедливо отмечает Фуллер, культ математического совершенства и чистых форм напрямую ведет к классическому идеализму), и выйти в сферу Интернета как Реального, т.е. как несводимого к символам хаотического остатка. Только таким образом удастся освободить и Интернет, и пользователя.

При этом М. Фуллер весьма скептически относится к так называемому «социальному софтверу», под которым он понимает свободное программное обеспечение. По его мнению, главный недостаток свободного программного обеспечения порожден его же достоинством: это софтвер, в котором программист и пользователь практически совпадают, и именно поэтому они

не могут вырваться из замкнутого круга навязанных извне технических ограничений: «Они свободны с точки зрения свободы слова, но несвободны, если речь идет о свободе мысли. Их действия определяются покорным подчинением стандартам, установленным «Майкрософтом» [7, с. 25]. Например, предлагаемое в рамках свободного ПО офисное обеспечение ориентировано на Microsoft Office, т. е. его творцы сознательно отказываются от возможности творчески подорвать и разрушить изнутри офисную культуру.

В противоположность социальному софтверу спекулятивный софтвер использует потенциал всех уже существующих программ для того, чтобы создать принципиально новые связи между данными, компьютерами и сетями. В этом смысле он представляет собой творческую рефлексию над софтвером. Задача состоит в том, чтобы «попасть туда, куда попасть не предполагалось, заглянуть за электрическое мелькание и сделать видимыми те динамики, структуры, режимы и движущие силы, которые стоят за каждым микрособытием на экране» [7, с. 32].

Как спекулятивный софтвер выглядит на практике? В качестве примера М. Фуллер ссылается на проект «Естественный отбор», представляющий собой программу, встраивающуюся в работу поисковых систем и дестабилизирующий эту работу. В результате на стандартные запросы даются ответы, призванные заставить пользователя рефлексировать над своей ситуацией как пользователя: например, в ответ на запрос о расписании самолетов можно получить выход на сайт, на котором содержится список людей, погибших в результате применения анти-иммиграционного законодательства, поиск информации о способах контроля за рождаемостью может привести на сайт, описывающий евгенические эксперименты, а запрос, содержащий «расистски окрашенные термины» спровоцировать компьютерный вирус, бомбардирующий пользователя стихами поэта с Ямайки. Те самым пользователям помогают понять, что за строкой поисковика скрывается целая культура ассоциаций, подчиненных господствующим властным отношениям и указывают пути выхода из этих отношений⁵. Одновременно Интернет приобретает «пластичность куколки», постоянно порождающей противоречивое, бесполезное и забытое. Нетрудно заметить, что спекулятивный софтвер носит черты семантической герильи, однако радикальная декодирование господствующих смыслов опирается в ней на технологический процесс и носит механический характер.

Соответственно, главным героем протестного движения становится хакер, способный на «игры с кодом» и порвавший с традиционной программистской системой ценностей. В лучших

постмодернистских традициях «спекулятивный хакер» М. Фуллера отказывается проводить различие между формой и содержанием, что и позволяет ему «найти в коде правду».

Модель «спекулятивного софтвера» убедительно демонстрирует расхождения между реальными практиками пользования Интернетом и метафизическими конструкциями, основанными на представлении об «Электрическом возвышенном». Есть подозрение, что программа «Естественный отбор» не столько подтолкнет пользователя к рефлексивности, сколько побудит его провести очистку своего компьютера от вируса, чтобы вернуться в нормализованное пространство Интернета, где на запрос приходят деконтекстуализированные и иерархически структурированные ответы. М. Фуллер, в отличие от Ф. Киттлера, не стремится элиминировать человека из компьютерной коммуникации, однако он стремится максимально ослабить его контроль над этой коммуникацией, надеясь, что регулярно попадая «не туда», он осознает, наконец, насколько узким и ограничивающим является нормативное «то», которому он подчиняется.

Таким образом, антикапиталистическая риторика, начав с воспевания Интернета как технологии освобождения, обратилась на сам Интернет: оказалось, что виртуальная реальность нуждается в освобождении не в меньшей мере, чем социальная. Современный анти-капиталистический дискурс продолжает искать технологическое решение, которые позволило бы покончить с технологическим инструментальным разумом, породившим гегемонию глобального капитализма. В этих поисках Интернет выполняет функцию «Электрического возвышенного», дающего надежды на формирование альтернативной социальности и альтернативной реальности. С политологической точки зрения изображение Интернета как «места без власти» представляет себе очередную технократическую утопию.

Примечания

1. “Aufshreiben” — “записывать, отмечать, брать на заметку, заносить (в книгу)” [1, с. 153].

2. Киттлер сам осознает, что «машина, программирующая сама себя» подозрительно похожа на того самого субъекта, существование которого он решительно отрицает: «в том, как я пытаюсь описать машины, в которых существует острая необходимость, и которые, вполне возможно, возникнут в недалеком будущем, глаза некоего философа из Дубровника [Жижека] могут впасть в соблазн узреть скрытое под эволюционным прикрытием лицо человека. Может быть, и так» [11, с. 155].

3. Любопытно, что с точки зрения поклонников оптического телеграфа, электрический телеграф представлялся излишним изобретением, поскольку вся действительно необходимая информация уже передавалась оптическим телеграфом [см. 19, с. 18—19].

4. Источником выражения послужила полузабытая поэма А. Поупа, где речь шла о способности *богов* «annihilate but space and time / And make to lovers happy» [см. 13, p. 94].

5. Еще один пример спекулятивного софтвера — см. 17.

Литература

1. Большой немецко-русский словарь. В 3 т. Т. 1. — М. : Русс. яз. — Медиа, 2006.

2. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. — М. : Художественный журнал, 1999.

3. Cammaerts B. The Unbearable Lightness of Full Participation in the Global Context: WSIS and Civil Society Participation / B. Cammaerts, N. Carpentier // J. Servaes, N. Carpentier, eds. Towards a Sustainable Information Society. — Bristol : Intellect Books, 2006.

4. Carey, J.W. Technology and Ideology: The Case of Telegraph / J.W. Carey // Communication as Culture: Essays on Media and Society. — N.-Y. : Routledge, 1989.

5. Czitrom, D.J. Media & the American mind: from Morse to McLuhan / D.J. Czitrom. — Chapel Hill : Univ. of Carolina Press, 1982.

6. Frau-Megs, D. Civil Society's Involvement in the WSIS Process: Drafting the Alter-Agenda / D. Frau-Megs // J. Servaes, N. Carpentier, eds. Towards a Sustainable Information Society. — Bristol : Intellect Books, 2006.

7. Fuller, M. Behind the Blip: Essays on the Culture of Software / M. Fuller. — L. : Autonomedia, 2003.

8. Gitelman, L. Always Already New: Media, History and the Data of Culture / L. Gitelman. — Cambridge, Mass. : The MIT Press, 2006.

9. Hardt, M. Empire / M. Hardt, A. Negri. — Harvard : Harvard Univ. press, 2001.

10. Kittler, F. Gramophone, Film, Typewriter / F. Kittler. — Stanford, Cal. : Stanford Univ. Press, 1999.

11. Kittler, F. Literature, Media, Information Systems / F. Kittler. — Amsterdam : OPA, 1997.

12. Marvin, C. When Old Technologies Were New: Thinking about Electronic Communication in the Late Nineteenth Century / C. Marvin. — N.-Y.; Oxford : Oxford Univ. Press, 1988.

13. Marx, L. The Machine in the Garden. Technology and the Pastoral Ideal in America. 2nd ed / L. Marx. — N.-Y. : Oxford Univ. Press, 2000.

14. Rheingold, H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier / H. Rheingold. [Электронный ресурс]. N.-Y. : Perseus, 1993. Режим доступа: <http://www.rheingold.com/vc/book/> Проверено 01.06.2008

15. Saarinen, E. Imagologies. Media philosophy / E. Saarinen. — L. : Routledge, 1994.

16. Sconce, J. Haunted Media: Electronic Presence from Telegraphy to Television / J. Sconce. — Durham & London: Duke Univ. Press, 2000.

17. Sollfranc, C. Liquid Hacking Laboratory. September 22nd — October 22nd, 2000. Albrecht Dürer Gesellschaft / Kunstverein Nürnberg / C. Sollfranc [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.obn.org/LHL/concepte.html>. Проверено 01.06.2008

18. Stallabras, J. Empowering technology: the exploration of cyberspace / J. Stallabras // New Left Review. — № 211. — May-June 1995.

19. Standace T. The Victorian Internet. The Remarkable Story of the Telegraph and the Nineteenth Century's On-line Pioneers. 2nd ed / T. Standace. — N.-Y. : Walker & Co., 2007.

20. Turkle Sh. Life on the Screen. Identity in the Age of the Internet. — N.-Y. : Symon & Schuster, 1995.

21. Winthrop-Young, G. Cultural Studies and German Media Theory / G. Winthrop-Young // New Cultural Studies: Adventures in Theory. Athens, Georgia, 2006.

22. Žižek, S. Resistance Is Surrender / S. Žižek // [Электронный ресурс]. London Review of Books, 15 November 2007. — Режим доступа: http://www.lrb.co.uk/v29/n22/print/zize01_.html. Проверено 01.06.2008

Поступила в редакцию 15 августа 2008 г.

Трахтенберг Анна Давидовна, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, кандидат политических наук. Научный секретарь Рабочей группы Общественной палаты РФ по развитию информационного общества в России. Сфера научных интересов: теория идеологии, дискурс-анализ, социальная феноменология, культурно-технологические исследования.

Trakhtenberg Anna Davidovna is Senior Scientific Researcher of the Philosophy and Law Institute of the Ural branch of the Russian Academy of Science. Scientific Secretary of the Working Group of the Public Chamber of the Russian Federation on Development of Information Society in Russia. Professional interests: theory of ideology, discourse analysis, social phenomenology, cultural and technological researches.

Философия

УДК 167/168
ББК Ю22+Ю251.1:51/53

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СИНЕРГЕТИКИ

А.А. Андреев

PHILOSOPHIC ASPECTS OF SYNERGETICS

A.A. Andreev

Рассматриваются основные аспекты синергетики, её роль в современной науке. Объясняется мировоззренческая значимость синергетики для современной науки, её отношение к философии и к гуманитарной области знания.

Ключевые слова: философия, синергетика, система, мировоззрение, наука, реальность, универсализм, междисциплинарный, многомерный, нелинейный.

The author studies the main aspects of synergy, its role in modern science. He explains the vision importance of synergy for modern science, its connection with philosophy and humanities.

Keywords: philosophy, synergy, system, vision, science, reality, universalism, interdisciplinary, multivariate, nonlinear.

В современном научном мире нет единого мнения по поводу статуса синергетики и её роли в структуре научного знания. Начав своё развитие ещё в середине двадцатого века, в рамках таких научных направлений как общая теория систем и кибернетика, синергетика прошла долгий и сложный путь своего становления как нового научного направления. Сегодня синергетику понимают как междисциплинарное знание, новую картину мира, язык современной науки, научную парадигму, совокупность знаний о самоорганизации, нелинейности, порядке и хаосе. Однозначно и точно определить статус синергетики представляется невозможным, поскольку она не укладывается в традиционную систему дисциплинарно организованного знания, в привычное деление на научное, ненаучное, метафизическое и другое знание. Познаваемыми объектами синергетики являются открытые системы, взаимодействующие между собой и с окружающей средой путём обмена энергией, информацией, веществом. Это системы самой различной природы: когнитивные, социальные, технические, биологические, химические, космические. Также синергетика изучает взаимосвязи, называемые самоорганизацией. Поэтому реальность в рамках синергетического мировоззрения понимается как самоорганизующийся процесс, а не как статический материальный предмет. С точки зрения синергетики мир устроен так, что в нём постоянно происходят процессы самоорганизации нового

порядка и новых сложностей. Образование сложных систем на макроуровне зависит от того, насколько избирательным является образование элементарных процессов на микроуровне. Образование элементарных процессов на микроуровне происходит не только за счёт их избирательности, но и за счёт совокупных и кооперативных взаимодействий. Чтобы подчеркнуть данное обстоятельство, немецкий учёный, физик-теоретик, Герман Хакен ввёл термин «синергетика», который происходит от латинского слова «*sinergeia*», в переводе означающее совместное или кооперативное взаимодействие. Впервые термин «синергетика» был употреблён английским физиологом Шеррингтоном во второй половине 19-го века. Затем русский философ и учёный-естествоиспытатель Александр Александрович Богданов в первой четверти 20-го века выдвинул идею создания науки об общих законах самоорганизации — тектологии, во многом опередившей кибернетику и системный подход. Кроме того, в конце 1940-х годов биолог-теоретик Людвиг фон Берталанфи выдвинул программу построения общей теории систем. Во второй половине двадцатого века большой вклад в развитие идей синергетики внёс известный учёный, физик и химик Илья Пригожин, который развивал термодинамический подход к самоорганизации.

Изучаемые синергетикой системы способны самопроизвольно образовывать пространственные и временные структуры. Это можно наблю-

дать применительно к предметной области самых разных наук. В области физики и химии признаки самоорганизации можно фиксировать, наблюдая за процессом роста кристаллов, когерентных колебаний лазерного излучения и спиралевидных структур, образующихся в жидкостях и химических реакциях. В биологии — это рост растений и животных, эволюция видов, в медицине — электрическая и магнитная активность головного мозга, в психологии — особенности человеческого поведения, начиная с распознавания простых образов и заканчивая сложными паттернами социального поведения. В социологии методы синергетики применимы при разработке модели антропогенных кризисов, а также при изучении процесса формирования общественного мнения, сотрудничества и конкуренции между социальными группами. В экономике методы синергетики применимы к исследованию временных колебаний биржевых курсов и других сложных временных рядов. Также методы синергетики применяются в образовании, геологии, метеорологии, технике и во многих прикладных областях естественных и гуманитарных наук.

Под синергетикой современная наука понимает совокупность знаний о самоорганизации, кооперативных процессах, о нелинейности, о порядке и хаосе, а также особое мировоззрение и междисциплинарное знание. Синергетика занимается изучением систем, состоящих из многих подсистем самой различной природы: электроны, атомы, молекулы, клетки, нейроны, животные, люди. Исходя из этого, синергетику можно определить как научное направление, изучающее общие явления самоорганизации, присущие живым и неживым формам организации материи. При этом на основе синергетического подхода объединяются в особый класс динамические, физические, химические и биологические структуры.

Следующий шаг в осмыслении синергетики связан с понятием нелинейности. Физический смысл нелинейности заключается в необратимости процессов. Главную роль в теории нелинейности играет понятие бифуркации (от лат. «бифуркус» — развилка, двузубый). В точках бифуркации происходит смена стратегий развития. Главной особенностью такого развития является неопределённость будущего и возможность различных форм организации, направлений развития.

Синергетика изучает взаимосвязи, называемые самоорганизацией. Это реальность, которая понимается как процесс, а не как статический и материальный предмет. Реальность понимается также как один из аспектов становящегося бытия. С точки зрения синергетики мир устроен так, что в нём происходят процессы самоорганизации нового по-

рядка, новых сложностей. Мировоззренческая значимость синергетики заключается в том, что появилась возможность понять мир как целое, выявить универсализм в процессах самоорганизации. Философский смысл понятия самоорганизации связан с представлением о случайности. Случайность понимается не как непонятая закономерность, а как имманентная для поведения системы. Она является внутренним источником изменения системы и проявлением закономерности.

Классическая наука позволяла действовать, исходя из дуализма мира и человека. То есть, с помощью науки сначала выявлялись законы природы, затем человек превращал их в собственные возможности и пользовался ими по своему усмотрению. В отличие от этого современная наука, ядром которой является синергетика, пользуется не только объективным описанием мира, но ещё и проективным описанием. Здесь предлагаются именно проекты действий, поскольку в рамках синергетического понимания не может быть одной абсолютной истины. Элементы мироздания представляются как события, а причинность как порядок, организующийся в реальности.

Синергетическое видение мира — это не только признание самоактивности бытия, но и единство всех происходящих процессов: мыслительных, социальных, этических. Синергетика является ядром современной науки, которой соответствует диалоговая эпистемология, оперирующая категориями «Я — Другой». Это становление нового через знание того и другого. В таком контексте представляется приемлемой оценка синергетики не только как новой картины мира, но и как научного мировоззрения, включающего в себя философский смысл. Синергетический дискурс не ориентирован на выявление законов, а направлен на конструктивный диалог, на создание интерпретаций. В синергетической парадигме не существует предуготовленных истин, смыслы формируются в диалоге. Примером этого является то обстоятельство, что в современной науке большое место занимает особый тип исторически развивающихся систем — человекообразных систем. Такие системы включают человека и его деятельность в качестве своего составного компонента. Поэтому с такими системами нельзя свободно экспериментировать и в процессе их исследования важно соблюдать запреты на некоторые стратегии взаимодействия, которые могут содержать в себе катастрофические последствия для человека. Начинают учитываться аксиологические факторы в составе объясняющих положений. Появляется связь таких внутринаучных ценностей как поиск истины и рост знаний с вненаучными ценностями общесоциального ха-

рактера. Внутренняя этика науки, направленная на поиск истины и приращение нового знания постоянно соотносится с общественными и гуманистическими принципами и ценностями.

Подводя итог важно отметить, что синергетика предлагает не только новое мировоззрение и новую методологию, но она также является фундаментом новой культуры, нового способа бытия человека в мире, новой поведенческой стратегией.

По мере развития синергетики и всё большего применения её методов в области естественных и гуманитарных наук, начал затрагиваться вопрос о признании синергетики в качестве универсального философского мировоззрения, с помощью которого можно дать ответы на любые вопросы. Синергетика начинает представляться как неисчерпаемый «идейный источник» для разных наук и философии. Сегодня существует большое количество научных работ по гуманитарным наукам и философии, в которых процесс самоорганизации и другие идеи синергетики рассматриваются как основополагающие. Применение методов синергетики к вопросам и проблемам, которыми занимаются гуманитарные науки и философия, даёт новые и интересные результаты, но это далеко не все результаты, которые можно получить при исследовании философских и гуманитарных проблем. То есть методы синергетики дают много нового, но они не дают всего необходимого при решении научных или философских проблем. Философия является учением о предельных основаниях сущего. Она изучает идеальные и абстрактные понятия. Пытаться разрешить проблемы философии с помощью методов синергетики так же ошибочно, как и пытаться разрешить научные проблемы с помощью методов философии. Любое новое научное направление, имеющее свою методологию и предлагающее свою картину мира, не может претендовать на статус абсолютного универсального мировоззрения, поскольку согласно принципам методологического плюрализма любое научное направление имеет определённую ценность и несёт в себе определённую истину. В исследовательской деятельности важно взаимодействие наук и их методов, а не приоритет одного над другим. Если процесс самоорганизации представить как универсальный, то вполне естественно возникнет следующий вопрос: в каком смысле и в какой степени универсален этот процесс? Применительно к человеку можно сказать, что его физиологические и интеллектуальные способности развиваются по принципам самоорганизующейся системы. Но когда речь идёт о духовных, религиозных или творческих способностях человека, тогда можно лишь предполагать и угадывать признаки самоорганизации. Мож-

но искать системные характеристики в жизни человека и общества, представлять общество как модель, имеющую системные признаки, но говорить о том, что человек — это система, которая в течение своей жизни только и делает, что самоорганизуется, попадает под воздействие флуктуаций и бифуркаций, равносильно тому, что делать из живого человека некоего «системного робота». Понятие живого не может быть сведено к системному принципу, поскольку это приведёт к исчезновению ощущение жизни. Познание живого с помощью методов синергетики может происходить только наравне со многими другими научными методами. Такие сложные понятия как любовь, жизнь, бытие являются больше понятиями системы. Попытки познать любовь с помощью методов синергетики были бы немыслимыми, поскольку любовь представляет такую коммуникативную сложность, которая с трудом поддаётся научным или системным методам познания.

Следующий важный вопрос заключается в том, что может ли иметь философия, и её развитие, синергетический характер. Можно предположить, что философский взгляд на мир, также как и любая другая умственная деятельность человека, имеет признаки самоорганизации и развития, проходящего через флуктуации и бифуркации. Эти признаки можно наблюдать в ходе развития какой-либо философской идеи или теории, можно говорить о том, как эти идеи и теории перерастают в сложные, и как в развитии этих сложных идей и теорий появляются тенденции к развитию ещё более сложных. Но такие рассуждения являются описательными, поверхностными, и не имеют философского смысла и значения. Поэтому «синергетическая философия» невозможна также как и невозможна «философская синергетика». Возможна только философия синергетики, то есть рассуждения философов по поводу онтологической, гносеологической или аксиологической значимости результатов, полученных в тех научных исследованиях, в которых применялись методы синергетики. В связи с этим важно упомянуть об основоположниках синергетики и их отношении к философии. А.А. Богданов неоднократно говорил о том, что «Тектология» не является философским учением. Людвиг фон Бергаланфи поначалу придавал общей теории систем статус новой философской теории, но затем отказался от этого. Английский физиолог Шеррингтон проводил работы в области физиологии и о философской значимости синергетики ничего не говорил. Илья Пригожин развивал термодинамический подход к самоорганизации. Работа Германа Хакена «Синергетика» представляет собой теорию неравновесных фазовых переходов и процессов самоорганизации в физических, химических и биологических системах.

Сегодня среди многих учёных синергетику принято считать ядром современной науки. Такое понимание синергетики зависит от того, насколько глубоко происходит осмысление её роли в науке. Только дальнейшее развитие прикладных и фундаментальных направлений в современной науке покажет научную ценность и практическую значимость методологии и мировоззрения синергетики.

Литература

1. Князева, Е.Н. Основания синергетики: синергетическое мировидение / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. — М. : URSS; КомКнига, 2005. — 238 с.
2. Новое в синергетике: взгляд в третье тысячелетие / Рос. акад. наук. — М. : Наука, 2002. — 479 с.
3. Пригожин, И.Р. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс / пер. с англ. Ю.А. Данилова; — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 310 с.
4. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. — 3-е изд. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 283 с.
5. Синергетическая парадигма: синергетика образования / Рос. акад. наук, Институт философии. — М. : Прогресс-Традиция, 2007. — 592 с.
6. Трубецков, Д.И. Введение в синергетику. Хаос и структуры / Д.И. Трубецков; — М. : УРСС, 2004. — 235 с.
7. Хакен, Г. Синергетика / Г. Хакен / пер. с англ. В.И. Емельянова; под ред. Ю.Л. Климонтовича. — М. : Мир, 1980. — 404 с.

Поступила в редакцию 15 августа 2008 г.

Андреев Артём Андреевич в 2006 г. окончил философский ф-т Томского государственного университета. Научные интересы: философия науки и техники, философия образования, философия психоанализа, философия религии. Ассистент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета.

Andreev Artem Andreevich graduated from the Philosophy Department of Tomsk State University in 2006. Professional interests: philosophy of science and technology, philosophy of education, philosophy of psychoanalysis, philosophy of religion. Assistant of the Philosophy Department of the South Ural State University.

ВЛИЯНИЕ М. ХАЙДЕГГЕРА НА ПОЗДНЕЕ ФИЛОСОФСКОЕ ТВОРЧЕСТВО С.Л. ФРАНКА. КОНЦЕПЦИЯ DASEIN М. ХАЙДЕГГЕРА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Ю.В. Беспечанский

INFLUENCE OF M. HEIDEGGER ON LATE PHILOSOPHICAL CREATION WORKS OF S.L. FRANK. M. HEIDEGGER'S "DASEIN" CONCEPTION AND ITS IMPORTANCE FOR THE MODERN PHILOSOPHICAL CONCEPT

Yu.V. Bespechansky

Предпринята попытка показать единство идей и концепций работы С. Франка «Непостижимое» и фундаментального труда М. Хайдеггера «Бытие и Время». Автор показывает сущностную связь концепции непосредственного самобытия С. Франка с экзистенциальной аналитикой Dasein М. Хайдеггера. Кроме того, автор опровергает существующее мнение о М. Хайдеггере как об «атеистическом экзистенциалисте». Показывается связь между Dasein М. Хайдеггера и Dasein М. Бубера и Ф. Розенцвейга — Имени Божьего в выполненном ими немецком переводе Торы. Тем самым открываются религиозные источники концепции Dasein М. Хайдеггера.

Ключевые слова: Франк, Хайдеггер, Dasein, присутствие, онтология, феноменология, бытие, экзистенция, самобытие, трансцендирование.

In the article the author tries to express the unity of ideas and conceptions of the work "Incomprehensible" by S. Frank and M. Heidegger's basic work "Being and Time". The author shows the essential connection between Frank's conception of the spontaneous self-being with M. Heidegger's existential analytics "Dasein". Besides the author disproves the opinion of M. Heidegger as an atheistic existentialist. He also shows connection between M. Heidegger's "Dasein" and "Dasein" of M. Buber and Rosenzweig – the name of God in the German translation of Torah made by them. It shows us the religious sources of M. Heidegger's "Dasein" conception.

Keywords: Frank, Heidegger, Dasein, presence, ontology, phenomenology, being, existentia, self-being, transcendence.

В философской литературе принято достаточно четко разделять этих двух философов по «классам». С.Л. Франк считается одним из ведущих представителей русской религиозной философии, для которой философия органично связана с познанием Бога и со свободным размышлением о Боге и бытии в духе христианской традиции — часто не вполне каноничным и справедливо обвиняемым православными богословами в уклоне в гностическую ересь. М. Хайдеггер, в свою очередь, относится многими современными историками философии к такому философскому течению, как «атеистический экзистенциализм». В частности, этого мнения придерживается такой английский историк философии,

как Ф. Коплстон. Автор этой работы подчеркивает, что хотя сам Хайдеггер «отрицает атеистическую интерпретацию своей философии», однако «ибо даже если он и не утверждает, что Бога не существует, он не отстаивает Его существование»¹. Тем не менее, отталкиваясь от этого точного свидетельства самого Хайдеггера об отрицании им атеистической интерпретации своей философии, попытаемся выяснить, каковы же ее религиозные корни. Для этого обратимся к ключевому понятию хайдеггеровской философии — к его концепции Dasein (в переводе В.В. Библихина — «присутствие»).

Основной вопрос философии Хайдеггера — это вопрос о бытии, точнее, о смысле бытия.

И Хайдеггер, в отличие от всей предшествующей философской мысли, оперировавшей такими ключевыми понятиями, как «бытие», «сознание», «Я», «субъект», «единое», «*cogito*», выдвигает в качестве исходной базовой структуры категорию Dasein. Можно сказать, что Dasein выступает в роли Абсолюта в философии Хайдеггера. Какие определения Dasein дает сам Хайдеггер в работе «Бытие и время»?

1. «Это сущее, которое мы сами всегда суть и которое среди прочего обладает бытийной возможностью спрашивания, мы терминологически схватываем как присутствие (Dasein)»².

Итак, Dasein суть мы сами. В первых набросках своих идей, предшествующих публикации «Бытия и Времени», Хайдеггер говорит о «фактической жизни», как о понятии, предшествовавшем понятию Dasein, жизни, как чему-то изначальному, до всех ее интерпретаций. По Хайдеггеру неверна сама традиционная постановка вопроса о человеке «Что есть человек?». Он выступает против такого понимания человека, которое заключается в признании субстанциональной природы человеческого существования и в выявлении тех имманентных свойств, конституирующих природу этого существования. Итак, фундаментальной особенностью, изначально присущей человеческому существованию, является бытийная возможность спрашивания, его отношение к собственному бытию. Dasein существует таким образом, что для него его собственное существование всегда является проблемой. Эта идея Хайдеггера подчеркивает динамический, а не статический характер человеческого существования. Человек — это не сумма тех или иных субстанциональных качеств личности, а живое существо, творчески проектирующее свое существование.

2. «Присутствие (Dasein) есть сущее, которое не только случается среди другого сущего. Оно напротив онтически отличается тем, что для этого сущего в его бытии речь идет о самом этом бытии. К этому бытийному устройству присутствия (Dasein) однако тогда принадлежит, что в своем бытии оно имеет бытийное отношение к этому бытию. И этим опять же сказано: присутствие (Dasein) понимает каким-то образом и с какой-то явностью в своем бытии. Этому сущему свойственно, что с его бытием и через него это бытие ему самому разомкнуто. Понятность бытия сама есть бытийная определенность присутствия (Dasein). Онтическое отличие присутствия (Dasein) в том, что оно существует онтологично»³.

3. «Само бытие, к которому присутствие (Dasein) может так или так относиться и всегда как-то отнеслось, мы именуем экзистенцией. И поскольку сущностно определить это сущее через задание предметного *что* нельзя, скорее существо его лежит в том, что оно всегда имеет быть своим бы-

тием как своим, для обозначения этого сущего избран как выражение чистого бытия титул «присутствие» (Dasein)».

4. «Присутствие (Dasein) понимает себя всегда из своей экзистенции, возможности его самого быть самим собой или не самим собой. Эти возможности присутствие (Dasein) или выбрало само или оно в них попало или в них как-то уже выросло»⁴.

Таким образом, Dasein — это не предмет, не объект, но и не сознание, не субъект. Это нечто такое, благодаря чему мы можем рефлексировать о бытии, сознании, объекте, субъекте, но что опытно нам дано как реальность до всякой рефлексии. Поэтому нельзя ответить на вопрос «Что есть Dasein?» Нет предмета, более общего, чем Dasein. Dasein выступает как выражение чистого бытия, как Абсолют, живой, но непостижимый в понятиях; дающий жизнь и делающий возможными сами понятия.

Однако интересно, что фактическое бытие человека (экзистенцию) Хайдеггер определяет как то, к чему как-то отнесся Dasein. То есть, Dasein — это понятие, не тождественное конкретному бытию человека. Скорее, это — то, что делает человека Человеком с большой буквы, подлинным человеком, принадлежащим к сути человеческого бытия, заключающейся в бытийной возможности спрашивания, в творческом характере человека как такового. Поэтому понятия «Dasein» и «человек» и тождественны, и нетождественны одновременно. Человек может быть самим собой и не быть самим собой, фактически существуя в обоих случаях. В этом плане Dasein выступает как абсолютное начало, находящееся и вне, и внутри человека, и дающее возможность человеку быть внеприродным, в какой-то мере абсолютным, творческим существом.

5. «Науки суть способы присутствия (Dasein) быть, в которых оно отнесено и к сущему, которое не обязательно оно само. К присутствию (Dasein) однако сущностно принадлежит: бытие в мире»⁶.

6. «Присутствие (Dasein) имеет скорее по своему способу быть тенденцию понимать свое бытие из того сущего, к которому оно по сути постоянно и ближайшее относится, из «мира». В самом присутствии (Dasein) и тем самым в понятности ему бытия заложено то, что мы выявим как онтологическое обратное излучение понятности мира на толкование присутствия (Dasein)»⁷.

Из этих высказываний Хайдеггера очевидно, что Dasein не есть нечто замкнутое в себе. Его сущностью является его трансценденция, его выход из себя, заключающийся в его отношении к миру, в бытии в мире. Более того, Dasein понимает себя через свое отношение к миру. Проще говоря, человек в его подлинной сущности не есть

набор качеств личности, свойств характера, но человек есть деятельность, человек есть то, что он творит, к чему он стремится. Интересно, что похожие мысли высказывал известный советский психолог Л.С. Выготский, противопоставляя свою «вершинную» психологию «глубинной» психологии Фрейда. В этом направлении (психология деятельности) развивалась школа такого советского психолога, как А.Н. Леонтьев.

7. «Присутствие (Dasein) имеет таким образом многократное преимущество перед всяким другим сущим. Первое преимущество онтическое: это сущее определяется в своем бытии экзистенцией. Второе преимущество онтологическое: присутствие (Dasein) на основе своей определенности экзистенцией само по себе «онтологично». К присутствию (Dasein) принадлежит еще опять же равноисходно — как конститутив понятности экзистенции: понимание бытия всего неприсутствиеразмерного сущего. Присутствие (Dasein) имеет отсюда третье преимущество как онтически-онтологическое условие возможности всех онтологий. Присутствие (Dasein) оказывается так первым, что до всякого другого сущего подлежит онтологическому опросу»⁸.

8. «Присутствие (Dasein) онтически не только близко или самое близкое — мы даже суть оно всегда сами. Тем не менее именно поэтому оно онтологически самое далекое»⁹.

Итак, прокомментируем первое и второе преимущество Dasein. Это сущее определяется в своем бытии экзистенцией, своим существованием, своим фактическим и конкретным бытием, а не бытием кого-то или чего-то другого. Это сущее не подчинено «логике вещей», но его конституирует понимание этой логики, понимание бытия всех вещей, всего «неприсутствиеразмерного сущего». Свойство определяться в своем бытии самим собой, а не чем-то иным — это свойство того, что в истории философии называлось или субстанцией («causa sui», причина себя), или абсолютным бытием. Здесь уместно будет вспомнить определение абсолютного бытия, данное Фомой Аквинским: Бог есть совпадение сущности и существования. Однако хайдеггеровское Dasein отличается от субстанции или Абсолюта у Аквината тем, что если у Фомы начало всего сущего является статичным и рационально-логичным, восходящим к Аристотелю, то у Хайдеггера в его Dasein определяющим является момент самотворчества, самопорождения, динамической «живой жизни». В истории философии эта линия исходит в ее философско-мистическом выражении от Майстера Экхарта, а в логико-диалектическом — еще к Платону и Гераклиту.

А замечание Хайдеггера о Dasein как об онтически до того самом близком к нам, что мы даже суть оно всегда сами, можно истолковать

следующим образом: Dasein является сутью, сущностью нашего фактического бытия. В нашем относительном, неподлинном, смертном фактическом существовании, где мы представляем собой очередное чем-то определенное *что* среди множества чего-то другого, есть некое подлинное, динамически-субстанциональное, ограниченно-абсолютное начало, наша подлинная суть, которая зависит только от нас, и где мы подлинно *свободны* и определяем сами, *как* нам жить... Чем-то хайдеггеровское Dasein напоминает одно из современных определений понятия «личность». Личность — это человек в его абсолютном измерении, и чем более в человеке развиты абсолютные качества, определяемые им самим, тем более мы можем утверждать: «Этот человек — развитая личность». Другими словами, суть человека — быть личностью. Наш язык мудр, и иногда мы повторяем эту фразу, не особенно понимая, что же такое личность... А Хайдеггер бы сказал: мы суть Dasein, суть нашего бытия — это Dasein...

Вновь отталкиваясь от Хайдеггера к современному философскому пониманию личности, мы можем задать вопрос: абсолютные качества личности — каковы они? Во-первых, это *свобода*, как свойство личности самому определять свое бытие; во-вторых, это *выход из себя* («трансценденция» — по-латински, «экстаз» — по-гречески), как свойство личности выходить за пределы природно обусловленного, совершать то, к чему нет естественных предпосылок, как в акте самопожертвования или в акте суицида; в-третьих, это *любовь*, как свойство личности, оставаясь собой, не теряя себя, отождествлять себя с другой личностью, «Я = Ты»; в-четвертых, как следствие третьего свойства, можно выделить *единство в противоречии*, как свойство личности выдерживать логическое противоречие без разрушения структуры... Можно найти и другие подобные свойства. Даже если эта ветвь размышлений и находится не вполне в русле философии Хайдеггера, ее исток, ее корень явно принадлежит тому же древу, что и древо Хайдеггера...

Итак, исходя из вышесказанного, нельзя упрекнуть М. Хайдеггера в «атеистическом экзистенциализме». Его Dasein есть нечто большее, чем фактическое бытие человека; есть то, что делает человека человеком; есть то, что и присутствует в бытии человека и как-то противопоставит ему; есть нечто первичное и живое, до всякого субъект-объектного деления.

Хайдеггер ни разу в «Бытии и Времени» не упоминает о Боге. Тем не менее, попробуем поискать религиозные источники его концепции. В начале 20-х годов известный диалогический философ, а также иудейский богослов, Мартин Бубер, совместно с Францем Розенцвейгом перевел заново текст Торы (Пятикнижие Моисеева) с

иврита на современный немецкий язык. Как указывает современный авторитетный православный специалист в области библейского богословия, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандрит Ианнуарий (Ивлиев), главное значение этого перевода было в новом истолковании Имени Божьего. Если переводчики Ветхого Завета на греческий язык во II в. до н. э. перевели его как «Я есмь Сущий» (по-немецки: «Ich bin Sein»), то Бубер и Розенцвейг перевели Имя Божие как «Я есмь Присутствующий» («Ich bin Dasein»)¹⁰. Таким образом, ключевое хайдеггеровское слово, причем, как и у Хайдеггера, в наименовании Абсолюта, появляется у Бубера и Розенцвейга за несколько лет до Хайдеггера.

Как современная православная мысль оценивает это «исправление имен»? В переводе «Я есмь Сущий» Имя Божие было передано через аристотелевское понятие «сущность», то есть как нечто существующее само по себе, носитель качеств, нечто статичное, покоящееся, вечное, бесконечное. В переводе же «Я есмь Присутствующий» особенно подчеркивается непостижимость Бога, его недоступность человеческому разумению, невозможность магической манипуляции Им, Его превосходство над всем сущим, но при этом живое конкретное присутствие в жизни Божьего народа, его постоянный диалог с верующим человеком. Кроме того, этот перевод подчеркивает динамизм Бога, Его творческий характер, непредсказуемый в своих проявлениях, хотя и имеющий твердое постоянство по сути своей.

Эта интерпретация имеет глубокие корни в православном богословии. В частности, она восходит к онтологической апофатике Дионисия Ареопагита (VI в.), утверждавшего таинственность Бога и невозможность приписать Ему какие бы то ни было человеческие качества. Также эта интерпретация близка к учению Григория Паламы (XIV в.) о том, что Бог, непостижимый в Своей сущности, находится вне тварного мира, но присутствует в мире Своими нетварными энергиями. Наконец, еще один корень такой интерпретации мы находим в немецкой средневековой христианской мистике, в частности у Майстера Экхарта и Николая Кузанского. Экхарт, которого Хайдеггер внимательно перечитывал в процессе работы над «Бытием и Временем», находил две ступени Единого Бога: Божество (Gottheit) — сокрытый Бог, бескачественная тьма, мрак, который в потенции таит в себе все, полнота возможностей, «изобильное Ничто», — и Бог (Gott) — открывшийся человеку и сотворивший бытие. Экхарт утверждал, что Божеству нельзя приписать даже бытие, ибо тогда мы унижим Его до уровня твари. И в отличие от Фомы Аквинского, считавшего атрибутами Бога бытие, знание и акт, Экхарт наделял Божество небыти-

ем, незнанием и возможностью. Николай Кузанский соединил бытие Бога у Фомы с возможностью у Экхарта и приписал Богу бытие возможности — бытие, постоянно выходящее за свои пределы, но не исчерпывающее себя. Здесь истоки хайдеггеровской идеи трансценденции, идеи «бытия в мире».

Таким образом, можно считать доказанными и в целом достаточно четко определенными религиозные истоки хайдеггеровской концепции *Dasein*. Они не были выражены в «Бытии и Времени», на наш взгляд, чтобы, не отпугнуть «теологией» широкие круги будущих читателей Хайдеггера, ибо *Dasein* и его экзистенциальная аналитика, по мысли философа, выражают все человеческое бытие во всем многообразии экзистенциального опыта, тогда как религиозный опыт является лишь частичным и характерным не для всех.

В свою очередь русский философ С.Л. Франк в своих поздних работах прямо позиционирует себя как религиозного философа. В своем центральном произведении — работе «Непостижимое» — Франк анализирует внутреннее бытие человека как сферу феноменального явления Абсолюта. И в его анализе прослеживается прямое или косвенное влияние Хайдеггера. Франк называет наиболее глубокое, сущностное бытие человека *непосредственным самобытием*.

«Область или форма бытия, данная нам в лице непосредственно самобытия, лежит за пределами всякого предметного бытия. Более того, в каком-то нам еще не уяснившемся смысле она как бы лежит за пределами *реальности*, по крайней мере в том ее составе или смысле, с которым мы доселе ознакомились. Ведь в пройденном нами пути нашего исследования, на котором мы, казалось, обрели реальность во всей ее полноте как единство *всего вообще*, мы все же прошли мимо этой области, не заметив ее. И вообще, именно потому, что непосредственное самобытие лежит ближе всего к нам — точнее: совпадает с нами самими, оно менее всего известно и чаще всего остается незамеченным»¹¹. Как можно заметить, эта цитата очень похожа на отмеченную выше мысль Хайдеггера о *Dasein*, которое онтически самое близкое для нас и поэтому онтологически самое далекое, ибо мы всегда сами суть *Dasein*. Франк определяет непосредственное бытие как «само себе открывающееся бытие»¹². И у Хайдеггера *Dasein* выступает как открытость, разомкнутость бытия самому себе, имеющая в своем бытии бытийное отношение к этому бытию.

Далее, Хайдеггер отмечает, что концепция *Dasein* отвечает на ключевой вопрос о смысле бытия. И Франк вторит ему, отмечая, что весь бесконечный мир имеет смысл и значение лишь

в связи с потаенным внутренним миром, «который есть единственное истинное средоточие бытия вообще, единственно подлинное бытие-в-себе»¹³.

Для Хайдеггера концепция *Dasein* стала новым понятием, как бы «снимающим» противоположность между бытием и сознанием, между субъектом и объектом. В свою очередь, и Франк отмечает, что «для непосредственно самобытия существенно именно отсутствие в нем самого различия, самой противоположности между «обладающим» и «обладаемым», между «субъектом» и «объектом»¹⁴. Франк пишет, что неправомерно было бы отождествлять непосредственное бытие с сознанием. «Скорее здесь подходило бы слово «жизнь» в самом первичном его смысле бытия как непосредственного опыта о себе, как единства «переживания» с «переживаемым»¹⁵.

Наконец, Франк в своей работе называет бытие как единство «ничто» с всеобъемлющей полнотой «непостижимым по существу». И он отмечает, что «в лице непосредственно самобытия мы имеем, следовательно, *непостижимое в его непосредственности* — так, как оно являет или открывает себя без посредства стремящейся к его уяснению мысли... Мы имеем здесь непостижимое на тот лад, что мы сами суть оно»¹⁶. Итак, «непостижимое» здесь у Франка является синонимом трансрационального Абсолюта, как и *Dasein* у Хайдеггера. Но этот Абсолют у обоих философов выражается не в объективном, внешнем, надмирном бытии, а в абсолютном бытии внутреннего существа человека. Вот как пишет об этом Хайдеггер: «Сущее, анализ которого стоит как задача, это всегда мы сами. Бытие этого сущего *всегда мое*... «Сущность» этого сущего лежит в его *быть*. Что-бытие (*essentia*) этого сущего, насколько о нем вообще можно говорить, должно пониматься из его бытия (*existentia*)... «Сущность» присутствия (*Dasein*) *лежит в его экзистенции*. Выделимые в этом сущем черты поэтому суть не наличные «свойства» некоего так-то и так-то «выглядящего» наличного сущего, но всякий раз возможные для него способы быть и только это. Всякая такость этого сущего есть первично бытие. Отсюда титул «присутствие» (*Dasein*), каким мы обозначаем это сущее, выражает не его *что*, как стол, дом, дуб, но бытие»¹⁷.

Итак, у Франка непосредственное самобытие есть форма проявления Абсолюта через личное бытие человека. Вот как пишет об этом Франк: «Непосредственное самобытие есть не что иное, как просто само бытие, т. е. само непостижимое в его непосредственности, в его самооткровении или явлении себя»¹⁸. Однако если бы дело обстояло так и только так, то личность человека, как замечает Франк, просто растворялась бы в абсолютном бытии наподобие индуистского Брахма-

на. Франк отмечает, что структура абсолютной реальности не тождественна самой себе, не статична, но динамична, заключается в противоречивом сочетании единства и множества, где абсолютный максимум бытия есть одновременно и его абсолютный минимум (здесь заметно влияние философии Николая Кузанского). Поэтому из океана непосредственного самобытия Франк выделяет иную бытийную структуру: *самость*. Ее значение заключается в отделении от всего остального, выраженное в форме «я есмь». «Именно в этой *инаковости*, которая часто выражается в *противоположности* всему остальному, в противодействии ему, в упорном самоутверждении, заключается специфический момент бытия как *самобытия*. Самобытие есть именно собственное бытие — «*мое собственное бытие*» ...если мы попытаемся фиксировать в понятии это двойственное существо «самости», то мы можем сказать, что этот самый общий смысл самобытия заключается, очевидно, в том, что в его лице *безграничное* выступает в конкретной форме *ограниченного*. Объемля бесконечно многое, самобытие вместе с тем *конечно, ограничено* чем-то иным; оно есть, нечто, что в каком-то смысле есть все и вместе с тем есть все же только *единичное* существо»¹⁹. Бытийную структуру, очень близкую франковской «самости» выделяет и Хайдеггер: «Бытие, о котором для этого сущего идет дело в его бытии, всегда мое. Присутствие (*Dasein*) поэтому никогда не фиксируемо онтологически как случай и пример определенного рода сущего как наличного... Рассмотрение присутствия (*Dasein*) сообразно *всегда-моему* характеру этого сущего должно постоянно включать личное местоимение: «я есмь», «ты есть»²⁰. Как видим, при существенном различии философской лексики и стилей мышления Хайдеггера и Франка сходство здесь весьма значительное. Это может свидетельствовать либо о прямом влиянии фундаментальной онтологии Хайдеггера на позднее философское творчество Франка, либо о внутренней, «объективной» логике истории философии, когда философы не «придумывают» свои концепции, но одно и то же *бытие* или одно и то же *присутствие* выражает себя через них.

Наш очень краткий сравнительный анализ концепций Хайдеггера и Франка нельзя оставить без обозначения еще одной общей для этих двух философов основополагающей идеи: *идеи трансцендирования*. Франк отмечает, что своеобразная форма бытия непосредственного самобытия есть форма потенциальности и становления, бытие в форме *стремления к бытию*, стоящее на пороге между бытием и небытием. То есть, человек не может состояться и вообще быть адекватно мыслящим пребывая лишь в пределах себя. «К существованию непосредственного самобытия необходимо

принадлежит, таким образом, *трансцендирование*, выходение за пределы самого себя, переход через границы своей собственной области бытия»²¹. По Франку, это трансцендирование бывает *идеальным и реальным*. Идеальное трансцендирование означает познавательную интенцию к предметному миру, саму по себе безразличную и отстраненную и потому не подлинную. Однако, фундаментальность этого отношения, как акта трансцендирования, принадлежащего к самой сущности непосредственного самобытия, задается тем, что сознание вообще невозможно определить вне этого отношения. Самобытие, человеческое бытие в этом смысле есть, по Франку, бытие-в-мире, бытие-с-миром²². Реальное трансцендирование первого типа означает трансцендирование в другую «самость», в другое «я», в отношение «я — ты», которое конституирует, строит саму личность человека, само его непосредственное самобытие. Реальное трансцендирование второго типа означает трансцендирование в духовное бытие, «в чистую объективность — в смысле внутренне-самоочевидного, в себе самом основанного уже не потенциального, а актуального бытия, которое, однако, по своему содержанию сродно непосредственному самобытию, есть, как и оно само, бытие-для-себя — трансцендирование как бы в истинную, прочную, актуальную основу самого непосредственного самобытия. Это есть трансцендирование в реальность духа»²³.

Хайдеггер, в свою очередь, говорит о «бытии-в-мире» как фундаментальной структуре *Dasein*. По Хайдеггеру, «бытийное устройство заботы» реализуется в первую очередь как «бытие-в-мире», как бытие при внутримирном сущем», и в качестве такового присутствие (*Dasein*) «раскрывает» сущее, делает его «истинным»²⁴. Как можно заметить, описание Франком идеального трансцендирования почти буквально воспроизводит и этот момент экзистенциальной аналитики Хайдеггера.

...Хайдеггер отмечал, что для нынешней эпохи характерно «забвение бытия», что даже философия занимается только сущим среди других сущих, а не самим бытием. В отличие от средневековья, где, как известно, философия была служанкой богословия, мы живем совсем в иную эпоху, где господствующими мировоззрениями, на наш взгляд, являются *позитивизм и постмодернизм*, и в обоих из них проблема «забвения бытия» стоит весьма остро.

В позитивизме философия является служанкой науки. В самом деле, один из самых распространенных мифов нашей эпохи — это миф о «научном мировоззрении». Когда стремятся придать убедительность некоему взгляду, сейчас иногда говорят: *так доказала наука*. Тогда как в Сред-

ние Века говорили: так утверждает святая церковь. Но как и церковь была далеко не свята в претензии грешных и ограниченных людей регламентировать все и вся, так и наука в своей претензии всё доказать не менее слепа. В самом деле, в словосочетании «научное мировоззрение» первая часть элементарно противоречит второй. «Мировоззрение», взгляд на весь мир вряд ли может быть делом науки. Наука всегда имеет дело с чем-то конкретным, осязаемым, регистрируемым приборами и точно измеримым. Для науки характерно единство чувственного и рационального, эмпирического и теоретического, но все же главным критерием истины является эксперимент, воспроизводимость научной теории в организованном опыте. Но как поставить опыт со всем миром? На какую точку опоры опереться научным архимедам, чтобы перевернуть всю Вселенную, частью которой являются и сами ученые? Еще Кант в своей «трансцендентальной диалектике» показал необоснованность претензий рассудка в попытках познать все, объять необъятное. Рассудок при этом, отмечал Кант, впадает в антиномии — непреодолимые противоречия, где можно доказать равным образом тезис и антитезис. Иногда говорят, что философия — это наука наук. Это верно лишь в том смысле, что философию и науки объединяет общий метод, заключающийся в логическом, доказательном, рациональном мышлении, сводящем множество к единству. Но предмет философии резко отличается от предмета науки. Если науки занимаются бесконечным множеством возникающих и гибнущих вещей, познанием *относительного*, то философия занимается поиском вечного Абсолюта в его отношении к миру конкретных вещей, *отношением относительного к Абсолюту*, будь этот Абсолют материей, или идеей, или Богом, или человеком.

В философии же постмодернизма, на наш взгляд, вырождается само понятие *истины*. Если позитивистские тенденции сейчас характерны, прежде всего, для научно-технической интеллигенции и для сферы научного познания, то постмодернистские тенденции встречаются весьма широко, особенно среди молодого поколения, причем в сфере практической жизни. Главный тезис такого понимания жизни: «Я так вижу, я так понимаю, я так верю; вы понимаете иначе и тоже имеете на это право; все убеждения и образы жизни равны, и нельзя предпочесть один другому». Перефразируя старый термин «вульгарный материализм» можно назвать постмодернизм «вульгарным экзистенциализмом». Если у Хайдеггера «мы суть *Dasein*» означает, что в нас сокрыта неочевидная глубокая абсолютная сущность, конкретная для каждого и единая для всех, то для постмодернизма в выражении «мы суть *Dasein*» акцентируется иное: что бы мы ни делали, это является выражением *Dasein*. Значит, незачем

отделять наше подлинное бытие от неподлинного. Все, что мы делаем, — подлинно и истинно, хотя истина при этом у каждого своя. Практически при этом встает проблема фатального межличностного непонимания и фатального одиночества человека в мире людей при видимой толерантности и «демократии». Происходит атомизация общества, его дробление на бесконечные группы. Имеет место особый порок мысли: дефицит стратегического мышления при весьма развитом мышлении операциональном и тактическом. И это наблюдается сейчас не только в России, но и в Европе и Америке. Ибо системный взгляд на мир, характерный для стратегического мышления, не зависит от уровня образования и культуры, а зависит от наличия, качества и твердости внутреннего стержня, на который это образование нанизывается. Этот стержень называется убеждениями или верой...

Примечания

1. Коплстон, Ф. История философии. XX век. / Ф. Коплстон. — С. 204.
2. Хайдеггер, М. Бытие и Время / М. Хайдеггер. — С. 7.
3. Там же. — С. 12.
4. Там же. — С. 12.
5. Там же. — С. 12.
6. Там же. — С. 13.
7. Там же. — С. 15—16.
8. Там же. — С. 13.
9. Там же. — С. 15.
10. Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев). Лекции по библейскому богословию (Архив автора).
11. Франк, С.Л. Непостижимое / С.Л. Франк. — С. 445—446.
12. Там же. — С. 445.
13. Там же. — С. 449.
14. Там же. — С. 455.
15. Там же. — С. 457.
16. Там же. — С. 458.
17. Хайдеггер, М. Бытие и Время / М. Хайдеггер. — С. 41—42.
18. Франк, С.Л. Непостижимое / С.Л. Франк. — С. 462.
19. Там же. — С. 467—468.
20. Хайдеггер, М. Бытие и Время / М. Хайдеггер. — С. 42.
21. Франк, С.Л. Непостижимое / С.Л. Франк. — С. 482.
22. Там же. — С. 485.
23. Там же. — С. 487.
24. Хайдеггер, М. Бытие и Время / М. Хайдеггер. — С. 42.

Поступила в редакцию 26 августа 2008 г.

Беспечанский Юрий Васильевич, родился в 1967 году, в 2005 году окончил Русскую Христианскую Гуманитарную Академию (г. Санкт-Петербург). Соискатель при кафедре истории философии СПбГУ. В настоящее время старший преподаватель кафедры философии ЮУрГУ. Сфера интересов — русская философия и западная феноменология.

Bespechansky Yuri Vasilievich was born in 1967, in 2005 graduated from the Russian Christian Academy for the Humanities (Saint-Petersburg). He is a candidate at the History of Philosophy Department of Saint Petersburg State University. Currently he is a Senior Teacher at the Philosophy Department of South Ural State University. Professional interests: Russian philosophy and Western phenomenology.

ВЕЩЬ КАК МЕРА ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

О.А. Ковтун

THING AS MEASURE OF PERSONAL IDENTITY

О.А. Kovtun

Статья посвящена проблеме персональной идентичности в современном мире. Идентичность рассматривается как фактор, который помогает человеку приспособиться к условиям постоянно меняющегося мира и при этом не потерять свое Я. В статье показана важная роль потребляемой человеком вещи для обретения им чувства устойчивости. Обосновывается актуальность философского анализа вещи как онтологической границы между Я и миром, конституирующей самоидентичность человека, способствующей или препятствующей его самоопределению. Рассматриваются особенности отношения человека к вещам на разных этапах развития культуры, выявляются тенденции и социокультурные детерминанты этого отношения. Установлено, что вещь как мера субъективности человека, может быть основанием персональной идентичности.

Ключевые слова: вещь, персональная идентичность, самоощущенность, самоопределение, распрямление, идентификация, тело, дизайн.

The article is devoted to the problem of personal identity in the modern world. Identity is considered as the factor that helps a person to adapt himself to the conditions of the constantly changing world and not to lose his own ego. The author reveals the importance of consumed by a man thing for gaining the sense of stability. The author also proves the urgency of philosophical analysis of a thing as an ontological boundary between Ego and World which verifies the self-identity of a person, helps or a person's self-determination. She considers the peculiarities of a person's attitude to a thing on different stages of the cultural development, he finds the tendencies and social-cultural determinants of the attitude. The author proves that a thing as a measure of a person's subjectivity can be a base for a personal identification.

Keywords: thing, personal identity, self-identity, self-determination, taking away the thing nature, identity, body, design.

Проблема персональной идентичности является ядром антропологической проблематики. Процесс персональной идентичности приобретает особую остроту в культуре модерна и постмодерна. Поиск устойчивого основания в индивидуальной жизни, его обретения и сохранения в ходе постоянного изменения личности и динамики современного мира современного человека составляет центральную проблему персональной идентичности.

Идентичность формируется в процессе самоопределения личности. Поэтому концепция Я как основание идентичности составляет центральный момент постижения культуры и человека. В качестве синонима понятию Я употребляется термин самость. В любом случае оба термина обозначают центр человеческой личности.

При этом важнейшим является вопрос о том, является ли самость изначально заложенной в человеке, или она результат социализации личности.

Центральное место в структуре Я занимают цели, ценности, потребности, потребность человека в идентичности, в самоощущенности является основной.

Радикальный пересмотр феномена и содержания понятия идентичности произошел в XX веке. Классическая философия предпочитала диалог — диалогу, неизменное — изменчивому, абсолютизировала субъект-объектные отношения и игнорировала различие и многообразие. Постмодернистская парадигма, снимая противоположность субъект-объектных отношений и реабилитируя различие, предопределила возвращение человека к идентичности основанной на различии «между Я и государством, телом и сознанием, врагами и друзьями»¹.

Идентичность представляет собой феномен, который возникает на основе диалектической взаимосвязи единичного и всеобщего, индивида

и общества. «В континууме Я и не Я, между двумя полюсами — природой и культурой, полюсом единичного и полюсом общего — осуществляется бесконечный поиск идентичности»².

Полюсом всеобщего, т. е. основанием «не-Я», с которым соотносит себя индивид в силу своих потребностей, является тело, а также все, что может служить наглядному расширению этой сферы, в том числе вещи, в которые Я может вращаться и возрастать в них. Техника и вещи оказываются элементами культуры, маркирующими её духовную или бездуховную сущность, способствуя или препятствуя самоопределению индивида. Однозначно определить вещь до сих пор не представляется возможным.

Как категория философии понятие «вещь» в одних случаях отождествляется с предметом и объектом, в других эти понятия

противопоставляются. Так, например, у некоторых представителей философии экзистенциализма вещь понимается как предмет «Gegenstand», т. е. буквально «то, что против нас», нечто сопротивляющееся, сущность чего обнаруживается благодаря сопротивлению. На это указывает также русское слово «предмет», т. е. то, «что метит в глаза» (А.М. Уёмов). В данном случае вещь и предмет противопоставлены друг другу с целью подчеркивания обыденного модуса вещи, её материальности, востребованности человеком.

В общегносеологическом плане неправомерно как противопоставление предмета и вещи, так и их полное отождествление. Одна и та же вещь, будучи одновременно системой и элементом системы, может, в зависимости от смыслового контекста в рамках определенного конкретного отношения, быть либо предметом, либо вещью.

Ряд авторов в работах, посвященных вещи как категории философии, отмечают общее свойство, присущее всем вещам: материальность, телесность, осязаемость (А.Я. Райбекас, В.С. Барулин, А.И. Уёмов). Важно отметить еще одну очень важную характеристику вещи, необходимую для поисков новых аспектов идентичности, — это пограничность вещи. Вещь проявляет себя как граница; граница выстраивает, располагает, собирает и «остается сама в себе и сама по себе». Граница по замечанию Г.Н. Лола, не только очерчивает, но и производит выброс энергии. Её функция не только разъединять, но и соединять: «этот предел не отделяет две части света: субъект и объект или вещи перед лицом мышления, это скорее универсальное отношение, посредством которого все вступает в связь и расходится, с помощью которого вещи даются и ускользают одновременно»³.

Таким образом, каждая эмпирическая вещь, воплощая единое и многое, делимое и неделимое, тождество и различие в силу своей целостности является универсальным способом самоопреде-

ления личности. С одной стороны, вещь как мера субъективности личности дает возможность установления тождества с собой необходимого для становления персональной идентичности. С другой стороны, как воплощение всеобщего она необходима для установления идентичности уникального во взаимосвязи с «идентичностью всеобщего».

В философско-социологической литературе получило распространение определение вещи как результата целенаправленной деятельности человека, отражающее специфику вещи как феномена культуры и фиксирующее неразрывное единство человека и вещи.

История культуры показывает, что становление человека и вещи есть сопряженные процессы и позволяет фиксировать включенность вещи непосредственно в структуру личности.

Сущность личности выражается в разных формах: объективно — в вещах и субъективно — в потребностях и ориентациях самой личности, между которыми разворачивается противоречие. Обычно одна из сторон берет верх над другой и становится определяющей, «поэтому действительного дуализма сущности не бывает»⁴.

Характер отношения человека к вещи может быть различным, что непосредственно проявляется в процессе идентификации. Если в отношениях человека с миром определяющим становится всеобщее, а «официально санкционированный проект» предполагает преданность общему делу, то вещь становится независимой и абстрагируется от индивида и его частной жизни.

Когда же в отношениях человека к миру акцент перемещается на сторону индивидуального, то это проявляется, в том числе, в стремлении выразить свою индивидуальность через вещи, которыми, реализуя ценностную установку на обладание — «Я есть то, чем владею». Это приводит к созданию персонифицированных вещей, которые становятся все более совершенными, целесообразными и «культивируемыми». Отмечаемый в современном мире процесс превращения вещи в субъект, задающий тон формирующейся предметной среде, происходит, прежде всего, через индивидуализацию формы вещи. Согласно Аристотелю, единство формы и материи — исходный и конечный пункт генезиса вещи. Если материя, — родовая причина генезиса вещи, то форма — индивидуальная.

Индивидуальность — существенный признак вещи, дающий возможность устанавливать её тождество и различие.

В условиях утраты идентичности и «абсолютной власти форм», параллельно процессу превращения вещи в субъект происходит процесс овеществления индивида. Между тем, процесс «очелове-

чивающейся» вещи и «овеществляющегося «человека» — явление, присущее не только современной культуре, но и характеризующее примитивные культуры и являющееся свидетельством целостности восприятия человеком мира и себя в мире⁵.

Все вышесказанное служит еще одним доказательством включенности вещи в структуру личности, которая, являясь объективированной формой реализованных в ней сущностных сил человека, служит мерой персональной идентичности. Вещь выступает как посредник между человеком и родом, как «зеркало», отражающее уровень развития сущностных сил человека и общества.

Вещь как культурная форма есть единство единичного и всеобщего, материального и идеального. В вещах идеальное существует как опредмеченная в естественно-природном материале субъективная целесообразная деятельность человека. Процесс распредмечивания культурной формы можно назвать уподоблением человека тем субъектам, которые посредством культуры себя опредмечивали. Следует подчеркнуть его диалектическую связь с процессом опредмечивания, который выражается в превращении субъективных сил человека в свойства вещи.

В диалектическом взаимодействии процессов опредмечивания и распредмечивания в связи с решением проблемы поиска идентичности человека особый интерес вызывает распредмечивание. В рамках последнего формируется отношение потребления, связанное, в первую очередь, с повседневной частной жизнью человека. Потребление — начало нового этапа в модели субъект — объектных отношений человека с миром, связанного с захватом духа предметной стороной. Потребление как тип отношений, по определению французского теоретика Ж. Бодриера, далеко выходит за рамки отношений с вещами. В условиях утраты идентичности система искусственно создаваемых потребностей дробится до бесконечности, что, по замечанию автора, «проистекает из несбывшегося императива личностной ценности и за неимением лучшего воплощается в персонализированной вещи»⁶.

Рядом авторов установлено тождество понятий присвоения и потребления вещей. С той разницей, что присвоение сочетается с категорией культуры, а потребление относится к сфере материального производства. Можно выделить два типа присвоения культурного содержания вещи: культурное отношение к вещи и отчуждение. Отчуждение «выражается в том, что объект овладевает субъектом, поработывает его, лишает свободы и самооценности». В условиях отчуждения процесс распредмечивания становится неполным, частичным, односторонним и развива-

ет человека в рамках индивидуального потребления как субъекта, но не как личность.

В рамках материалистического понимания истории отчуждение отождествляется с доминантной ролью способа материального производства, детерминирующего жизнь общества. Вместе с тем существует и взгляд представителей неклассической философии, рассматривающих отчуждение как результат развития техники, что, в свою очередь, вызывает несоответствие характеристик вещи телу человека.

Таким образом, поиск внешних знаков идентичности, которыми в условиях современного общества становятся потребляемые вещи, стандарты потребления, стили жизни, выражает стремление человека именно так выразить свою уникальность и обрести идентичность через обладание культовой вещью.

Еще один важный аспект обретения человеком идентичности связан с его способностью к переживанию. В диалогическом пространстве Я—ТЫ, определяющем процесс самоидентификации. Другой сначала постигается как воспринимаемая вещь, затем, благодаря вчувствованию, переживанию становится ТЫ. Человек конструирует мир своих чувств, включая и телесное Я. Последнее, по замечанию Е.Г. Трубиной, очень важно для складывания идентичности, потому что «именно ментальная репрезентация тела становится причиной отношения к Я, как к вещи»⁹. Речь идет о соотношении понятий «материальная вещь» и «тело» в истории философии. Понятие тела предполагает очень существенный признак, характеризующий индивидуальность человека.

Между тем, вопросу соматики человека как онтологическому основанию персональной идентичности в литературе уделено недостаточно внимания. Поэтому остановимся на этом аспекте более подробно.

Степень корреляции между ценностями индивидуальности и восприятием тела человеком достаточно высока, о чем свидетельствует тот факт, что исследователи фиксируют одновременность протекания в европейской культуре процесса кризиса соматического сознания и кризиса идентичности.

О необходимости освоения тела для становления Я как целостности, по мнению представителей школы З. Фрейда, говорит тот факт, что установление границ своего Я, соотносимого с границами тела, является первой ступенью индивидуализации и исходит из потребности индивида в персональной идентичности.

«Натуральная телесность» как модель общества и мироздания — одна из особенностей дописьменных культур. Особенность первобытного пансоматизма в том, что тело имеет культурно-психологическое качество. Это носитель опыта и все соци-

альное исходит от тела и благодаря качествам тела культурные особенности человека обретают силу. Все сказанное позволяет утверждать, что тело является первой осваиваемой человеком вещью. И пока человек не сделал нечто из самого себя, он мало что мог сделать в окружающем мире.

Традиция отождествления понятий «тело» и «вещь» берет начало в античной философии. Тело — понятие, предшествующее в истории познания категории «вещь». В античной философии наряду с синтезирующим понятием «вещь» Платон и Аристотель используют как синонимы понятия «тело» и «сущее». Необходимо заметить, что для греков понимание личности неотрывно от живого тела и тождественно ему. Если раб в отличие от свободных граждан был лишен права на персону, то у него не было и тела¹⁰.

В современном мире тело воспринимается скорее, как инструмент успеха, как материальный объект, но не переживается. Тело становится знаком успешного социального общения при условии внешнего соответствия принятому стандарту.

В заключении можно еще раз подчеркнуть диалектическую связь понятий «тело» и «материальная вещь». При этом вещь формирует тело человека, а тело, в свою очередь, определяет функцию вещи. Человек остается тождественным себе во времени благодаря форме, видимому, телу.

Таким образом, тело и вещь являются мерой индивидуальности человека, что позволяет устанавливать тождество и различие, необходимое для конституирования идентичности.

Вещь можно рассматривать как исторически сложившуюся форму духовной культуры, даю-

щую возможность гармонизировать индивидуальное и социальное в человеке.

В современном мире функцию гармонизации призван осуществлять дизайн, как эстетическая предметная деятельность, создающая условия обретения персональной идентичности.

Примечания

1. Трубина, Е.Г. Рассказанное Я : проблемы персональной идентичности [Текст] / Е.Г. Трубина. — Екатеринбург : УроРАН, 1995. — С. 85.
2. Невелев, А.Б. Персональная идентичность человека : путь к зрелости [Текст] / А.Б. Невелев // Вестник института психологии и педагогики : Выпуск 1; под общей ред. С.А. Репина. — Челябинск : Урал ЛТД, 2003. — С. 54.
3. Лола, Г.Н. Дизайн в постмодерне [Текст] // Г.Н. Лола ; <http://www.portalus.ru/modules/philosophy>.
4. Маркс, К. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс ; собр. соч. Т. 1. — С. 322.
5. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического [Текст] / В.Н. Топоров. — М. : Прогресс-Культура, 1995. — С. 27.
6. Бодрияр, Ж. Система вещи [Текст] / Ж. Бодрияр. — М. : Рудомино, 1999. — С. 217.
7. См. подробнее: Рунева, Т.А. Диалектика художественного и религиозноосвоения мира: дис. ... канд. фил. наук [Текст] / Т.А. Рунева. — Свердловск, 1979. — С. 28.
8. Каган, М.С. Человеческая деятельность [Текст] / М.С. Каган. — М., 1974. — С. 45.
9. Трубина, Е. Г. Рассказанное Я: проблемы персональной идентичности [Текст] / Е.Г. Трубина. — Екатеринбург : УроРАН, 1995. — С. 130.
10. Мосс, М. Общество. Обмен. Личность : труды по социальной антропологии [Текст] / М. Мосс ; пер. с франц. — М. : Восточная литература, РАН, 1996. — С. 160.

Поступила в редакцию 15 августа 2008 г.

Ковтун Ольга Автономовна, старший преподаватель кафедры искусствоведения и культурологии ЮУрГУ. В 1990 году окончила факультет искусствоведения Уральского государственного университета. Область научных интересов: философия культуры, философская антропология.

Kovtun Olga Avtonomovna is Senior Teacher of the Art History and Cultural Studies Department of the SUSU. In 1990 she graduated from the Art History Faculty of Ural State University. Professional interests: philosophy of culture, philosophical anthropology.

ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Е.В. Миронов

LIBERAL-CONSERVATIVE SOCIOPOLITICAL CONCEPT BY CHICHERIN B.N.

E.V. Mironov

В статье излагается сущность социально-политической концепции Б.Н. Чичерина, которая оказалась настолько оригинальной, глубокой и жизнеспособной, что представляется вполне современной и теперь, через сто с лишним лет после смерти ее создателя.

Ключевые слова: концепция, либерально-консервативная, социально-политическая, конституционная монархия, охранительный либерализм, свобода личности, государственная школа, государствоведение, внутренняя свобода, внешняя свобода.

The article describes the essence of the sociopolitical concept by B.N. Chicherin which is so original, deep and viable that it seems to be quite up-to-day even after more than one hundred years after death of its founder.

Keywords: concept, liberal-conservative, sociopolitical, constitutional monarchy, guarding liberalism, personal liberty, state school, state studies, internal freedom, external freedom.

Труды Б. Н. Чичерина признаны классическими в таких различных сферах гуманитарного знания, как философия, правоведение, история, социология и политология. Принципиальный оппонент Чичерина крупнейший русский философ Владимир Соловьев назвал его «самым многосторонне образованным и многознающим из всех русских и европейских ученых XIX века». Однако необходимо отметить, что именно в области политической науки его концепция оказалась настолько оригинальной, глубокой и жизнеспособной, что представляется вполне современной и теперь, через сто с лишним лет после смерти ее создателя.

По мнению многих современных российских историков и политологов (например, Б.В. Емельянова, А.С. Кокорева, Ю.С. Пивоварова, В.И. Приленского и др.) именно Чичерина можно с полным правом считать первым российским политологом, в работах которого государствоведение становится первым образцом политической теории. Некоторые современные исследователи творчества Б.Н. Чичерина называют его «русским Макиавелли». «В истории политической мысли в России ему суждено было сделать то же, что великому флорентийцу во всемирном масштабе. В творчестве Чичерина мы находим решительный переход в русской политической мысли от монополии политической философии

к становлению политической науки. Чичерин — первый русский политолог, и именно в силу этого он еще и юрист, экономист, философ, социолог»¹.

Чичерина, как ученого-политолога, интересует политика как наука, изучающая явления государственной жизни в связи с условиями места и времени, в которых они совершаются, и с общим ходом истории. Однако не только разнообразные явления «государственной жизни» сами по себе, но в их взаимосвязи с общественными, правовыми и моральными явлениями — вот объект политической теории Чичерина. При подобном разнообразии исследуемых явлений он четко выдерживает политический угол зрения, то есть все они его интересуют в ракурсе политики. Той политики, которую Чичерин характеризует как «науку о способах достижения государственных целей», а государство — как «союз, призванный исполнять общественные цели». Таким образом, предметом политической теории для Чичерина, если воспользоваться более поздней терминологией американского социолога Толкотта Парсонса, является взаимоотношение государственного порядка с его «внешними средами», то есть порядками социальным, правовым и моральным, а также трансформация этого порядка, как в масштабе мировой истории, так и определение целей и путей изменения его «здесь и сейчас», то

есть в данной исторической конкретности. Следовательно, в структуре политической теории Чичерина собственно политологическое ядро находится в постоянном взаимодействии с политической социологией, политической философией, политическим правоведением и политической историей.

Необходимо отметить, что саму по себе государственную деятельность он не считал наукой, но только искусством управления государством, которое существовало издавна, и практика до сего времени предшествовала теории. Однако, считает он, теперь пришло время, когда практика должна руководствоваться политической теорией. Чичерин утверждает: «Теория политики, основанная на всестороннем изучении философии права и истории народов, составляет лучшее руководство для практики»². Пришло время, когда действующий политик должен четко осознавать смысл своих действий, «должен иметь ясное понятие о состоянии и потребностях общества; он должен ясно сознавать и сами цели, которые можно иметь в виду при существующих условиях, определить, что на практике исполнимо и что должно быть отложено; наконец, он должен иметь понятие и об общем ходе истории, о том, к чему естественным движением жизни влекутся народы и государства, что следует поддерживать и с чем надобно проститься: иначе он рискует дать политической жизни ложное направление, потратить силы и средства государства на то, что обречено на погибель, и тем самым подорвать собственное его существование»³.

Чичерин задает себе вопрос о возможности такой науки и отвечает на него утвердительно: «Где есть ряд повторяющихся однородных явлений, там есть и предмет для изучения, есть и законы, есть и наука»⁴. Однако для того, чтобы подобная наука состоялась, она должна опираться на четко выработанную методологию, и принципы такой методологии он формулирует.

Первый из них — это всесторонность изучаемых политических явлений, а также целостный подход ко всему разнообразию теорий и явлений, потому что, пишет он: «Политика есть наука относительного. Она исходит от явлений, а явления суть нечто разнообразное и изменчивое. Но для того, чтобы это относительное получило истинное — научное значение, оно должно быть исследовано со всех сторон, во взаимной связи, через что самое оно сводится к общим началам, выражающим самую сущность государственной жизни. Это составляет высшую цель науки»⁵.

Во-вторых, он заявляет, что политическая наука — наука опытная, опирающаяся на «научный способ изучения явлений». Она вовсе не отрицает фактическую действительность, практику, не старается подвести ее к отвлеченной тео-

ретической мерке, а старается понять ее положительный смысл и определить ее значение в целом.

В то же время, будучи опытной наукой, политическая наука принципиально отличается от естественных, поскольку в природе везде действует необходимость, а в политике мы имеем дело с поступками свободных людей, обладающих разумом и моральными принципами: «Здесь человек становится предметом изучения во всех сторонах своего естества, не только как физическое, но и как метафизическое существо. Здесь можно видеть, к чему он стремится и чего он достигает»⁶. Потому, и это в-третьих, политика как опытная наука намного ближе к истории, чем к наукам о природе: «Для политики история составляет самое первое и необходимое основание»⁷. И потому важнейшим для политической науки является исторический метод.

Однако поскольку человек существо метафизическое, а подлинным выражением метафизической сущности человека является философия, то политической науке без философии никак не обойтись. Чичерин в философии был гегельянцем, но не вполне «правоверным». Приняв гегелевский принцип схематизма развития любой реальности, он гегелевскую триаду заменил тетрадой, и эта тетрада открывала ему сущностный смысл, как структуры политического порядка, так и его трансформации. Четыре начала Абсолютного, согласно концепции Чичерина, проявляются в общественно-политическом бытии как общее благо, свобода, закон и власть. Они составляют основу четырех союзов: семьи, гражданского общества, церкви и государства. Государство, по Чичерину, «не снимает», «не поглощает» других союзов, а только «воздвигается над ними как высшая область, господствующая в сфере внешних отношений, но оставляющая им должную самостоятельность в принадлежащем каждому кругу деятельности».

В целом можно сказать, что сам ход мысли в политической теории Чичерина движется двумя главными путями, которые хотя и постоянно переплетаются, но, тем не менее, могут быть отчетливо выделены: он исследует политический порядок, во-первых, в его идеальной сущности, то есть в ракурсе должного, и, во-вторых, как он проявляется в конкретной исторической ситуации, то есть в ракурсе фактического. Ставшая результатом исследований его политическая концепция «либерального консерватизма» представляется стройной, внутренне обоснованной и претендует как на роль общей теории политической реальности вообще, так и на роль теории устройства российского политического порядка и его развития.

Б.Н. Чичерин требовал четкого разграничения понятий «государства» и «общества», по-

скольку в сущности это две различные сферы, и их смешение было, по его мнению, причиной самых крупных ошибок в философских концепциях, анализирующих политическую, социальную, правовую и историческую реальности. Более того, для него, для «государственника», независимость общества от государства была не подлежащим сомнению фактом. Общество не является единым организмом: подчиняясь государству, как единому целому, оно не перестает быть сплетением частных интересов и зависимостей, не представляющих никакого организованного единства. С другой стороны, государство все свои силы и средства черпает из общества. Сознание этой зависимости государства от общества составляет отличительную черту новейшей политической науки. Чичерин говорит, что опыт показал, что государственный быт тогда только имеет прочные основы, когда он покоится на господствующих в обществе убеждениях и потребностях. Общество несравненно устойчивее государства: частный быт, охватывая человека всецело, определяет все его привычки, нравы, понятия, образ действий.

Исследование общества в его составных элементах и влияния его на государство составляет предмет науки об обществе или социологии, тогда как исследование воздействия государства на общество составляет предмет политической науки. По мнению Чичерина, цель государства, его идея есть гармоническое сочетание всех элементов общежития и руководство общими интересами для достижения общего блага. При этом существуют два крайних мнения о способах деятельности государства: одно заключается в том, что государство должно охранять безопасность и право, а все остальное предоставить свободной деятельности граждан; другое — всю частную деятельность всецело подчиняет государству, утверждая, что единственно от усмотрения государственной власти зависит предоставление гражданам большего или меньшего простора в преследовании их частных целей.

Для Чичерина неприемлемы ни та, ни другая позиции: всеохватывающая регламентация частной деятельности ведет к полному подавлению свободы и уничтожению всех жизнеспособных сил в обществе; с другой стороны, классический либеральный взгляд на государство не учитывает того, что оно обязано не только оказывать содействие всем живым силам общества, но и само непосредственно взять в свое ведение те учреждения, которые имеют всеобщий характер.

Гарантию того, что в этой важной для общества деятельности государство не станет вторгаться в область частных отношений, не будет посягать на свободу личности, заключается в самой организации государственного союза, та-

кой организации, когда граждане сами становятся участниками власти, когда в государстве обеспечена свобода политическая, что возможно только при наличии высокоразвитого гражданского общества.

Опорой, стержнем гражданского общества Чичерин считал многочисленный и самостоятельный средний класс. Тот самый класс, который он видел в развитых европейских странах и отсутствие которого с сожалением констатировал в современной России. Значение среднего класса для России он подчеркивал в следующем воображаемом диалоге: «Что такое третье сословие? — спрашивал «С» — Ничто. — Чем оно должно быть? — Всем». А бедная страна не может быть свободной страной⁸. Таким образом, вышеприведенные рассуждения Чичерина говорят об отношениях между «обществом» и «государством» в ракурсе должного, сущности, идеи, когда он говорит о фактических взаимоотношениях, то картина получается иной.

Русское общество характеризуется наличием двух преобладающих сословий: правящей землевладельческой аристократии и грандиозной по численности народной массы, лишенной всяческого участия в государственном управлении. Меж ними почти неприметен средний класс, к которому Чичерин относил людей свободных профессий и городских промышленников. Отсюда признание неизбежности и обоснованности самодержавия, как единственной в данных условиях прочной опоры социального и государственного порядка. Такое положение самодержавия в России совсем не случайно, но является закономерным следствием исторического пути России. Будучи основателем «историко-юридической», или «государственной школы» в русской исторической науке, он считал самодержавие столпом и движущей силой русского общества. Чичерин утверждал, что русское монархическое государство возникло по инициативе сверху: «Отличительная черта русской истории, в сравнении с историей других европейских народов, состоит в преобладании начала власти»⁹. И в этом «преобладании власти» Чичерин видел как главное основание всех достижений России, так и причину всех ее бед. С одной стороны, именно самодержавная «власть расширяла, строила и скрепляла громадное тело, которое сделалось русской империей. Власть стояла во главе развития, власть насильно насаждала просвещение, обнимая своею деятельностью всю жизнь народа — от государственного устройства до частного быта»¹⁰. Самодержавие, по мнению Чичерина, создало по своей воле общину, породило сословия и произвело в интересах защиты от внешних врагов, закрепощение сословий: когда же самодержавие достаточно окрепло, оно, по мыс-

ли Чичерина, начало осуществлять раскрепощение сословий.

Таким образом, в России сами сословия были не продуктом самоорганизации, а результатом деятельности государственной власти. Если в Европе, считал он, феодальный строй объективно вел к формированию сословий как больших корпораций с определенными социально-экономическими интересами и выраженной самостоятельностью по отношению к государственной власти, то в России еще не было феодализма (в западноевропейском смысле этого слова). Исходя из роли географического фактора и колонизации при объяснении процесса образования сословий, их закрепощения, решающую роль Чичерин отводит государственному принуждению, тяглу. Он пишет: «Это было общее тягло, наложенное на все сословия во имя государственной пользы; все одинаково сделались крепкими государству»¹¹. То есть, это было своеобразное общее крепостное состояние, которое, конечно же, не содействовало развитию правовых начал.

Однако метафизически для Чичерина человек как разумное существо есть вместе с тем существо свободное. Оно исполняет нравственный закон не в силу естественной необходимости, а на основании собственного разумного выбора. «Как скоро человек признает существование в другом человеке нравственного закона, так он необходимо должен признать в нём и свободу»¹². Всякое действие есть действие нравственное, если оно совершается свободно, а не по принуждению. Только в этом случае человек может быть признан ответственным за свои действия. «Здесь рождаются понятия о заслуге и вине и вытекающие из них понятия о наградах и наказаниях»¹³.

Свобода, согласно Чичерину, имеет две стороны: отрицательную и положительную. С отрицательной стороны она состоит в независимости от всяких чуждых ей определений, а, следовательно, не только от чувственных влечений, но еще более от чуждой воли. С положительной стороны свобода состоит в возможности определяться к действию по собственному побуждению, а не по внешнему велению. Вот почему произвольный выбор действий есть существенная и необходимая принадлежность человеческой свободы, без которой она лишается важнейшего своего элемента. Нравственная свобода перестает быть свободой, как скоро у нее отнимается произвол, т. е. возможность противоположного решения; свобода добра, считает Чичерин, неизбежно сопряжена со свободой зла, одна без другой не существует. Личность, как прекрасно доказал Кант, сама по себе есть цель и не может быть употребляема как средство для посторонних ей целей, даже если этой целью является достижение совершенной нравственности.

Из требования внутренней свободы неизбежно вытекает, как логическое следствие, требование свободы внешней. Но тут встает вопрос о границах этой свободы, и он приводит к вопросу о праве. Человек, по мнению Чичерина, есть существо общежительное и только в обществе может развивать все свои силы и способности. Тогда каким образом возможно общежитие, если каждая личность обладает свободой и стремится расширить границы проявления этой свободы? Появляется необходимость определить, что принадлежит каждому, разграничить области свободы так, чтобы свобода одного не мешала бы свободе остальных, чтобы сильнейший не превратил бы других в орудия для осуществления посторонних им целей, чтобы каждая личность могла свободно развиваться и чтобы были установлены твердые правила для разрешения неизбежных при совместном существовании споров. Таково, согласно Чичерину, происхождение права. Право есть взаимное ограничение свободы под общим законом и составляет неотъемлемую принадлежность всех человеческих обществ.

Идея свободы, присущая любому разумному существу, есть разумное метафизическое начало права. Вслед за Гегелем Чичерин утверждает, что ступени развития свободы суть ступени развития права, так что полное раскрытие идеи права, установление «вполне разумного нравственного порядка» являются не началом, а плодом исторического процесса. Идея права в теории Чичерина достигает своей финальной цели в развитии гражданского общества. Предшествующие порядки — рабство и крепостничество — противоречат природе человека как разумно-свободного существа и поэтому являются отмирающими ступенями развития права. Права и свободы человека — прежде всего равенство перед законом, право частной собственности, свобода договоров, неприкосновенность личности и т. д. — составляют, по мнению ученого, конечную цель развития человечества, идеал юридического порядка. «Далее этих норм, — пишет Чичерин, — в гражданской области идти невозможно. Идеал достигнут».

На пути к реализации этого идеала ключевым моментом в эволюции свободы является переход от личной свободы к политической. Без политической свободы, считает Чичерин, личная свобода лишена гарантии. Политическая свобода служит не только гарантией, но и восполнением свободы личной: в ней человек находит высшее употребление своих сил и способностей; поэтому политическая свобода составляет неотъемлемую принадлежность всякого общества, стоящего на сколько-нибудь высокой степени развития. Однако, как и всякая другая, она имеет оборотную сторону: со свободой добра неразрывно свя-

зана свобода зла. От состояния общества зависит, насколько оно способно пользоваться политической свободой, чтобы не скатиться в пучину социальных бед и несчастий. Бывают периоды в исторической жизни общества, когда на первый план должен выступить элемент власти, чтобы спасти государство от разложения.

Идеалом для Чичерина всегда остается гармоническое единство в государстве всех элементов и политическая свобода. Он анализирует различные «образы правления»: аристократию, демократию, абсолютизм и конституционную монархию, чтобы установить, насколько они способны реализовать гармонию. Аристократия — это власть наиболее способной и образованной части общества, где присутствуют традиционные начала закона и порядка, но отсутствует содействие всех граждан. Простая смена социальных сил в той же самой социальной плоскости приводит к застою, потому что «лучшие» постепенно превращаются в «худших». Демократия, по мнению Чичерина, «образ правления» по сути промежуточный. Она выполняет задачу политического уравнивания общества, провозглашая равенство в свободе по общему закону, но по существу — это «государство посредственности», в котором «низшие классы становятся владыками высших», а народное верховенство во власти превращается в фикцию. В конце концов государственное управление переходит в руки организованной шайки грабителей. Абсолютизм необходим тогда, когда надо объединить страну, предотвратить ее распад. Он способен обеспечить единство, силу и прочность власти, охрану внешнего порядка, способность произвести важные социальные преобразования сверху. Но при этом он производит с неизбежностью бесчисленные орды чиновников, которые, уничтожая политические и гражданские свободы населения, творят безграничный произвол. Чичерин полагал, что абсолютизм жив неразвитостью и слабостью гражданского общества. Он пишет: «Сосредоточение совокупной верховной власти в одном физическом лице есть признак неспособности общества к самоуправлению».

Образ правления, наиболее соответствующий вышеуказанному идеалу, в котором сможет осуществиться примирение различных политических начал (свобода, закон, общее благо и власть), для Чичерина — это конституционная монархия: она имеет все выгоды политической свободы, но устраняет многие из ее недостатков. Он подчеркивает, что если бы выбор образа правления зависел от идеального совершенства, а не от жизненных условий и состояния общества, то нет сомнения, что конституционная монархия заслуживала бы предпочтения перед другими. Перед республикой она имеет то громадное преимуще-

ство, что здесь не властвует масса, устраняется деспотизм большинства. Тогда как, очевидно, что идея государства не соответствует предоставлению верховной власти большинству, т. е. наименее образованной части общества, поскольку этим совершенно устраняется начало способности, а именно она в организации власти должна иметь преобладающее значение. Быть представителем целого и управлять его действиями есть высшее общественное призвание, для исполнения которого требуется и высшая способность. С другой стороны, существование самостоятельного демократического элемента сдерживает поползновения аристократии к владычеству над народной массой и служит гарантией, что права и интересы этой массы не будут нарушены. Борьба партий в конституционной монархии не может достигнуть такого ожесточения и иметь такие губительные последствия, как в республике, так как над всеми партиями стоит совершенно независимая от них, умеряющая и сдерживающая власть монарха, который сам непосредственно не вмешивается в борьбу партий, не управляет и поэтому не подвергается нападкам и осуждениям. Вследствие своего высокого положения и вследствие унаследованной привычки отождествлять свое личное благо с благом всей страны, монарх обладает наибольшими возможностями для человека гарантиями беспристрастия и справедливости. Отсюда огромная важность и безусловная необходимость монархического элемента, который, таким образом, является четвертой властью наряду с законодательной (парламент), исполнительной (министры) и судебной.

Чичерин, безусловно, считал конституционную монархию идеальной формой и для России. Причем, как для России современной ему, так и для будущей, когда дворянская аристократия уступит место «новой» аристократии — крупной финансово-промышленной буржуазии, управляющим-технократам и верхушке интеллигенции. При этом он утверждал, что единственно легитимным является эволюционный, а не революционный путь развития общества и государства.

Чичерин хорошо понимал, что строительство новой государственности таит в себе опасность породить разнузданность страстей и анархию интересов, что немедленно бы привело к торжеству реакции, «которая могла уничтожить не только едва зародившуюся политическую свободу, но и юные преобразования, не успевшие еще упрочиться в народной жизни». В этой связи основную свою задачу Чичерин видел в соединении либерального и консервативного направлений политико-правовой мысли в современной ему России. Руководящей идеей его обширного «Курса государственной науки» было стремление «примирить начала сво-

боды с началами власти и закона»¹⁴. В качестве основного условия сохранения государственного порядка и развития общества в рамках российской системы государственности Чичерин выдвинул программу «охранительного либерализма», основной политической лозунг которого — «либеральные меры и сильная власть»¹⁵.

Отвергая принципиально революционный путь развития и демократию, Чичерин, как и другие умеренные либералы, свои надежды связывал с монархией. Относительно России говорил он прямо: «... я предпочитаю честное самодержавие несостоятельному представительству»¹⁶. Однако Чичерин никогда не защищал самодержавие само по себе, но лишь постольку, поскольку полагал его способным к трансформации в идеальную политическую форму — конституционную монархию. При всех указанных оговорках он всегда оставался принципиальнейшим сторонником либерального направления, потому что в центре всех его размышлений об обществе и государстве всегда находилась проблема обеспечения «свободы лица».

Важнейшим условием участия в государственных делах Чичерин считает политическую способность: «Невозможно дать участие в управлении человеку, не понимающему государственных интересов. Это значило бы принести высшие начала, общее благо в жертву личной свободе, тогда как вся общественная жизнь держится подчинением личного начала общественному. Поэтому неспособные должны быть устранены от участия в политических правах»¹⁷. И Чичерин довольно логично обосновывает необходимость введения цензовых ограничений избирательного корпуса. Прежде всего, имущественного ценза.

Право собственности, по Чичерину, вытекает из природы человека как разумного свободного существа, а овладение ею «составляет законный способ приобретения собственности, способ, вытекающий из коренных начал права»¹⁸. Поэтому государство, узаконив свободу, освящает то, что вытекает из природы человека, отсюда он делает вывод: покушение на собственность есть покушение на природу человека, на его свободу, а все, что колеблет собственность, подрывает основы гражданского порядка. В конституционной монархии обеспечено преобладание имущих и образованных классов над неимущими и необразованными, и такое преобладание, по мнению Чичерина, совершенно справедливо: «Все историческое развитие в его преемственном движении основано на постепенном накоплении капитала материального и умственного, и при этом не в руках метафизического существа, именуемого государством, а в руках свободных лиц, которые этот капитал накопленный обращают на новое употребление. История дает естественное законное

преимущество этим капитализирующим классам, которые являются прирожденными наследниками предшествующих поколений. Восставать против капитализма и капиталистов — значит восставать против всемирной истории. Это — признак совершеннейшей умственной пустоты»¹⁹.

Ввиду малочисленности и политической слабости среднего класса социальную опору своих идей Чичерин видел, прежде всего, в российском дворянстве. Он считал, что поскольку дворянство является единственным сословием России хотя бы мало-мальски осознающим свои права, и что именно для него характерен относительно высокий образовательный уровень, постольку оно является «единственным возможным политическим деятелем в России». Таким образом, либерализм Чичерина был сознательно дворянским и не мог быть иным, если претендовал, по его мнению, на звание разумного либерализма.

Он полагал мирную трансформацию российского самодержавия в конституционную монархию вполне возможной, поскольку для этого присутствуют два необходимых условия.

Во-первых, блок новой аристократии, т. е. помещиков, вставших на буржуазный путь развития, и крупной буржуазии. Если буржуазия оторвется от аристократии и поведет за собой народ, конституционная монархия останется идеей без приложения. Поэтому Чичерин призывает аристократию понять потребности времени. Нужно, чтобы движимая собственность, распространяясь на земледелие, изменила первобытный его характер и произвела смещение или, по крайней мере, сближение состояний. «Нужно, чтобы общее образование, и теоретическое и практическое, устанавливая между различными классами общение мыслей и нравов, соединило их в общих политических требованиях и интересах»²⁰.

Второй предпосылкой перехода абсолютизма в конституционную монархию мыслитель считает достаточное развитие буржуазии. «Представительное устройство является естественным последствием самого хода вещей, физического и умственного развития общества, ... когда требования свободы глубже проникают в общества, и политическая мысль, охватывает средние классы»²¹. Оба этих условия, по мнению русского либерала, в России налицо, хотя средние классы только-только вступили на самостоятельный путь развития, Россия неизбежно должна вступить на путь конституционной монархии.

Этой возможности не суждено было реализоваться, российское общество предпочло другой, революционный путь развития, что вовсе не сделало «охранительный консерватизм» Чичерина устаревшей политической концепцией, потому что главная проблема, занимавшая создателя: о соотношении политической свободы и прочного

общественного и государственного порядка — до сих пор не получила своего решения не только в практике жизни нашего общества, но и в политической теории, что никак не позволяет списать родоначальника отечественной политологии с корабля современности.

Примечания

1. Маркин, А.В. Редкий в России государственный: о некоторых аспектах творчества Б.Н. Чичерина / Маркин, А.В., Татарников, С.Н. // *Социально-политические науки*. — 1992. — № 1. — С. 87.
2. Чичерин, Б.Н. Вступительная лекция по государственному праву / Б.Н. Чичерин // *Философия права*. — СПб., 1998. — С. 382.
3. Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки / Б.Н. Чичерин. — М., 1898. — Ч. III. — С. 2.
4. Чичерин, Б.Н. Указ. соч. — С. 6.
5. Чичерин, Б.Н. Указ. соч. — С. 8.
6. Чичерин, Б.Н. Указ. соч. — С. 11.
7. Чичерин, Б.Н. Указ. соч. — С. 11.
8. Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки / Б.Н. Чичерин. — М., 1898. — Ч. II. — С. 204.
9. Чичерин, Б.Н. Областные учреждения в России в XVII в. / Б.Н. Чичерин — М.: Тип. Ал-ра Семена, 1856. — С. 27.
10. Там же.
11. Чичерин, Б.Н. О народном представительстве / Б.Н. Чичерин. — М.: Т-во И.Д. Сытина, 1899. 2-е изд. — С. 533.
12. Чичерин, Б.Н. Наука и Религия / Б.Н. Чичерин. — М.: Тип. Мартынова и К°, 1879. — С. 143.
13. Там же.
14. История политических и правовых учений // под ред. Лейста, О.Э. — М.: Юрид. лит, 1997. — С. 447.
15. Приленский, В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов / В.И. Приленский. — М.: ИФРАН, 1995. — С. 60—61.
16. Чичерин, Б.Н. О народном представительстве / Б.Н. Чичерин. — М.: Т-во И.Д. Сытина, 1899. — 2-е изд. — С. 19.

17. Чичерин, Б.Н. Указ. соч. — С. 8.

18. Чичерин, Б.Н. *Собственность и государство* / Б.Н. Чичерин. — М.: Тип. Мартынова, 1882—1883. — В 2-х ч. — Ч. 1. — С. 97.

19. Чичерин, Б.Н. *Положительная философия и единство науки* / Б.Н. Чичерин. — М.: Типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1892. — С. 61.

20. Чичерин, Б.Н. *О народном представительстве* / Б.Н. Чичерин. — М.: Т-во И.Д. Сытина, 1899. — 2-е изд. — С. 439.

21 Там же.

Литература

1. История политических и правовых учений: учебник / под ред. О.Э. Лейста. — М.: Юрид. лит-ра, 1997. — 576 с.
2. Маркин, А.В. Редкий в России государственный: о некоторых аспектах творчества Б.Н. Чичерина / А.В. Маркин, С.Н. Татарников // *Социально-политические науки*. — 1992. — № 1. — С. 85—92.
3. Приленский, В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов / В.И. Приленский. — М.: ИФРАН, 1995. — Ч. 1. — 311 с.
4. Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки / Б.Н. Чичерин. — В 3 ч. — М.: Нов. слово, 1894—1898. — Т. 2. Социология. — 1896. — 432 с.
5. Чичерин, Б.Н. Наука и религия / Б.Н. Чичерин. — М.: Тип. Мартынова и К°, 1879. — 523 с.
6. Чичерин, Б.Н. О народном представительстве / Б.Н. Чичерин. — 2-е изд. — М.: Т-во И.Д. Сытина, 1899. — 810 с.
7. Чичерин, Б.Н. Областные учреждения в России в XVII веке / Б.Н. Чичерин. — М.: Тип. Александра Семена, 1856. — 592 с.
8. Чичерин, Б.Н. *Положительная философия и единство науки* / Б.Н. Чичерин. — М.: Типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1892. — 334 с.
9. Чичерин, Б.Н. *Собственность и государство* / Б.Н. Чичерин. — В 2 ч. — М.: Тип. Мартынова, 1882—1883. — Ч. 1. — 470 с., Ч. 2. — 457 с.

Поступила в редакцию 15 августа 2008 г.

Миронов Евгений Владимирович, родился в 1944 году. В 1972 году окончил философский факультет Уральского государственного университета, обучался в философской аспирантуре МГУ. В 1984 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Гносеологические и социальные функции научной теории». С 1991 года работает на кафедре социологии Южно-Уральского государственного университета. Заведующий кафедрой. Научные интересы: философский аспект исследования геополитических проблем формирования регионов, теории конфликтов в мировой политике.

Mironov Eugeny Vladimirovich was born in 1944. In 1972 graduated from the Philosophical Faculty of Ural State University in the city of Ekaterinburg, major of Philosophy, took the post-graduate course at the Moscow State University. In 1984 he presented the thesis on the topic “Epistemological and Social Functions of the Scientific Theory”, major of Philosophy. He has been working at the Sociology Department of South Ural State University since 1991. He is Head of the Department. Professional interests: philosophical aspect of geopolitical problems research of regions formation, theories of conflicts in the world politics.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Д.В. Соломко

PHILOSOPHICAL GROUNDS FOR RESEARCH OF THEATRICAL ACTION

D.V. Solomko

В статье театральное действие рассматривается как часть универсума культуры, как средство сохранения целостности человеческого бытия. Театральное действие представлено как специфический объект философской рефлексии. С учётом многообразия способов осуществления театрального действия самого по себе, его диалогической природы данный феномен рассмотрен в контексте философского знания, а именно через призму герменевтической и пост-модернистской философских парадигм. Это позволило представить театральное действие как смысловое и семиотическое образование, как текст, выделить основные герменевтические круги его интерпретации. Показано, что интертекстуальная природа театрального действия является основным условием реализации его диалогического начала.

Ключевые слова: целостность жизненного мира человека, театральное действие, текст, герменевтический круг, интертекстуальность.

The article deals with the theatrical action which is considered to be a component of culture universe, as means of human being conservation. Theatrical action is represented as a specific subject for philosophical reflection. Taking into account the diversity of ways to perform theatrical action and its dialogic character this phenomenon is considered in philosophical context namely through the prism of hermeneutical and post-modernist philosophical paradigms. All these facts let us display the theatrical action as a semantic and semeiotic formation, as a text, to point out basic hermeneutical circles of its interpretation. It is noted that an intertextual nature of the theatrical action is the principal condition for realization of its dialogic origin.

Keywords: personal vivid life integrity, theatrical action, text, hermeneutical circle, intertextuality.

Мир дан человеку в его сознании одновременно по-разному: в мышлении — неким целым, универсумом, который объективно являет собой органичную совокупность различных естественных и искусственных форм, многомерным многообразием, где человек вынужден существовать в раздробленном состоянии. Противоречие заключается в том, что целостный мир в восприятии дан нецелостно, более того, человек обречён, по своей природе, жить, существовать, выражать себя многомерно. Человек, создавая и созерцая нечто, способен воспринимать лишь часть этого нечто, какую-либо из его сторон. «Допустим, мы видим дом. Но если мы вдумаемся, видим ли мы его в действительности, то окажется, что не видим. То есть мы можем видеть всякий раз лишь какую-то

часть дома, в зависимости от выбора точки наблюдения»¹. Однако человек, воспринимая целостный мир не целостно, способен и обладает внутренней потребностью привносить в него целостность и упорядоченность посредством мышления и своей созидательной творческой активности. В данном случае человек способен выступать в роли творца, одним из главных достижений которого стал универсум культуры. Именно культура как огромный универсум культурных форм опосредует отношение человека к миру. Существует ряд культурных феноменов — миф, религия, философия, искусство — способных выразить целостное существование человека в его жизненном мире.

Для того, чтобы человек смог преодолеть раздробленность собственного существования, ре-

ализовать потребность находиться в собранном состоянии, воспринимать свой мир целостно, ему необходим некий проводник, медиатор. В этом качестве могут выступать такие культурные феномены как музыка, архитектура, книга, кино и др., способные транслировать ценности, нормы, смыслы, то есть некую культурную информацию. В ряду этих трансляторов ещё со времён античности своё особое место занимает театр. Природа театра синтетична, предполагает соединение различных возможностей выражения смысла посредством аудиовизуальных языковых компонентов: архитектурного языка (декорации), языка одежды (костюмы актёров), языка поз и жестов (мизансцена как пластический язык режиссёра), вербального языка (слово и речь, текст пьесы), языка музыки (звуковое и шумовое оформление) и пр. Именно театр является тем местом, где синтезируется и собирается в некую целостность плюральность, эклектичность, раздробленность, клиповость, разрозненность и разновекторность культурных форм. В современной культуре с её бесконечным разнообразием театр выполняет функцию консолидации жизненного мира человека.

Театр является органичной частью культурного пространства, специфическим, знаковым отражением как мира в целом, так и универсума культуры. Эта специфика связана с динамичной природой театральной жизни, постоянным развитием, становлением, поиском различных форм, приёмов, выразительных средств и не только, которые способствуют организации и реализации всей театральной жизни. При этом любые новшества не отменяют того, что ядром театральной жизни, своеобразной константой, сохраняющейся в рамках любых нововведений, остается *театральное действие*.

Театральное действие — центр театральной жизни. Оно способно выступать не только специфическим объектом восприятия и субъектом воздействия, но и особым оптическим прибором, через который человеку становится доступно нечто, находящееся за пределами воспринимаемой сценической ситуации; нечто, связанное с реальным состоянием культуры и жизненного мира человека. В театральном действии в символической форме представлены реальная жизнь, реальные человеческие взаимоотношения и проблемы: от интимно-личных до общесоциальных. Театральное действие — это некая вторичная целостность, попадая в которую человек заново способен переживать жизненные состояния, подобные тем, в которых он когда-то находился. По словам Г.Г. Шпета: «Театральное действие есть непременно какое-то условное, символическое действие, есть знак чего-то, а не само действительное что-то, произведённое, равно как и не просто копия, — безыскусственная, техниче-

ски, фотографически точная, — воспроизводящая действительность»². Представляется, что указанные особенности театрального действия позволяют рассматривать его как особый предмет исследования в философии культуры.

Понятие театрального действия остается до сих пор не однозначно определенным по содержанию, часто употребляется как само собой разумеющееся. Ряд авторов в области теории и истории драмы и театра используют термин «театральное действие» в разных значениях. По мнению известного французского теоретика театра Патриса Пави, определение понятия театрального действия может быть дано через его сопряжение с такими понятиями как фабульное действие или представленное действие, драматургическое действие и режиссёрское действие, вербальное действие персонажей. Согласно известному писателю и мыслителю XX века С.Д. Кржижановскому, театральное действие следует рассматривать по шкале времени, оно способно выступать как средство прогнозирования и моделирования различных объективных событий будущего. По мнению отечественного теоретика театра и драмы Ю.М. Морозовой театральное действие совершается не только во времени, но и в пространстве, представляет собой действие, выраженное словесно и пластически, действие, развивающееся во времени и имеющее реальное пространственное воплощение.

Надо сказать, что в основном феномен театрального действия представлен в области теории и истории драмы и театра как автономный, несколько изолированный, а его анализ ограничивается перечислением основных стилистических признаков. Такая направленность анализа вполне допустима и даже необходима для составления наиболее полной картины театральной жизни. Вместе с тем, представляется, что для определения театрального действия в качестве средства обеспечения целостности бытия человека необходимо применение не только собственно искусствоведческого (театроведческого) подхода.

Учитывая многообразие способов осуществления театрального действия, возможности его анализа самого по себе, в качестве автономного, и одновременно осознавая его диалогическую природу, рассмотрим этот феномен в контексте философского знания, а именно через призму герменевтической и постструктуралистской философских парадигм. Их базовые установки могут быть эффективно использованы в качестве философско-теоретического и методологического основания исследования объектов художественной культуры, в том числе и театра.

Анализ совокупности различных интерпретаций театрального действия, многочисленных интеракций, происходящих как внутри него, так и

направленных во вне, возможен при рассмотрении театрального действия в контексте философской герменевтической парадигмы. Она предполагает анализ структуры герменевтического опыта с точки зрения раскрытия заключённого в нём человеческого отношения к миру. Применительно к театральному действию данная парадигма позволяет выделить ряд взаимосвязанных и расширяющихся герменевтических кругов интерпретации: человек — театральное действие — человек; человек — театральное действие — мир — человек, которые выступают конкретизацией всеобщего отношения человек — мир — человек. В таком случае через понимание театрального действия человек может понимать другого человека, культуру и мир, в котором он живёт, наконец, понимать самого себя, свой внутренний мир, независимо от того, в какой роли он находится: в роли драматурга, актёра, режиссёра или зрителя.

Применение герменевтики в качестве теоретического метода даёт нам возможность рассматривать само театральное действие как совокупность различных интерпретаций (авторской, режиссёрской, зрительской, актёрской и пр.), определить, какого рода опыт извлекает драматург, режиссёр, актёр и зритель из произведения; учитывать место и историческую ситуацию, в которой произведение создавалось, а также ту, в которой оно интерпретируется, с акцентом на различия между ними.

Если в традиционной герменевтике понимание выступает как методологическая категория, то понимание как форма первичной данности мира человеку, понимание, которое лежит в основе отношения человека не просто к театральному действию как тексту, но и к миру, выступает как онтологическая категория философской герменевтики (М. Хайдеггер, Х.Г. Гадамер, П. Рикёр и др.), соответствующая не столько способу познания, сколько способу бытия. Объектом понимания в философской герменевтике выступает не воплощённая в тексте субъективность, а независимое смысловое содержание, порождающееся в процессе понимания.

Театральное действие в свете герменевтической концепции понимания наделяется деятельностно-коммуникативной природой и представляет собой совокупность смыслов, благодаря которым возможны различные интеракции, интерпретации, в результате чего происходит порождение новых смыслов. Они продуцируются в процессах понимания, в конкретных деятельностно-коммуникативных ситуациях. Акцент делается не на смысле или тексте, а на коммуникативно-деятельностной ситуации, в которой находится понимающий человек (например, зритель). В этом отношении театральное действие как совокупность смыслов выступает как ситуативно создаваемое,

являющееся одновременно объектом зрительского созерцания и специфическим, сложно-структурированным целым, способным оказывать колоссальное воздействие на зрителя. Следовательно, возникает обратная связь, обеспечивающая погружение в пространство смысловой коммуникации, как субъект-субъектное отношение. О подобной коммуникации У. Эко писал: «Когда мы имеем дело с машиной, мы не выходим за рамки кибернетики, а кибернетику интересуют только *сигналы*. Но если в коммуникации участвует человек, то мы должны говорить не о мире сигнала, но о мире смысла»³. На основании этого возможно утверждать, что зритель играет роль не только созерцателя театрального действия, но и роль «действующего лица» — со-участника театрального со-бытия, становится неотъемлемой частью театрального действия.

Процесс театральной коммуникации включает в себе двойной смысл: с одной стороны, театральное действие по отношению к зрителю является адресантом смыслового сообщения, а зритель соответственно — адресатом, с другой стороны, зритель, созерцая действие, способен созидать, что выражается в его зримых и незримых реакциях. Эти реакции, в свою очередь, выступают неким сообщением для участников сценического действия. Если в первом случае зритель осознаёт себя посредством театрального действия, то во втором — театральное действие (совокупность всех его участников) осознаёт себя посредством зрителя, превращаясь из объекта смысловой коммуникации в субъект. Роли адресатов и адресантов постоянно варьируются, поэтому истинный результат смысловой коммуникации производится именно в процессе театрального действия.

Если в традиционной герменевтике задачей является «перемещение» (зрителя, режиссёра или актёра) из своего исторического и культурного мира в мир автора того или иного текста в процессе эмпатии или вживания в авторскую субъективность или эпоху, в которую он жил, то задача философской герменевтики — не перемещение из собственного горизонта в горизонт театрального текста, а слияние их. Причём дистанция, отделяющая истолкователя от истолковываемого текста, всегда остаётся. Она составляет необходимое условие понимания. Иными словами, опыт режиссёра, актёра как интерпретатора или зрителя-интерпретатора сопоставляется с опытом автора текста (например, драматурга), именно в качестве иного опыта.

В рамках постмодернистской философской парадигмы театральное действие интересует нас, прежде всего, как семиотическое образование, как текст. В данном случае подразумевается трактовка театрального действия как системы знаковых средств, рассматриваемой в логике текстуа-

лизации бытия и материализуемой в сфере художественной практики в форме отдельных (локальных) текстов.

Вообще круг идей, именуемых постмодернистскими, полностью охватывается постструктурализмом, виднейшие представители которого (Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж. Лакан и др.) отказываются от установок структурализма, критикуя само понятие «структура», чтобы избежать иерархического упорядочивания реальности.

Из принципов постструктурализма для характеристики театрального действия выделим принцип определения мира как текста и текстуальной природы культуры. Лозунг Ж. Дерриды, «ничего не существует вне текста... Текст — единственно возможная модель реальности»⁴, в котором заложен ключ к пониманию постмодернистского отношения к бытию культуры, может быть применен и к исследованию театрального действия.

В постмодернистском понимании текст выглядит не как конечный результат творческой деятельности субъекта, не как реализация авторского замысла, но как бесконечно изменчивое, текучее пространство вербальной и невербальной (музыкальной, живописной, архитектурной) коммуникации: «Текст — это не устойчивый «знак», а условия его порождения, это питательная среда, в которую погружено произведение...»⁵.

К театральному действию возможно, на наш взгляд, применить также цели и задачи текстового анализа, предложенного Р. Бартом. По его мнению, «текстовый анализ не стремится выяснить, чем детерминирован данный текст, взятый в целом как следствие определённой причины; цель состоит скорее в том, чтобы увидеть, как текст взрывается и рассеивается в межтекстовом пространстве»⁶. И, действительно, смысл анализа театрального действия заключается, в том числе, в обнаружении взаимодействий отдельного текстового (театрального) элемента с множеством других элементов (текстов) и маркировкой места этого элемента в глобальном тексте культуры.

Театральное действие как текст существует не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное единство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и породить новые, как информационный генератор. В связи с этим меняется представление об отношении зрителя и произведения. По мнению Ю. Лотмана, тексты, достигшие по сложности своей организации уровня искусства «вообще не могут быть пассивными хранилищами константной информации, поскольку являются не складами, а генераторами. Смыслы в памяти культуры не «хранятся» а растут. Тексты, образующие «общую память» культурного коллектива, не только служат средством дешифровки текстов, циркулирующих в

современно-синхронном срезе культуры, но и генерируют новые»⁷. Это проявляется в эффекте последствия, того, что совершается за границами сферы театрального действия в пространстве другой семиосферы, и является реализацией интертекста.

Осуществление коммуникативной функции театрального действия как текста возможно лишь в условиях его активного общения с другими текстами как частями глобального метатекста, с которыми он вступает в интертекстуальные связи, то есть оказывается в некоторой степени лишён своей автономности. Интертекстуальность является основным условием реализации диалогического начала театрального действия. Театральное действие при этом следует рассматривать как особый вид текста, обладающего наряду с универсальными характеристиками текста как формы бытия так же специфическими свойствами текста искусства, художественного и театрального текста.

В философии культуры феномен театрального действия, по нашему мнению, может быть рассмотрен как в аспекте статики, так и в аспекте динамики. Первый помогает понять сущностные характеристики театрального действия как самостоятельного и целостного феномена, уяснить его природу, смысл, специфику. Второй аспект (динамический) делает возможным выяснение коммуникативных потенциалов театрального действия, его диалогичности и интертекстуальности.

Анализ театрального действия в философии позволяет выявить его гуманистический потенциал, поскольку, главным субъектом театрального действия является не актёр, не режиссёр и даже не зритель, а человек, находящийся в роли актёра, режиссёра, зрителя... Человек посредством театрального действия способен остановиться, отстраниться от своих повседневных проблем, от суеты, задать себе особые вопросы философско-гуманитарного характера, переосмыслить свой опыт, оживить угасшие желания. Из этой точки начинается путь от смерти к жизни, экзистенциальный путь возвращения человека к самому себе из множества внешних связей и отношений, к своему истинному целостному «Я».

Примечания

1. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию [Сборник] / Мераб Мамардашвили; сост., [вступ. ст.] и общ. ред. Ю.П. Сенокосова — М.: Прогресс; Культура, 1992. — С. 5.
2. Шпет, Г.Г. Театр как искусство / Г.Г. Шпет // Мастерство театра. — 1922. — № 1. — С. 31—39.
3. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. — СПб.: Петрополис, 1998. — С. 48.
4. Деррида, Ж. Difference / Ж. Деррида. — Томск: Водолей, 1999. — С. 158.

5. Колесников, А. Философская культура и основы ее преемственности / А. Колесников // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. — 1995. — Сер. 6. Вып. 4. — С. 12—15.

6. Барт, Р. S/Z / Р. Барт. — М. : Культура — Ad Margmem, 1994. — С. 401.

7. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история / Ю.М. Лотман. — М. : Языки русской культуры, 1996. — С. 202.

Поступила в редакцию 26 августа 2008 г.

Соломко Дмитрий Витальевич окончил в 2006 году ЧГАКИ, аспирант кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств. E-mail: dimiurg85@mail.ru

Solomko Dmitry Vitalievich graduated from the Chelyabinsk State Academy of Arts and Humanities in 2006, Post-Graduate Student of the Philosophical Sciences Department of Chelyabinsk State Academy of Arts and Humanities. E-mail: dimiurg85@mail.ru

ТИПЫ КУЛЬТУРЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В.Д. Цветкова

TYPES OF CULTURE OF PERSONAL SELF-ACTUALIZATION

V.D. Tsvetkova

Культура рассматривается как основание творческого восхождения, развития потенциала личности. Культура самореализации личности представлена как специфический объект философской рефлексии, предложена дефиниция этого понятия. Проанализированы исследованные различными авторами типы (модели, виды и формы) самореализации личности. Выделены типы культуры «порождения» идей, культуры «продвижения» и использования идей. Обосновывается приоритетное значение модели гармонизации всех составляющих культуры самореализации. Продемонстрирована связь самореализации в современной социокультурной среде с гармонизацией личности и решением ею лично значимых задач индивидуального существования путем порождения и продвижения, практического использования собственных идей.

Ключевые слова: культура самореализации личности, типы самореализации, гармонизация личности.

The article considers the culture to be the basis for creative growth and development of personal potential. The culture of personal self-actualization is represented as a specific object of philosophical reflection, the definition of this notion is offered. Some types (models, kinds and forms) of personal self-actualization are analyzed. Types of culture of ideas production, ideas promotion and ideas usage are distinguished. The importance of model of harmonization of all components of culture of personal self-actualization is proved. The article shows the link between self-actualization in modern sociocultural environment and harmonization of personality, solution of personally important problems by generating, promoting and application of own ideas.

Keywords: culture of personal self-actualization, types of self-actualization, personal harmonization.

Призвание личности состоит в том, чтобы осуществить свой духовный потенциал, сделать культуру сферой собственного творческого восхождения. Конечно, нельзя мыслить крайне утопично, нельзя ждать от всех стремления к духовному росту. Но, в целом «понимание необходимости развивать в себе силу воли, способность к новаторству, умение бросать вызов условиям, готовность преодолевать непонимание, противодействие окружающих позволяют в современных условиях выстоять, подняться до вершин самореализации»¹. В этом стремлении также проявляется «культура личности» как мера освоения человеком материальных и духовных ценностей и мера его деятельности, направленная на создание ценностей различных уровней и назначений в индивидуальной практике.

Для выделения типов культуры самореализации личности представляется возможным использовать образную формулу культуры, пред-

ложенную Б. Пастернаком в ответе на вопрос «Что такое человек?» из анкеты немецкого журнала «Magnum»: «Культура — плодотворное существование... Человек реален и истинен, когда он занят делом, когда он ремесленник, крестьянин или великий, незабываемо великий художник, или же ученый, творчески постигающий истину»². Именно в плодотворном, производительном существовании наиболее полно и целостно раскрывается социально-деятельная сущность человека, его способность самоопределяться в мире творчески, универсально, исторически.

Культура выступает всеобщим средством самореализации личности. Она выражает внутреннее смысловое единство с другими людьми и творческим опытом предшествующих поколений. Возможно вести речь о существовании такого феномена как культура самореализации личности, которая представляет собой форму плодотворного существования человека в процессе наиболее пол-

ного выявления и осуществления личностью своих возможностей в решении лично значимых проблем во всех сферах человеческой деятельности. Культура самореализации — это еще и форма систематического воспроизводства и опредмечивания самости.

Наиболее глубокие формы истинной самореализации могут быть достигнуты в результате освоения человеком культуры как целого, а не только отдельных её компонент. В этом случае у человека появляются возможности для проявления и реализации самых разнообразных потенций своей личности, востребованным оказывается все многообразие человеческих качеств, самопроявление осуществляется в гораздо более широком диапазоне. Следствием этого становятся большая полнота и насыщенность жизни³.

Тем не менее целое (культуру) человек усваивает по частям и отдельным составляющим в непрерывном процессе постижения и реализации собственного Я. В соответствии с этим и феномен культуры самореализации личности можно рассматривать через призму отношения целого и его составляющих. Современными исследователями выделяются различные типы, способы, формы самореализации, самоутверждения, самосозидания, самоопределения.

Например, по мнению В.Н. Келасьева существует множество форм самореализации человека, в рамках которых он имеет возможность раскрыть различные типы способностей. Каждый человек стремится утвердиться любыми доступными средствами и способами в их сочетании. Поэтому формы самореализации и самоутверждения разнообразны:

— статусное самоутверждение (через достижение определенного статуса);

— поисковое самоутверждение, когда человек пытается реализовать себя через непрерывный поиск собственного Я, через смену различных сфер и видов деятельности. Этот тип самоутверждения довольно распространен в наши дни, когда люди не видят опоры в жизни, не чувствуют уверенности. Так, еще в начале XX века Ф.А. Степун написал: «В современной... европейской культуре всего много: мыслей, теорий, чувств, страстей, опыта, планов, знаний, умений и т. д. Но всем этим своим непомерным богатством современный человек в современной культуре все же не устроен. Скорее наоборот — всем этим он расстроен, замучен, сбит с толку и подведен к пропасти»⁴;

— престижное самоутверждение проявляется в попытке повысить собственную значимость путем приобретения престижных, «модных» вещей;

— самоутверждение как самоцель имеет место, когда человек пытается утвердить себя любыми доступными средствами и способами;

— самоутверждение на базе накопительства материальных ценностей;

— самоутверждение через расширение границ и возможностей собственного сознания, совершенствование духовности;

— самоутверждение путем приобщения к информации и интеллектуальной элите общества;

— самоутверждение через творчество. Последняя форма, по мнению В.Н. Келасьева, интегрирует ряд других форм, таких как самореализация через расширение границ собственного сознания, приобщение к новым видам информации.

С нашей точки зрения, не только эта форма в предложенной типологии интегрирует в себе другие (или может переходить в другие, пересекаться с ними). Так, самоутверждение на базе накопительства может перейти в престижное самоутверждение и даже в статусное и наоборот.

В.Н. Келасьев отмечает, что рассмотренные типы можно выделить преимущественно по отношению к самореализации в контексте европейской культуры. На Востоке ситуация выглядит совершенно иной. «Здесь акцент делается не на реализации себя через активное преобразование мира и, соответственно, внешних условий, в том числе социума и его структур, а на способах вживания в уже сформировавшуюся среду. В таком случае активность человека неизменно переориентируется на его внутренний мир»⁵. Самореализация здесь достигается путем изменения себя, приспособления к этическим, политическим и идеологическим нормам общества и, тем самым, человек уходит от страданий, связанных с несоответствием своего Я социокультурной среде. Гармония в таком случае достижима путем углубления в себя через отказ от активности и суеты мира.

Характеризуя западный и восточный типы самореализации, М.И. Мельникова указывает, что первый ориентирует личность на индивидуальный успех, активность, на доход и потребление материальных благ. Второй — предполагает приоритет групповых ценностей над индивидуальными, позволяет пережить кризисные ситуации с меньшими потерями путем отрешения от действительности⁶.

В качестве продуктивной для исследования самореализации можно рассматривать идею, предложенную Д.К. Чулаковым. Основанием выделения типов самореализации является та мера, в которой субъект выступает «источником самореализации и решает, какие способности следует развивать, какие потребности удовлетворять и к каким целям стремиться»⁷. Так, основываясь на роли человека в этом процессе, автор выделяет активный и пассивный типы самореализации. Пассивный тип характеризуется ориентацией на адаптацию, репродукцию, имитацию. Активный тип

предполагает «наличие представлений субъекта о своих способностях и потребностях, присутствие определенных ментальных инструментов и практических техник, позволяющих формировать и культивировать одни индивидуальные сущностные силы и пренебрегать другими»⁸. Оба типа необходимо рассматривать в диалектической взаимосвязи: пассивная самореализация в некоторых случаях (например, в процессе воспитания, обучения) становится предпосылкой активной самореализации.

В системном исследовании самореализации С.И. Кудинов выделяет её формы и соответствующие им виды. Внешняя форма самореализации проявляется в самовыражении личности в различных сферах деятельности: учебе, спорте, творчестве, искусстве, профессии, политической и общественной деятельности. Внутренняя форма направлена на самосовершенствование личности в интеллектуальном, нравственном, эстетическом и духовном аспектах. Среди видов самореализации С.И. Кудинов называет социальную, личностную и деятельностьную⁹. Социальная самореализация соответствует внешней форме реализации себя и связана с общественно-полезной деятельностью (политической, педагогической, хозяйственной). Личностная самореализация соответствует внутренней форме самореализации и связана с духовным ростом человека, обеспечивая развитие трудолюбия, ответственности, общительности, эрудиции, нравственности, креативности и многих других качеств. Деятельностная самореализация в предложенной системе стоит вне форм самореализации субъекта и предполагает самовыражение в различных видах деятельности, которые могут быть и не связаны с профессией человека (творчество, любительский спорт, учеба).

Характеризуя культуру личности, В.А. Ремизов устанавливает соответствие между её типами (например, культура политическая, производственная, экологическая, экономическая, педагогическая, художественная) и сферами самореализации личности — научной, физической, религиозной, правовой и др.¹⁰. При таком делении, на наш взгляд, довольно велик риск упустить какую-либо из сфер культуры в перечислении, а также рассматривать культуру личности в изоляции, вне целостной картины человеческой жизни.

Значительный интерес для исследования культуры самореализации представляет типология самоопределения личности Р.Л. Лившица. По мнению автора, человек может выбрать «либо жизнь в модусе духовности, либо существование в модусе бездуховности»¹¹. Жизнь в модусе духовности предполагает открытость навстречу миру, движение изнутри личности вовне. Открытость проявляется в сочувствии, сострадании, в интересе к другому человеку. Бездуховность предполагает

ет закрытость личности и проявляется в замкнутости в себе, внутренней безжизненности, отсутствии интереса к миру и другому человеку. Закрытость также раскрывается через понятие отчуждения и даже самоотчуждения, когда человек в большей мере закрыт сам по себе, нежели под влиянием каких-либо внешних факторов.

По нашему мнению, для выявления типов культуры самореализации личности как граней плодотворного существования человека в процессе реализации своих потенций возможно использовать позиционный анализ работы группы над заданием, предложенный А.И. Пригожиным. Его суть состоит в том, что при работе над определенным проектом каждый человек может проявить себя (выбрать для себя роль) как организатор, разработчик, проектировщик, изготовитель или пользователь¹². При этом в рамках какой-либо роли человек может занять и различные по своей активности и заинтересованности позиции: *инициативы, содействия, бездействия, противодействия*. К гармонии приближаются наиболее активные и инициативные группы, которые выступают как креативные и творческие единицы в процессе реализации личностного или группового проекта. Так, позиционный анализ позволяет осознать необходимость соединения единичных характеристик личности в некую целостность, в гармоничное единство. А это довольно продуктивная идея, так как она позволяет преодолеть ущербность и односторонность в различных подходах к типам самореализации личности.

Мы считаем также необходимым учитывать идею В.Н. Келасьева о том, что односторонняя реализация личности лишь в какой-либо сфере деятельности не может привести личность к гармонии — к единству составляющих его бытия как к целому. Учитывая представленные позиции, мы предлагаем выделять типы культуры самореализации личности как формы систематического производства, воспроизводства и опредмечивания самости, а также как формы плодотворного существования личности. Выбирая ту или иную форму самореализации, человек ищет возможность решать лично значимую принципиальную задачу в определенный момент его жизни. Но в то же время найденное решение подобной задачи индивидуального бытия может оказаться общезначимым.

С учетом активности занимаемой позиции и открытости личности миру мы выделяем:

- культуру «порождения» идей при решении лично значимых задач (умозрительный, потенциально практический тип);
- культуру «продвижения» и использования идей (практический тип);
- культуру «гармонизации» личности (целостный тип), которая предполагает единство

составляющих культуры личности (то есть решение лично значимых задач путем практического использования собственных идей).

Человек, порождающий идеи на индивидуально-личностном уровне, решая экзистенциальные задачи, занимает активную позицию по отношению к собственному Я, открыт самому себе, осознает собственную самость. При этом он может быть пассивен по отношению к миру, не искать выхода вовне или бояться подняться на надындивидуальный уровень (например, не справляясь с факторами «нового» отчуждения социокультурной среды). Такой тип культуры самореализации близок к «восточному» поскольку человек преобразовывает, прежде всего, свой внутренний мир для «вживания» в существующую среду. Но при этом он может не принимать существующих норм и правил, а стараться хотя бы на индивидуально-личностном уровне преодолеть рамки социума. Используя идеи А.И. Пригожина и учитывая инициативность личности в порождении идей, можно отметить, что в таком случае человек проявляет инициативу по отношению к себе самому, к своему внутреннему миру, но не к внешнему.

На наш взгляд, нельзя назвать этот тип пассивным, так как и в случае порождения идей и решения лично значимых проблем человек оценивает, рефлексировать, делает собственный выбор, ограничиваясь при этом лишь рамками личного пространства. В таком случае некая замкнутость в себе и отсутствие выхода вовне, как нам представляется, никак не означает бездуховности.

Культура «продвижения» и использования идей на практическом уровне предполагает чрезвычайную открытость миру, активность вовне. Такие люди могут многообразно применять, продвигать, использовать и чужие идеи, не стремясь при этом к целостной реализации себя: от выявления личной экзистенциальной задачи до её решения и использования этого решения для выхода на надындивидуальный уровень. Такой тип культуры самореализации личности более близок к европейскому способу самоутверждения, когда человек реализует себя через активное преобразование внешнего мира.

Культуру продвижения идей нельзя назвать во всех смыслах слова активным типом самореализации, так как в таком случае человек может и не оценивать, не рефлексировать и не делать осознанный выбор, а лишь ограничиваться путем продвижения к цели с наименьшим сопротивлением. Но зато при этом человек отлично осознает свои способности, возможности практического использования того или иного средства решения экзистенциальной задачи и проявляет внешнюю инициативу по отношению к социуму.

Культура гармонизации личности предполагает целостность, замкнутость цикла от зарождения идеи по решению лично значимой задачи до её практического использования, а также возможное признание социумом способа решения подобных задач. Этот процесс включает самоопределение, выявление собственной самости, и реализацию себя, выход на надындивидуальный уровень.

Культуре гармонизации присущи черты активной самореализации. Так, решая собственную экзистенциальную задачу и выходя при этом на надындивидуальный уровень, мы переходим к самотворчеству и самосозиданию. Человек в таком случае сам организует свою жизнь в активном действии, осуществляет собственный выбор пути, выходя за рамки своего прежнего уровня.

Культура гармонизации близка к жизни в модусе духовности, так как в этом случае человек открыт навстречу миру и движется по направлению изнутри вовне.

Безусловно, следует рассматривать предложенные типы культуры самореализации диалектически, так как культура порождения идей и внутреннего преобразования в некоторых случаях со временем, когда внешняя среда позволяет сделать это, переходит в культуру продвижения идей. Выживая в условиях новейшего отчуждения, личность также занимает приемлемую для нее в данный момент позицию, которая может в наибольшей степени в определенной ситуации обеспечить комфортное состояние на какой-либо временной промежуток. При изменении характеристик социокультурной среды позиции могут измениться.

В современных условиях культура гармонизации личности имеет особую ценность, учитывая и необходимость стратегии открытости, и жизнь в модусе духовности, и целостное движение изнутри вовне как опредмечивание самости, и реализацию собственных потенциалов при решении лично значимых задач.

Примечания

1. Кебина, Н.А. Философия смысла и самореализации личности : [текст] / Н.А. Кебина. — М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2003. — С. 107.
2. Лойфман, И.Я. Культура как плодотворное существование : [Сборник] / И.Я. Лойфман // Двадцать лекций по философии. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. — С. 81.
3. Зобов, Р.А. Самореализация человека : введение в человекознание : [текст] / Р.А. Зобов, В.Н. Келасьев. — СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2001. — С. 231.
4. Степун, Ф.А. Ив. Бунин : [электрон. ресурс] / Ф.А. Степун // Современные записки. — 1934. — № 54. — С. 197—211. — <http://lit.lseptember.ru/>
5. Зобов, Р.А. Цит. соч.
6. Кумейкина, О.В. Влияние городского и сельского образа жизни на самореализацию личности как научно-

исследовательская проблема : [электрон. ресурс] / Кумейкина О.В., Мельникова М.И. — <http://hpsy.ru/authors/x362.htm>

7. Чулаков, Д.К. Индивидуализация и самореализация в современной социальной реальности : [электрон. ресурс] / Д.К. Чулаков. — <http://www.psu.ru/>

8. Там же.

9. Кудинов, С.И. Самореализация как системное психологическое образование : [электрон. ресурс] / С.И. Кудинов. — <http://www.i-u.ru/>

10. Ремизов, В.А. Культура личности (Ценност.-мировозрен. анализ): монография / В.А. Ремизов; Акад. гражд. защиты. — М., 2000. — 216 с.

11. Лившиц, Р.Л. Духовное самоопределение личности : [Сборник] / Р.Л. Лившиц; отв. ред. Н.Н. Целищев // Основания индивидуального бытия / Рос. филос. о-во и др. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. — С. 65.

12. Пригожин, А.И. Нововведения : стимулы и препятствия (Социал. пробл. инноватики) : [текст] / А.И. Пригожин. — М. : Политиздат, 1989. — С. 106.

Поступила в редакцию 26 августа 2008 г.

Цветкова Вера Дмитриевна, окончила в 2006 году ЧГАКИ, аспирант кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств. E-mail: verchitto@mail.ru

Tsvetkova Vera Dmitrievna graduated from Chelyabinsk State Academy of Arts and Humanities in 2006, post-Graduate Student of the Philosophical Science Department of Chelyabinsk State Academy of Arts and Humanities. E-mail: verchitto@mail.ru

*Подписной индекс Вестника ЮУрГУ, серия «Социально-гуманитарные науки»: 29076,
объединенный каталог «Пресса России».
Периодичность выхода – 2 номера в год.*

*Информация о «Вестнике ЮУрГУ» и требования к оформлению статей
доступны в Интернет по адресу:
<http://www.susu.ac.ru/ru/science/publish/vestnik/>*

**ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 21(121) 2008

**Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»**

Выпуск 11

Отв. ред. серии *Балакин В. С.*

Компьютерная верстка *Феркель В. Б.*

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 19.09.2008. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл.-печ. л. 17,67. Уч.-изд. л. 16,67. Тираж 500 экз. Заказ 369/428.

Отпечатано в типографии Издательства ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.